

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

ТУРГЕНЕВСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2002 ГОДА

Орел - 2003

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА**

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 2002 ГОДА

Орел 2003

ББК-83.3 Р

Т-87

Авторский коллектив выражает благодарность генеральному директору ООО «Орелрегионгаз» Удаловой Л.В. за содействие в издании этого сборника.

Тургеневский ежегодник 2002. — Орел:
Издательский Дом «ОРЛИК», 2003 — 192 стр.

*В сборнике использованы иллюстрации из фондов
Государственного литературного музея И.С. Тургенева.*

© Государственный литературный музей И.С. Тургенева. 2003 г.

Оглавление

В.А. Громов. Сила художника	5
Л.В. Дмитрихина. Музейный калейдоскоп	7

I

К 150-летию «Записок охотника»

Г.Б. Курляндская. Исследование о Тургеневе	13
Н.П. Генералова. Кто был собеседником Тургенева в 1845 году? (У истоков формирования замысла «Записок охотника»)	17
Л.И. Скокова. К проблеме «естественного человека» Руссо в «Записках охотника»	34
О.Б. Улыбина. Философия страдания в повестях И.С. Тургенева («Живые мощи», «Странная история», «После смерти»)	45
В.А. Лукина. Об одном эпиграфе из «Записок охотника»	50
С.Д. Симеонова. Традиции «Записок охотника» И.С. Тургенева в творчестве М.М. Пришвина	56
Е.Г. Мельник. Каталог выставки, посвященной 150-летию со дня выхода в свет отдельного издания «Записок охотника»	65

II

Вокруг Тургеневской энциклопедии

С.Л. Жидкова. И.С. Тургенев и семья Ф.И. Тютчева (к 200-летию со дня рождения поэта)	71
И.Г. Кузнецова. Ф.И. Тютчев о романе И.С. Тургенева «Дым». (О стихотворении «Пожары»)	78
Л.А. Балькова. Спор о Шагобриане	84
Е.В. Проц. И.С. Тургенев и М.С. Щепкин	89
Е.Г. Мельник. А.Я. Шварц в семье Тургеневых	93
Л.М. Александрова. И.С. Тургенев и А.Т. Марков	102

III

Наши публикации

<i>А.Т. Молозева.</i> Голоса из прошлого. Часть вторая	107
<i>В.П. Волчихина.</i> Охранительная опись имения в с. Спасском-Лутовинове, принадлежащего И.С. Тургеневу	114
<i>Г.Н. Павлова.</i> «Эпоха Тургенева <...> была мне душевно близка»	117

IV

На родине Тургенева

<i>В.А. Власов.</i> Родная улица Ивана Тургенева	127
<i>Е.А. Козеева.</i> Реальный комментарий к рассказу И.С. Тургенева «Три встречи»	132
<i>Л.Н. Иванова, А.С. Днепровский.</i> Железцево	134
<i>С.А. Тишина.</i> «Мы с именем Тургенева выросли...»	148

V

С думой о Тургеневе

<i>Л.Н. Назарова.</i> Встречи в Спасском	159
<i>Е.И. Клочкова.</i> Тема «И.С. Тургенев и Германия» в работе партнерского клуба «Орел-Оффенбах»	171
<i>Л.Д. Серова.</i> О поэтических вечерах в литературной гостиной музея И.С. Тургенева в 2002 году	175
<i>Стихи В. Еремина, В. Ермакова, Н. Перовского, Л. Потапова, Л. Серовой</i>	178
<i>В.В. Протасов.</i> Страница из повести об И.С. Тургеневе «Последнее лето». Лирические миниатюры	190

СИЛА ХУДОЖНИКА*

Читательские вкусы и пристрастия переменчивы. Но классика потому и называется классикой, что она - для всех времен и народов, для каждого из нас в отдельности, как обязательные представления, понятия, как исходная точка отсчета для непрерывного движения нашего духа вперед и выше,вширь и вглубь. Классика - это не только огромный талант писателя, но и высокий уровень читателя в их вечно живой взаимосвязи, которая возникает чаще всего при первом же появлении того или иного произведения в печати и затем уже как некое электричество, как великая нравственная энергия передается от сердца к сердцу, от поколения в поколение - неостановимо!

«Получили ли ты новые журналы?» - спрашивал 130 лет назад наш земляк И.В. Павлов своего юного друга. - У, как хорош тургеневский «Каратаев»! Я читал его своим (студентам Московского университета) громко... и плакал безо всякого зазрения совести!...». Так воспринимались молодежью рассказы и очерки Тургенева при самом первом их появлении в журнале, душою которого был Белинский, а одним из редакторов и издателей - Некрасов.

«В последнем «Современнике», - писал И.В. Павлов в середине октября 1847 года, - Герценовы письма из Парижа и Тургенева «Записки охотника» («Бурмистр», «Контора»). Прелесть что за вещи!»

«Читал ли ты в февральской книжке «Современника» (1849 года) «Тамлета Щигровского уезда»? Я давно уже ничего подобного по-русски не читал. Доставай непременно и прочти».

Волны читательского одобрения, восторга, благодарности докатывались, разумеется, до редакции журнала, а через нее и до автора, который впоследствии говорил, что именно успех самых первых рассказов из «Записок охотника», и прежде всего «Хоря и Калиныча», породил весь этот цикл. Таким образом, читатели будущей книги, вышедшей первым отдельным изданием в августе 1852 года, то есть 125 лет назад, были фактически соавторами нашего великого земляка в создании «поэтически написанного обвинительного акта против крепостничества», как определял невинные с виду рассказы и очерки А.И. Герцен.

Даже после смерти Николая I, признавшего эту книгу предосудительной и расправившегося с ее автором и цензором, она оставалась еще несколько лет под запретом и смогла быть переизданной лишь накануне отмены крепостного пра-

---

* Впервые опубликовано в газете «Орловский комсомолец», 1977, № 151, 2 августа.

ва. Своеобразным обобщением разноречивых толков, вызвавших в официальных сферах и среди частных лиц пропуском первого отдельного издания «Записок охотника», явилась найденная нами итоговая справка III отделения, стремившегося пресекать любые проблески вольномыслия. Этот документ публикуется здесь в полном виде впервые.

«О сочинениях Тургенева»

В 1852 году министр Народного Просвещения объявил Московскому военному генерал-губернатору, что государь император, обратив внимание на изданную в Москве книгу под заглавием «Записки охотника», сочинение Тургенева, изволил усмотреть, что значительная часть помещенных в ней статей имеет решительное направление к унижению помещиков, которые представляются вообще или в смешном и карикатурном, или еще чаще в предосудительном для их чести виде. Признавая, что распространение столь невыгодных мнений на счет помещиков послужить может к уменьшению уважения к дворянскому сословию со стороны читателей других состояний. Его Величество Высочайше повелел цензора, пропустившего означенную книгу, князя Львова, которому перед тем сделан был выговор за пропуск I тома «Московского сборника», отставить за небрежное использование должности.

В том же году Тургенев за напечатание в «Московских ведомостях» такой статьи (наполненной неуместными преувеличениями о Гоголе), которая не была пропущена Санкт-Петербургскою цензурою, был выдержан месяц под арестом и отправлен в имение его, в Орловскую губернию.

По делам 3-го отделения не имеется сведения, что которое-либо из других сочинение Тургенева было предосудительно или запрещено.

27 ноября 1853 года».

Поводом к составлению этой справки послужило следствие по делу Н.А. Мордвинова, заподозренного в распространении преступных статей, которые приписывались другому нашему земляку - Т. Н. Грановскому. На допросе Мордвинов отверг предъявленные ему обвинения и заявил, что действительно иногда читал в кругу своих знакомых лишь такие вещи, как, например, повести Тургенева «Записки охотника». Справка III отделения «О сочинениях Тургенева» дала повод к следующему каверзному вопросу: «В 3-м пункте показаний ваших вы сказали, что распространение чтением или другим способом преступных сочинений несогласно с вашими мыслями и понятиями. Между тем выше сего показали вы, что вы иногда читали действительно статскому советнику Мейснеру повести Тургенева «Записки охотника».

Так как записки эти по содержанию своему весьма вредны и следовательно не

должны быть распространяемы в обществе, то чтение ваше сих записок в присутствии других не согласуется с сказанным вами о вашем образе мыслей и понятиях.

Объясните такое противоречие в ваших собственных словах».

Мордвинов на это ответил: «Повести г. Тургенева под заглавием “Записки охотника” были печатаемы в журнале «Современник» и потом, кажется, даже изданы отдельно книжкою. Зная, что все, что печатается в России, печатается по предварительному просмотру по данному от правительства дозволению, я считал эти повести не заключающими в себе никаких вредных мыслей и при чтении их также не заметил в них ничего более, кроме рассказа различных приключений, бывших с автором их; а потому не считал чтение их в присутствии других несогласным с образом моих мыслей и понятий».

Положим, Мордвинов лукавил, говоря о том, что якобы главную мысль антикрепостнической книги не разгадал. Но в одном он был несомненно искренен и прав: «Записки охотника», будучи истинно художественным произведением, выходят далеко за пределы той конкретной цели, которую, несомненно, преследовал автор, давший еще в юности Аннибалову клятву бороться до конца и никогда не примиряться с крепостничеством. Непреходящее значение этой «чудесной книги» может быть определено словами самого Тургенева, сказанными им в речи по поводу открытия памятника Пушкину в Москве: «В поэзии - освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила».

Л.В. Дмитрихина

МУЗЕЙНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

2002 год – год 150-летнего юбилея «Записок охотника» - великой книги И.С. Тургенева. Поэтому большая часть происходивших в музее событий была посвящена этой знаменательной дате.

150-летию «Записок охотника» была посвящена серия интересных выставок, работавших как в стенах музея, так и за его пределами.

Главная юбилейная выставка носила название «Красносмотрительень же и радостень высокова сокола лётъ...» - строки из книги царя Алексея Михайловича «Урядник или Новое уложение и устройство чина Сокольничьи пути».

Эта выставка раскрывала не только традиционно антикрепостническую направленность «Записок охотника», но и ярко акцентировала экологический аспект большинства рассказов, давала возможность порассуждать на тему «культура охоты».

Интерес у орловцев вызвали и выставки: «Поедемте-ка во Льгов...» - природа и люди тургеневских мест через 150 лет (художественная фотография В. Павловой, фито-дизайн «Травы Полесья» В. Соколовой; издания «Записок охот-

ника» XX века); «Живые родники» - народные традиции Орловского края в творчестве учащихся школы изобразительных искусств и народных ремесел.

В школе села Льгов Хотынецкого района была размещена выставка иллюстраций к рассказам из цикла «Записки охотника» учащихся Орловской школы изобразительных искусств и народных ремесел. Выставка носила название: «Хорь, Калиныч и другие...»

Юбилею «Записок охотника» был посвящен большой литературный праздник «Здравствуй, город Тургенева», состоявшийся 29 июля в «рябиновом» сквере возле музея И.С. Тургенева.

И, конечно, вся «Тургеневская осень 2002 года» прошла под знаком «Записок охотника»:

- День памяти Тургенева 3 сентября: Поминальная служба в церкви Иоанна Крестителя; Час памяти писателя в музее – «Венок Тургеневу»; возложение цветов к памятнику И.С. Тургеневу и выступления поэтов, театральных деятелей и другой творческой общественности города;
- научные чтения «Идейное и эстетическое единство «Записок охотника» с участием докладчиков из Гослитмузея И.С. Тургенева г. Орла, музея-заповедника И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново», Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Орловского государственного университета;
- проведен конкурс сочинений старшеклассников на тему «Записок охотника»;
- конкурс сочинений стал составной частью литературных «Игр школяров», где учащиеся орловских школ в игровой форме показывали свои знания «Записок охотника», глубокое понимание их истинного смысла;
- в дни «Тургеневской осени» в музее работал видеолекторий «Охотничьи тропы И.С. Тургенева. Спасское-Лутовиново – Льгов»;
- состоялся литературный праздник в с. Ильинском близ Льгова «Тургеневская осень в Полесье»;
- завершилась «Тургеневская осень 2002 года» традиционно 9 ноября в день рождения писателя возложением цветов к мемориальной доске, а в музее состоялась премьера спектакля из репертуара Тургеневского усадебного театра «По усам текло, а в рот не попало» по пьесе Н. Свечина. Спектакль разыграли актеры студенческого театра ОГУ «Ювента» под руководством Н.Н. Смоголь.

Разумеется, музейная жизнь 2002 года включала не только те мероприятия, которые непосредственно связаны с «Записками охотника». Музейный калейдоскоп складывался и в другие довольно яркие картинки:

- в выставочных залах работали выставки: «В Тургеневском Орле» - материалы из фондов музея и частных коллекций А.Н. и В.П. Петровых (Орел) и Д. Вульфа (Москва); «Увидеть Францию и...» - Париж в художественных фотографиях В. Павловой; выставка графических работ члена Союза художников России А.А. Андреевой, жены Д.Л. Андреева (Москва); «Путешествие: Орел... Болхов... Мценск» - фотоработы членов молодежной студии «Фотография» Орловского художественного училища; «Пасхальные радости» - лаковая миниатюра А. Подколук и вышивка С. Пелепейченко; «Муму» - иллюстрации учащихся ДХШ г. Орла. (К 150-летию создания рассказа) и другие.

Многие орловцы полюбили проходящие в музее И.С. Тургенева литературные и литературно-музыкальные вечера и встречи.

В 2002 году это были:

- литературно-музыкальный вечер «Тургенев и Германия» совместно с партнерским клубом «Орел – Оффенбах»;
- литературный вечер «Именины у Тургенева»;
- вечер «В окрестностях Дворянского гнезда»;
- вечер памяти А.С. Пушкина;
- торжественный вечер, посвященный 200-летию В. Гюго, организованный музеем совместно с Ассоциацией «Французский Дом»;
- презентация нового издания книги «И.С. Тургенев. “Стихотворения в прозе”» с иллюстрациями художника В. Ромашова. Издатель А. Воробьев;
- вечер, посвященный 150-летию рассказа «Муму»;
- литературно-музыкальный вечер «Всадник на белом коне» (И.С. Тургенев и герой Балканской войны генерал Скобелев);
- вечер «Эти разные лики любви» (по повестям И.С. Тургенева);
- «Встреча друзей» - студенты ОГУ и студенты Реймского университета в музее И.С. Тургенева;
- утренники в детских садах «Сказки Тургенева» и другие.

Как и в предыдущие годы при музее работало Тургеневское общество, 18 заседаний которого прошло по секциям: литературовед-

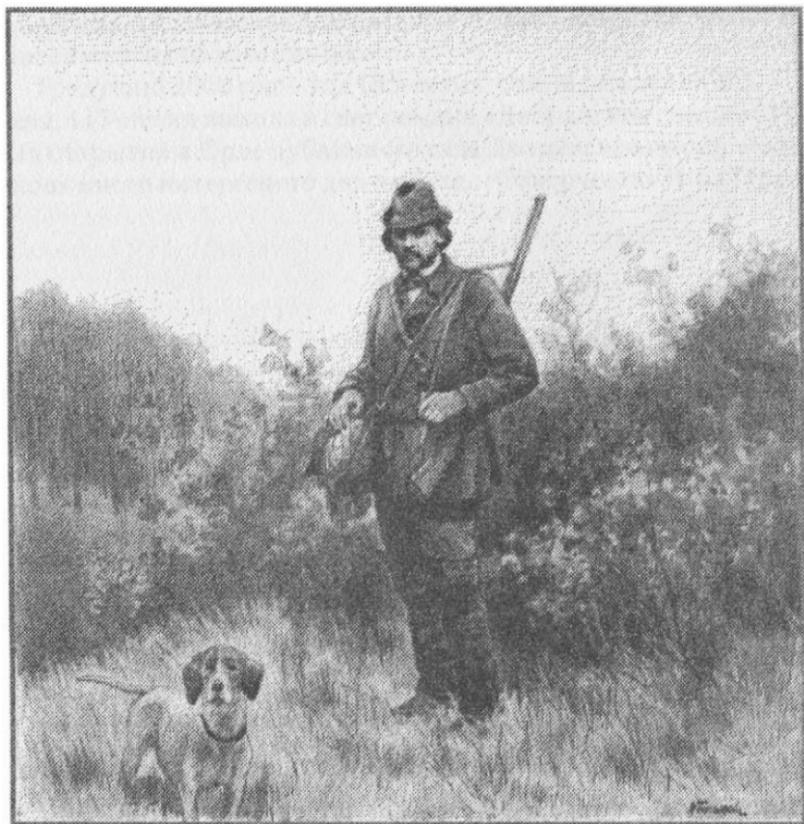
ние, краеведение, поэзия.

Особенно радостно отметить, что среди участников и зрителей перечисленных действий все больше становится молодежи: учащиеся колледжа культуры, учащиеся Мезенского педагогического колледжа, члены студенческой театральной студии «Ювента» при ОГУ, учащиеся многих орловских школ.

Грядущий 2003 год – год 185-летия со дня рождения И.С. Тургенева, 145-летия выхода в свет романа «Дворянское гнездо», 100-летия открытия в Орле публичного сада Дворянское гнездо – обещает вновь много интересного для любителей творчества И.С. Тургенева.

1

К 150-летию «Записок охотника»

Н. Богатов. Охотник с собакой. 1903 год.

ИССЛЕДОВАНИЕ О ТУРГЕНЕВЕ

Книга Ю.В. Лебедева о «Записках охотника» Тургенева¹ является сочинением на казалось бы очень изученную тему: автор удовлетворяет читателя тщательностью и доказательностью неожиданных сопоставлений, открывающих новое понимание всемирно прославленной тургеневской книги, оказавшей идейно-эстетическое воздействие не только на русскую литературу. Ю.В. Лебедев сумел найти новый проблемный аспект рассмотрения этой «поэмы в прозе».

Прослеживая отзывы современной Тургеневу русской и зарубежной критики, Ю.В. Лебедев приходит к выводу, что «Записки охотника» - это не подборка «пестрых» рассказов, механически собранных в одну книгу под общим названием, а органическое единство, внутри которого действуют особые художественные закономерности, порожденные взаимодействием и взаимосвязью рассказов. Эта мысль о единой структуре тургеневской книги представляется нам значительной, емкой и единственно верной. Конечно, традиционное изучение отдельных рассказов вне их соотносительности с целым уже подвергалось сомнению. Но именно Ю.В. Лебедеву удалось понять «Записки охотника» как единый художественный организм и его эстетические законы. Раскрывая образные связи между различными сюжетными мотивами, эстетическое созвучие между различными очерками, автор интересно интерпретирует книгу как систему художественных переключек. Он убеждает читателя в том, например, что первая часть в рассказе «Гамлет Щигровского уезда», рисующая социальный фон, имеет отношение не только к характеру уездного Гамлета, но и продолжает авторское раздумье о судьбе Каратаева и уже готовит появление Чертопханова. Изобилие подробностей, отступлений, повторяющихся деталей, мотивов не случайно у Тургенева: оно помогает достижению «эпического единства внешне (фабульно) разорванных, но внутренне (художественно) связанных очерков» /24/. Например, эпизод о тяжбе помещика Полутькина с соседом, тема, лишь промелькнувшая в рассказе «Хорь и Калиныч» и казалось бы случайная там, потом переходит из рассказа в рассказ, обрастая новыми ассоциациями, приобретая новое освещение, художественный резонанс в контексте всего цикла. В результате читатель убеждается в том, что в книге Тургенева «охвачен мир как целое, как сложный и живой организм, в котором все друг с другом связано нерасторжимой и полнокровной сетью сообщающихся сосудов» /32/.

В книге Ю.В. Лебедева впервые в тургеневедении с такой определен-

ностью, четкостью и доказательностью трактуются «Записки охотника» как цикл, как поэтическая структура, основные элементы которой, обладая относительной самостоятельностью, взаимовыражаются друг в друге, образуя широкое, эпическое содержание. Подкупает это сочетание широких теоретических обобщений с конкретно-историческим анализом художественного текста.

В пособии для учителя ставится и решается вопрос об истоках «эпических связей» в «Записках охотника». Сцепляя одну судьбу с другой, один характер с другим, Тургенев приходит к созданию единой «хорошей» судьбы народа в условиях нелепого, абсурдного крепостнического режима в стране. Сила тургеневской книги, как верно полагает исследователь, состоит не в гневных обличениях, а в «эпической масштабности рифмующихся друг с другом сотен самых различных и в то же время общих народных историй» /34/. Раскрывая характер исторического мышления Тургенева, присущее ему чувство взаимосвязанности всего совершающегося в русской истории, Ю.В. Лебедев выявляет эпическую основу книги. Очерковые зарисовки, вступая в масштабные временные сцепления, создают героев, как носителей многовековых национальных стихий. Личность крестьянина уже в первом очерке «Хорь и Калиныч» приобретает всероссийский типический характер. Недаром автор-рассказчик приходит к мысли, что «Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях».

Проследивая сложность тургеневского отношения к русской жизни, автор пишет: «Но есть в ней одно качество, которое Тургенев ставит очень высоко, которое искупает, с его точки зрения, теневые стороны национальной психологии. Это качество - демократизм, особая атмосфера дружелюбия, живой талант взаимопонимания, который хранится в народной среде и который не истребили, а лишь заострили века крепостничества, суровые испытания русской истории».

Ю.В. Лебедев вносит некоторые коррективы в традиционное типологическое подразделение персонажей тургеневской книги. Говоря о том, как одни характеры тяготеют к тихому романтику Калинычу, а другие к рационалисту Хорю, а третьи сочетают в себе трезвость сознания с поэтичностью мечтателя, автор находит и таких героев в «Записках охотника», которые эти групповые единства расплывают. Очень верной, на наш взгляд, является мысль автора о том, что «гнезда» не стабильны, а подвижны, что в них заложены возможности роста, превращения, перерождения. Вместе с тем справедливо говорится о том, что в цикле «Записок охотника» впервые осуществляется та поэтика групповых единств, которая широко представлена Толстым в «Войне и мире».

Прослеживая тургеневское изображение человека в многообразных связях с природой, Ю.В. Лебедев обращает внимание на эпический характер этих связей, на то, что в книге «достигается ощущение взаимного родства всего живого», «единство человека и зверя, человека и дерева, человека и реки, леса и степи». Все эти общие суждения подтверждаются конкретным анализом. Руководствуясь верной мыслью о том, что чувство природы, мера причастности к ней является высшим выражением общенационального и через него общечеловеческого содержания, автор пособия анализирует живые контакты персонажей с природой. При этом он возражает некоторым современным ученым и со всей основательностью доказывает, что в «Записках охотника» нет психологического параллелизма или психологического контраста.

В книге Ю.В. Лебедева особое значение приобретает анализ «Бежина луга», вошедшего в школьную программу. Именно в связи с этим рассказом много высказано ошибочных суждений в нашей школьной практической литературе. Автор пособия протестует против рассмотрения «Бежина луга» как физиологического очерка крестьянских поверий, против превращения рассказа в школьном изучении «в иллюстрацию темноты и невежества крестьян при крепостном праве». Исследователь справедливо подчеркивает, что при таком понимании «Бежина луга» он совсем освобождается от присущей ему поэзии.

Это изумительное по красоте произведение Тургенева анализируется в своем подлинном идейно-художественном смысле, в своей романтической направленности. Очень важно учителю обратить внимание на главную мысль автора пособия о том, что человек и природа, их неразрывная связь и единство составляют основу рассказа. Природа здесь выступает «первопричиной» стремительно развивающегося сюжета. Впервые раскрывается философия природы в рассказе «Бежин луг» путем тщательного и тонкого анализа художественного текста, прослеживается сложная внутренняя жизнь природы и связанные с ней переживания и фантастические умонастроения крестьянских ребятишек.

В книге решается проблема автора и форм выражения его нравственного пафоса. Необходимо согласиться с утверждением, что в «Записках охотника» формируется реалистическая система циклизации, качественно отличающаяся от своего романтического двойника тем, что в ней отсутствует субъективная авторская стянутость изображения к единому лирическому центру. Отмечается особая эстетическая активность авторской позиции в «Записках охотника»: повествователь, действительно, отдается голосам окружающего мира, вслушиваясь в них, обнаруживает свою поразительную способность приобщения, «непроизвольную, всеот-

звучивую точку зрения на жизнь». Автор пособия находит, что в «Записках охотника» угадывается толстовская манера повествования с ее стремлением «научить людей полюбить жизнь», формируется свойственная русскому эпосу 1860-х годов демократическая всеотзывчивость».

Ю.В. Лебедев пытается понять и особый характер лирического пафоса «Записок охотника». «Тургеневу широко доступна лирика чужого “я”, талант находить свою эмоцию в чувствах и переживаниях другого человека». Несомненно, тургеневская романтика чувства не противоречит образам и картинам реального объективного мира, она скорее является проявлением этого мира. Но так или иначе лиризм выражает авторское отношение и авторскую оценку.

Нельзя не выразить сожаления в связи с тем, что в книге Ю.В. Лебедева не ставится общая проблема о характере художественного метода Тургенева в «Записках охотника», о соотношении реалистических способов обобщения с романтической субъективностью или романтическими тенденциями повествования. Сложность тургеневского реализма остается за пределами внимания исследователя.

Но обратимся к тому, что имеется в книге Ю.В. Лебедева. «Записки охотника» органически включаются в историко-литературный процесс. Лапидарно и точно сообщается предыстория «Записок охотника», восходящая к очерковым циклам и повестям «натуральной школы»: «Картины русского быта» В.И. Даля, повести Д.В. Григоровича «Деревня», «Антон Горемыка», «Очерки из крестьянского быта» А.Ф. Писемского. Тургенев по сравнению с предшественниками и современниками приходит к более емкой циклизации, выходит за пределы «частной» индивидуальности к общим национальным силам и стихиям жизни. Даются содержательные и новые идейно-эстетические сопоставления «Записок охотника» с некоторыми стихотворениями Некрасова, с «Войной и миром» Толстого и «Отцами и детьми». Например, интересно говорится о том, что философия природы в «Записках охотника» находит свое продолжение в романе «Отцы и дети». Автор пособия обращает внимание на то, что конфликт романа не исчерпывается борьбой между поколениями людей (дворянами и разночинцами), идеологическими расхождениями, что в романе развивается и другая конфликтная ситуация, более широкая и универсальная: отцы и дети перед лицом движения русской природы. Это последнее часто и опускается в школьном преподавании. Следует обратить внимание и на другую, не менее плодотворную мысль Ю.В. Лебедева: Тургенев предвосхищает толстовское изображение единства мировой жизни в «Войне и мире».

Протестуя против выборочного анализа отдельных рассказов цикла,

Ю.В. Лебедев сумел понять «Записки охотника» как единый цельный художественный организм и найти эстетические законы этого единства. Свои обобщающие выводы и заключения автор тщательно и обоснованно подкрепляет анализом художественной структуры цикла и этим самым убеждает читателя, делает его своим сторонником. Целостная характеристика тургеневской книги очень полезна учителю литературы, который по необходимости изучает в классе только избранные страницы «Записок охотника». Автор пособия стремится к тому, чтобы помочь учителю «почувствовать живую связь этих страниц с внутренним миром книги и в ходе конкретного их анализа вести ученическое восприятие от части к целому». Ю.В. Лебедев вполне достигает этих целей. Ему удалось создать ценное пособие для учителя и ценное исследование о всемирно известной книге Тургенева, исследование вполне оригинальное и опирающееся на достижения предшественников.

Примечание

1. Лебедев Ю.В. «Записки охотника» И.С. Тургенева. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1977. 80 с. В статье цитаты по данному изданию приводятся в тексте с указанием страниц в скобках.

Н.П. Генералова
Санкт-Петербург

КТО БЫЛ СОБЕСЕДНИКОМ ТУРГЕНЕВА В 1845 ГОДУ? (У истоков формирования замысла «Записок охотника»)

Случилось так, что великий день объявления манифеста 19 февраля 1861 года И.С. Тургенев встретил в Париже. Вскоре он, вместе с Н.И. Тургеневым, декабристом С.Г. Волконским и некоторыми другими русскими, заказал в русской церкви при посольстве молебен в честь освобождения крестьян. А.И. Герцену 14 (26) марта 1861 года Тургенев сообщал: «Мы здесь третьего дня отпели молебен в церкви - и поп произнес нам краткую, но умную и трогательную речь, от которой я прослезился - а Ник<олай> Иваныч Тургенев чуть не рыдал. Тут же был и старый кн. Волконский (декабрист). Много народа перед этим ушло из церкви». Это событие отмечено и в письмах к другим корреспондентам. Последняя фраза становится понятной из письма Тургенева к П.В. Анненкову от 22 марта (3 апреля) 1861 года, в котором шла речь о том, что народ не изъявил никакого ликования по поводу великого акта освобождения, о чем Анненков сообщал Тургеневу накануне. Как бы откликаясь на это сообще-

ние, Тургенев ставит в письме к Анненкову перед фразой о том, что многие русские покинули церковь до молебна, знак «*ЛВ*». Не только народ не понял значения исторического момента, но и парижские русские в большинстве своем не откликнулись на инициативу обоих Тургеневых. Через несколько лет писатель «рассчитается» с ними, создав убийственную сатиру на празднующихся за границей русских аристократов в романе «Дым». А через двадцать с лишним лет в этой же церкви, вдали от родины, русский священник совершит обряд отпевания самого Ивана Сергеевича Тургенева.

О декабристе Николае Ивановиче Тургеневе (1789-1871) и о его книге «*La Russie et les Russes*»¹ Иван Сергеевич выскажется спустя 10 лет после описанного события, в некрологической статье, заказанной ему редактором «Вестника Европы» М.М. Стасюлевичем. «Известны <...> причины, превратившие человека, которому, казалось, все сулило блестящую карьеру, которого ожидал министерский портфель, о котором сам император Александр не однажды выражался, что он один может заменить ему Сперанского, - превратившие, говорим мы, этого человека в государственного преступника, осужденного на смертную казнь. Известна также та настойчивость, с которою Н. Тургенев, опровергая доводы доклада следственной комиссии, утверждал свою неповинность в деле 14 декабря».²

Незадолго до смерти Николай Иванович Тургенев оказался в Лондоне, вынужденный спастись с семьей от ужасов франко-прусской войны. Здесь ему, в присутствии Ивана Сергеевича Тургенева, пришлось услышать неожиданные овации, которых он так и не дождался на своей родине. 6(18) декабря 1870 года известный критик и исследователь русской литературы У. Рольстон, выступая в Обществе воскресных чтений с лекцией на тему «О России: ее великие реформы за последние десять лет», обратился к слушателям со следующими словами: «Если вы хотите увидеть человека, который больше всех способствовал освобождению рабов, обернитесь, он находится среди вас».³ Раздавшиеся рукоплескания заставили Николая Ивановича встать. Через девять лет присутствовавшему при этом Ивану Сергеевичу именно здесь, в Англии, было присвоено звание почетного доктора (*honoris causa*) Оксфордского университета по гражданскому праву как автору «Записок охотника», книги, сыгравшей важную роль в деле освобождения крестьян в России.

Конечно, И.С. Тургенев знал не только содержание книги своего однофамильца, но и был достаточно осведомлен об истории ее публикации. Не исключено, что он читал ее еще до выхода в свет, как читал до выхода в свет собранные и подготовленные к печати Николаем Ивановичем пись-

ма к нему покойного брата Александра.⁴ И уж конечно Тургенев был одним из первых и усердных читателей вышедших в конце марта 1847 года в Париже 3-х томов «La Russie et les Russes». В апреле 1847 года Николай Иванович рассылал книгу друзьям и знакомым, в том числе и в Германию, где находился в это время Тургенев. Мог привести ее из Парижа и П.В. Анненков, спешивший в Зальцбрунн на встречу с В.Г. Белинским, который уже более полумесяца проводил время с И.С. Тургеневым.⁵

Но красноречивые признания, свидетельствующие о близости Тургенева к политическому «преступнику», стали возможны лишь после амнистии декабристов и одного из главных идеологов движения. Тогда же, когда И.С. Тургенев впервые переступил порог гостеприимной парижской квартиры Тургеновых, он должен был соблюдать все правила конспирации. Однако дату знакомства будущего автора «Записок охотника» с опальным декабристом, именно ввиду необходимости держать ее до поры до времени втайне, с точностью определить довольно затруднительно.

Доподлинно известно, что Н.И. Тургеневу двадцатипятилетний Иван Сергеевич, прибывший в Париж вслед за Полиной Виардо в мае 1845 года, нанес визит вскоре по приезде. К этому обязывало его если не желание познакомиться с легендарным автором «Опыта теории налогов» (1818), человеком, которого Александр I прочил в «Сперанские», а Николай I сожалел, что не успел вовремя повесить, то простая вежливость, ввиду семейных связей тех и других Тургеновых.

Парижская квартира Николая Ивановича была местом встреч многих политических эмигрантов: Н.И. Сазонова, М.А. Бакунина, а также других русских, время от времени проживавших в Париже - В.П. Боткина, П.В. Анненкова, Н.А. Мельгунова, Н.В. Ханькова и др.⁶ Позднее здесь появится и Александр Иванович Герцен, который покинет Россию в январе 1847 года и уже в марте окажется в Париже. Вероятно, в апреле-мае 1847 года Герцен, в свою очередь, познакомился с книгой «La Russie et les Russes» и с ее автором.⁷ Конечно, главной темой разговоров в доме Николая Ивановича Тургенева была Россия.

Важный эпизод из парижских встреч Ивана Сергеевича с русскими эмигрантами содержится в статье одного из них, Николая Ивановича Сазонова.⁸ Статья о Тургенева была написана им в 1860 году, до выхода в свет «Отцов и детей». Тем более важно, что уже тогда критик чрезвычайно высоко оценил место Тургенева в русской и европейской литературах.

«Если тот восторженный прием, который русские читатели оказали последним произведениям Тургенева, еще не оправдал бы того, что список писателей его родины мы начинаем его именем, - писал Н. И. Сазонов, - то это оправдание нашлось бы в международном успехе его произведе-

ний, в характере его дарования, одинаково ценимого во Франции и в Германии, в Англии и Соединенных Штатах».⁹ В «Записках охотника», опубликованных в Европе во время Крымской войны, западные читатели хотели, по мнению Сазонова, найти «разоблачения русских тайн», «тех ужасов, которые творились в этой варварской стране», а нашли другое: «поразительную правдивость в изображении нравов народа некультурного, но полного нравственной силы и природного ума, увидели воспроизведение картины злоупотреблений крепостного права во всей их безобразной наготе, увидели и близкую возможность освобождения».

«Книга эта, - подчеркивал критик, - которая должна была по расчетам сыграть на руку кампании, поднятой против России, вместо этого заставляла любить эту страну, освещая ее полным светом, обнаруживая то, что до сих пор было неизвестно - русский народ, т. е. существо нации, до тех пор известной лишь поверхностно. Г. Тургенев оказал этим большую услугу своему отечеству, с тех пор он продолжал ему оказывать еще большие услуги, прославляя его рядом произведений, перевод которых пожелали иметь все великие европейские литературы».¹⁰

Как справедливо отмечал М.П. Алексеев, Сазонов, «близко связанный с французскими журналистскими кругами», «имел возможность наблюдать, как постепенно менялось отношение к Тургеневу во Франции, как увеличивалось к нему здесь внимание, какую эволюцию, наконец, прошли “Записки охотника” в сознании французских читателей». Он хорошо понимал, что, «сыграв первоначально недолгую роль острого политического памфлета», они превратились во Франции в «образцовое произведение иностранной литературы, которое молодые французские литераторы готовы были поднять на щит как своего рода манифест реалистической школы».

В статье Сазонова, обнаруживающей глубокую симпатию к личности писателя и превосходное знание тургеневского творчества, содержатся тонкие наблюдения над эволюцией его художественного метода. По мнению критика, Тургенев начал свой путь в русской прозе с объективных картин современной действительности, в которых, ориентируясь на Шекспира и Гете, старался не давать воли своим лирическим настроениям. «Если бы он с самого начала стал злоупотреблять лиризмом, как все молодые, - писал Сазонов, - и не только молодые писатели, он бы скоро исчерпал драгоценный дар энтузиазма, тогда как сдерживая и покоряя его строгой дисциплиной, он обеспечил себе возможность развернуть его во всем блеске».¹²

Особенно важно, что в своей статье Сазонов затронул вопрос, который через несколько лет будет поставлен на повестку дня многими кри-

тиками Тургенева, в связи с выходом в свет романа «Дым» (1867). Оценивая «Записки охотника», названные «набросками верными, но несколько холодными», Сазонов отмечал, что иногда автор «отдается лирическим порывам, особенно прекрасным потому, что они никогда не запятнаны преувеличением». «Любовь к родине, - эта страсть характеров великодушных, - конечно, всегда была присуща г. Тургеневу, но, подчиняясь правилам германской эстетики, он тщательно прятал это чувство, так же как и многие другие. Быть народным? неприлично, *fi donc!* Патриотом? еще хуже! Это вульгарно до последней степени: нельзя было также показаться гуманным или филантропом - это было отвратительно до ужаса; надо было оставаться объективным, как Шекспир и Гете. Г. Тургенев удовлетворял всем этим требованиям: он по мере сил прятал свой патриотизм от читательского глаза, но этот жар и пламя в «Записках охотника» ему удается скрыть не всегда».¹³

Для того, чтобы понять, почему Сазонов акцентирует тему патриотизма, надо иметь в виду, что этот страстный приверженец революции к середине 50-х годов, очевидно, под непосредственным воздействием антирусской кампании, развязанной в европейской печати накануне и во время Крымской войны, существенно пересмотрел свои политические позиции и, после амнистии, объявленной политическим изгнанникам в коронационном манифесте 26 августа ст. ст. 1856 года, в 1857 году обратился к русскому правительству с просьбой о помиловании и разрешении возвратиться на родину. При этом он ссылался на то, что «опыт зрелых лет» изменил его убеждения и заставил его отказаться от «увлечений молодости».¹⁴ Вспоминая о своей первой встрече с Тургеневым в компании нескольких русских, Н.И. Сазонов воспроизвел один эпизод, на котором стоит остановиться подробнее.

«Сборище это состояло в большинстве своем из русских; все они (по крайней мере те, которые находились в Париже) были в ту пору славянофилами или западниками, славянофилы путешествовали меньше, поэтому на нашем сборище оказались одни западники. Они, в свою очередь, делились на гегельянцев и социалистов, из которых первые были более положительными и лучше разбирались в действительности, вторые полны великодушных утопий и пламенных, но несколько неопределенных, может быть, мечтаний. Между г. Тургеневым и двумя его соотечественниками разгорелся спор о том, может ли русский при существовавших тогда обстоятельствах быть полезным своему отечеству, оставаясь за границей. Г. Тургенев в ту пору был, сколько мне помнится, гегельянцем, он старался убедить своих друзей в том, что человек всегда работает плодотворнее на родной почве, а не вдали от нее. Возражения его противников

тоже не были лишены силы, и спор закончился лучше, чем многие другие, потому что сущность его была сформулирована одним из собеседников, который, обращаясь к г. Тургеневу, сказал: “Ну, хорошо! У вас есть воля и талант, возвращайтесь на родину, работайте, вызовите из этой нездоровой действительности тот идеал, которого мы ждем и жаждем, покажите нам глубины русской души, откройте нам тот национальный гений, который до сих пор, по-видимому, употреблял все силы свои на то, чтобы подавлять все живое, убивать всякую свободу! Мы тем временем будем работать здесь, в Европе, мы выясним все основы западной цивилизации, мы примем ее окончательные выводы, ее лучшие и необходимейшие идеи и передадим их России, как только она будет в состоянии их принять”.¹⁵

Возникает несколько чрезвычайно важных вопросов относительно того, когда происходил этот спор и кто были собеседники Тургенева. Описанный Сазоновым разговор затрагивает, помимо прочего, одну проблему биографии писателя, редко подвергаемую обсуждению: стоял ли перед Тургеневым вопрос о возможной эмиграции и, если стоял, то когда.

Спустя много лет после описанной Сазоновым беседы, когда отшумели горячие споры вокруг напечатанного в мартовском номере 1867 года «Русского вестника» романа «Дым», Тургенев принялся писать свои «Литературные и житейские воспоминания». Судя по известным данным, работа над первым очерком – «Вместо вступления» - началась в конце 1867 года.¹⁶

Вспоминая о годах учения за границей и первых годах жизни во Франции, когда была написана большая часть «Записок охотника», Тургенев не мог не вспомнить о том, что перед ним тогда стоял вопрос, возвращаться или не возвращаться в Россию. И хотя в своих воспоминаниях писатель представлял дело так, что мысль о невозвращении пришла к нему уже за границей, остается вполне вероятным, что она присутствовала как один из факторов его отъезда в мае 1845 года во Францию, сразу после отъезда туда из России супругов Виардо. Достоверное свидетельство тому содержится в дневниках Фанни Тургеновой за 1863 год, записанное со слов самого Тургенева: «Совершенно разочаровавшись в литературной деятельности, он собирался покинуть Россию, когда один из его друзей, издававший либеральный журнал (“в котором теперь на меня нападают, - прибавил он, - но это неважно”), затрудняясь, чем бы наполнить его столбцы, попросил у него каких-либо очерков о русской деревенской жизни. <...> Я уехал из России и только в Берлине узнал об успехе моего очерка». ¹⁷ Но здесь речь идет уже о конце 1846 и начале 1847 годов.

«Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел <...> - вспоминал Тургенев в предисловии к своим “Литера-

турным и житейским воспоминаниям». - Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был - крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить». Говоря, что он не написал бы «Записок охотника», оставшись в России, Тургенев прямо признается, что некоторые из рассказов создавались «в тяжелые минуты раздумья о том: вернуться ли <...> на родину, или нет» (Там же).¹⁸ Так мог думать Тургенев и в 1845 году.

Еще раньше, в кратком автобиографическом наброске, написанном по просьбе М. Гартмана, Тургенев утверждал, что он «думал в 1848 г. совсем переселиться во Францию, но вернулся в Россию» (письмо к М. Гартману от 28 июля (9 августа) 1863 г.).¹⁹ Комментаторы письма - Т. П. Ден и Г. Цигенгайт - вполне правдоподобно связали это намерение Тургенева с реакцией в России на французскую революцию 1848 года и общением Тургенева с Герценом, Бакуниным, Гервегом, Сазоновым «и другими эмигрантами, с которыми он встречался в 1848 году за границей, а также с П. и Л. Виардо, сочувствовавшими сен-симонизму».²⁰ Однако Б. П. Козьмин, комментируя эпизод, рассказанный Сазоновым, датировал его 1845 годом, «когда Тургенев прожил в Париже с весны по ноябрь». Из русских знакомых, которые могли участвовать в этом разговоре, исследователь назвал М.А. Бакунина, В.П. Боткина и Н.М. Сатина.²¹

В пользу датировки, предложенной Б.П. Козьминым, говорит тот факт, что это была *первая* встреча Сазонова с Тургеньевым. Она, скорее всего, могла состояться в первый, *как считается до сих пор*, приезд Тургенева во Францию, то есть в 1845 году. Правда, другой факт - указание, что общество собралось «после одной из тех вдохновенных лекций, которыми Мицкевич в ту пору волновал французскую и иностранную молодежь», несколько противоречит указанной дате. Дело в том, что А. Мицкевич начал читать курс лекций по славянским литературам в Collège de France в конце декабря 1840 года на кафедре славянских литератур, специально созданной для него при содействии французских друзей, в частности, Жорж Санд. Однако скоро лекции Мицкевича (попавшего под влияние мистика и теософа А. Товянского), исполненные мессианских идей относительно роли Польши в христианском мире, стали вызывать протесты со стороны католической церкви, что усугублялось и публичными речами Товянского и Мицкевича в парижских церквях. В результате, в июле 1842 года Товянский был выслан из Франции, а через неко-

торое время, в июне 1844 года и Мицкевичу министерство Гизо предложило продолжительный отпуск, что означало фактическое запрещение его лекций.²² Таким образом, в статье Сазонова мы имеем дело с аберрацией памяти либо с каким-то выступлением Мицкевича, состоявшемся вне Collège de France в 1845 году. И все же 1845 год оказывается наиболее близким по времени к вероятной встрече Сазонова с Тургеневым в парижском кружке и к недавно отшумевшим лекциям Мицкевича.

Если же сопоставить уже упомянутое посещение Тургеневым во второй половине мая по ст. ст. квартиры Николая Ивановича Тургенева (о чем последний сообщал брату Александру 4 (16) июня 1845 года²³), то можно с большой долей вероятности предположить, что разговор, о котором вспомнил спустя 15 лет Сазонов, мог состояться именно здесь. Тон старшего и умудренного опытом человека, не помышляющего уже вернуться на родину (от перечисленных выше знакомых Тургенева, которые могли присутствовать при разговоре - Боткина, Сатина, а тем более Бакунина - подобной речи вряд ли можно было ожидать), человека, страстно желающего узнать новое о русском народе, увидеть его подлинное лицо, понять, насколько он готов к восприятию европейских идей, - этот тон выдает личность, стоящую на общественной иерархической лестнице в некотором смысле выше И.С. Тургенева, только что оказавшегося в Париже и еще совсем молодого писателя. Выше даже Сазонова, имевшего к тому времени определенный вес в среде русской эмиграции. Такое предположение не противоречит приведенному отзыву Николая Ивановича о молодом однофамильце, который, оказавшись среди кружка политической оппозиции русскому правящему строю, явно не выказывал особенного пристрастия к общественно-политической деятельности.

Скорее всего, в то время сам Сазонов считал как раз иначе, рисуя перед собой блестящую политическую будущность. Вряд ли он говорил и о себе. Спустя годы, убедившись в ложности избранного им пути, он припомнил характерный эпизод из тогдашних дискуссий и ретроспективно дал им определенную оценку. Путь, избранный И.С. Тургеневым, оказался более плодотворным, чем путь тех, кто остался за границей. Следует иметь в виду, что Сазонов, скорее всего умышленно, не назвал участников диспута, очевидно, из опасения навредить им, и прежде всего Тургеневу. Во всяком случае, позиция Тургенева выглядит в его изложении более чем лояльной. Но в заключение этого эпизода Сазонов делает замечание, представляющее особый интерес. Приведя слова неизвестного участника разговора, посоветовавшего Тургеневу вернуться на родину и пообещавшего «выяснить все основы западной цивилизации» с тем, чтобы «передать их России», Сазонов заключает: «Не наше дело судить о том,

насколько произнесший эти слова сдержал свое обещание, но мы можем с уверенностью сказать, что г. Тургенев своей неустанной и живой деятельностью дал больше, чем можно было предполагать.²⁴

Если допустить, что одним из собеседников И.С. Тургенева был декабрист Николай Иванович Тургенев, то оценка его деятельности и, прежде всего, книги «La Russie et les Russes», представляется весьма знаменательной. Она, как это ни парадоксально, напоминает оценку этой книги В.А. Жуковским, который, отговаривая в свое время Николая Ивановича от печатания ее²⁵, писал ему в сохранившемся фрагменте письма, датированного приблизительно началом мая 1847 года:

«Благодарю тебя, любезнейший Николай Иванович, за доставление твоей книги... Я прочитал уже с живейшим участием первый том, и он напомнил мне многое, бывшее с нами за двадцать лет. Ты печатный тот же, какого я тогда видел лицом к лицу перед собою... Но скажу искренно, что многое было мне тяжело найти в твоих записках: в них выражается везде враждебное чувство к России, дело не в том, имеешь ли право питать такое чувство против своего отечества и основано ли оно на правде - дело в том, хорошо ли ты поступил, что его так выразил перед светом. По моему мнению нехорошо, во вред самому себе и во вред тому действию, которое бы могла произвести твоя книга... И я скажу правда всего святее, но правда из любви, а не из ненависти. **А в твоей книге нет любви**, и сказав таким образом правду, которою так сказать привязал нас к позорному столбу, ты привязал к нему и себя, ты уменьшил свое достоинство и перед собою и перед светом... прибавил свою жемчужину в тот навоз, которым пачкают нас Кюстины, Бакунины и Головины... Если бы ты ограничился в своих записках одним простым изложением обстоятельств, то они, вероятно, произвели бы спасительное действие на судьбу твоих товарищей несчастья, они просветили бы не оскорбив, следовательно, привлекли бы на сторону истины и вероятно произвели бы изменения; теперь они только более раздражат и может быть дадут новую силу тому негодованию, которое могло утратить силу от времени...».²⁶

Может быть, мудрый и осторожный Жуковский был не совсем неправ, предсказывая печальные последствия столь откровенного антиправительственного выступления Николая Ивановича. Дальнейшие события, а именно ужесточение правительственного гнета в начале «мрачного семилетия» (1848-1855), которое последовало за европейскими революциями 1848 года, отодвинуло на много лет саму возможность смягчения участи сосланных декабристов. На столько же лет отодвинулось и наметившееся было в 1841-1842 годах очередное обсуждение крестьянской реформы, в котором успел принять некоторое участие и И.С. Тургенев,

служивший недолго в министерстве внутренних дел под началом В. И. Даля.²⁷

Николай Иванович Тургенев, которого позже, после его смерти, Иван Сергеевич назовет «a single-minded man» («прямодушным человеком» - *англ.*), человеком неизменяемых убеждений, был не из тех людей, кто мог оставить упреки, подобные тем, что высказал ему Жуковский, без ответа. Его письмо к Жуковскому от 11 мая н. ст. 1847 года, с которым, как уже говорилось, вполне мог быть знаком И. С. Тургенев, явилось своеобразным «исповеданием веры» и одновременно «ярким политическим памфлетом».²⁸

«В книге моей, - писал Н.И. Тургенев, - нет и не может быть **враждебного** чувства к России. Но не спорю, что язык мой может отзываться негодованием и даже, в некотором смысле, **презрением** к официальной России, т. е. к тем, кои говорят и действуют ее именем».²⁹ Объясняя наличие в своей книге презрения и негодования, Н.И. Тургенев ссылаясь на свое положение человека, который в течение многих лет «лез из кожи, чтобы быть полезным и земле и людям», а в результате своих усилий был приговорен к смертной казни. Особенно возмущало приговоренного то, что за 20 лет никто из его судей не устыдился и не покаялся перед ним. Выступая в роли карающей десницы, декабрист отвергал «язык любви», о котором писал ему Жуковский, из опасения перейти на язык «так называемого патриотизма». «Впрочем, - писал он, - я не восстаю против патриотизма, состоящего в любви к своей земле, но против патриотизма, состоящего в ненависти ко всему, что не наше, и в любви ко всему своему, даже и дурному. Этим-то патриотизмом сильные мира сего и разделяют людей и из братьев-людей делают врагов-тигров».

Поясняя свое понимание любви к отечеству, Н.И. Тургенев как будто спохватывается и пишет: «Я, конечно, и в мысли никогда не имел оправдывать мое мнение в сем отношении, ибо никогда не сомневался в том, что оно совершенно справедливо и нравственно. Я просто и прямо говорю о моих мнениях о России и моих чувствах к ней; говорю, что старался забыть ее, но не мог, и что продолжаю любить ее и желать ей блага. Россия так несчастна в моем мнении, что роль **обидчика отечества** не может существовать для меня. Эта роль может быть свойственна тем, кои страшатся материальной славы России. Я, для меня, не вижу в России ничего страшного, кроме ее бесчисленных бедствий, я не боюсь России, я над ней плачу».³⁰

Как свидетельствует письмо Н.И. Тургенева к брату от 11 июня н. ст. 1845 года, к подготовке «России и русских» к печати был причастен не кто иной как М.А. Бакунин. В частности, ему было поручено «понукаль»

переписчика книги, приносившего к Бакунину готовые части рукописи, которые тот передавал автору.³¹ Если Иван Сергеевич общался летом 1845 года с Н.И. Тургеневым, то не мог не общаться и со своим приятелем Бакуниным. Именно тогда он мог начать знакомиться с книгой «Россия и русские». В таком случае, можно говорить о непосредственном воздействии книги декабриста на формирование замысла «Записок охотника». Упоминание Н.И. Тургенева о том, что зимой И.С. Тургенев вернется в Париж, было связано, несомненно, с обещанием нового визита. Активная деятельность Тургенева в Париже в течение двух с половиной месяцев августа-октября 1845 года, очевидно, не помешала ему встретиться с Н.И. Тургеневым, хотя прямых подтверждений этому нет.

Как бы то ни было, встреча И.С. Тургенева с русскими эмигрантами, о которой шла речь в статье Н.И. Сазонова 1860 года, вполне могла состояться в Париже в мае - начале июня 1845 года и происходить в присутствии Николая Ивановича Тургенева. Во всяком случае, идея, высказанная одним из собеседников в разговоре с молодым соотечественником, уже приобретшим некоторый вес в литературном мире, была близка декабристу и высказывалась им неоднократно. Так, в письме к Жуковскому от 4 (16) ноября 1850 года Н.И. Тургенев косвенно упрекал автора «Певца во стане русских воинов» в молчании его музы по поводу **«самого существенного предмета образованности»**, то есть **главного русского вопроса, вопроса об «искоренении рабства»**. **«Тут всему русскому начало и конец, - писал старый декабрист. - Видя, как мало людей в России занимаются сим предметом, чувствуя слабость таланта, который я сам мог посвятить сему великому и святому делу, могу ли я не желать, чтобы те, кому бог дал душу и гений, обратили часть своих усилий в сем направлении?»** Познакомившись с последними произведениями Жуковского, Н.И. Тургенев заметил, что автор их выступил «из тесных пределов литературы». Это побудило вечного борца за справедливость обратиться к поэту с призывом «читая сей листок, я думал, невольно желал, чтобы вы продолжали экскурсию в эти темные поля русских бедствий, русского рабства, где есть много простора развернуться движениям гениального поэта!»³²

Если, как мы предполагаем, Н.И. Тургенев обратился с подобными словами к молодому писателю в 1845 году, то это еще более подтверждает уже высказанную исследователями мысль о значительном воздействии идей декабриста на концепцию будущих «Записок охотника» и ставит под сомнение «случайность» написания первых очерков, на чем настаивал сам писатель. Как справедливо писал В.А. Громов, «не подлежит сомнению, что антикрепостнический пафос “Записок охотника” имел одним из своих источников общение их автора с декабристом Н.И. Турге-

невым. И.С. Тургенева связывали с ним не одни лишь “узы отдаленного родства”. Вполне возможно также, что именно через этого непримиримого врага крепостного права молодой писатель был введен и в круг идей автора “Путешествия из Петербурга в Москву”, который был для И.С. Тургенева, по его собственным словам, “первым поборником освобождения крестьян”». ³³

Заслуживает, очевидно, проверки сообщенное С.М. Степняком-Кравчинским (1851-1895) свидетельство о неоднократных поездках Тургенева во время учебы в Берлинском университете в Париж к Н.И. Тургеневу. В незавершенной книге о Тургеневе, к написанию которой Степняк-Кравчинский приступил конце 1880-х годов, эпизод знакомства с Н.И. Тургеневым рассказан со слов М.П. Драгоманова, имевшего сведения, несомненно, от самого писателя. Указание на возраст Тургенева (20 лет) отсылает нас к 1838 году, времени первой поездки в Берлин. «Живя за границей, - писал Степняк, - Тургенев время от времени бывал у своего дяди и глубоко к нему привязался. Орел мученика за великое дело, так сильно импонирующий молодежи, могучий ум, поразительная целеустремленность и сила характера (всегда производившая особое впечатление на Тургенева), - все это вместе взятое оказало сильнейшее воздействие на двадцатилетнего юношу. Он сделался восторженным поклонником своего дяди, который преподавал ему первые уроки политического мышления, передал ему сквозь всю жизнь пронесенную ненависть к крепостничеству, свои свободололюбивые идеалы». ³⁴ «Итак, - продолжал автор, - первая поездка за границу привела Тургенева в лагерь сторонников русской свободы. <...> Молодой Тургенев старался держать свои посещения дяди втайне, но у него никогда не было уверенности в том, что ему удалось обмануть бдительность полицейских шпионов, следивших за домом знаменитого эмигранта. Уже в старости Тургенев рассказывал нашему другу, профессору Драгоманову, о муках страха, терзавших его из-за этих посещений». ³⁵ Этот эпизод из жизни Тургенева Степняк-Кравчинский завершает возвращением в Россию в 1841 году. Если сведения, сообщенные Драгомановым Степняку-Кравчинскому были достоверными и Тургенев действительно навещал Н.И. Тургенева в Париже до 1845 года, то упоминание Сазонова о том, что описанная им встреча произошла после одной из лекций Мицкевича может послужить лишним доказательством неизвестного до сей поры факта посещения (или посещений) Тургеневым Парижа и встреч его с русскими эмигрантами до 1845 года. Косвенным аргументом в пользу такого предположения является в статье Сазонова характеристика Тургенева как «гегельянца». Так можно было с полной уверенностью говорить о Тургеневе периода учебы в Берлинском

университете или, во всяком случае, до 1845 года, когда влияние Гегеля ощущалось как значительное.

Однако если даже оставить в стороне вопрос о степени непосредственного воздействия Н.И. Тургенева на формирование политических взглядов молодого писателя, у которого и до того сложилось определенное отношение к главному злу русской действительности, появление во второй половине 40-х годов первых рассказов из «Записок охотника», на фоне обострившихся споров о судьбе России и русского крестьянства, было в самом деле событием огромного значения.

Описывая один из знаменательных споров, состоявшийся летом 1845 года между Герценом, Грановским, Е.Ф. Коршем и Н.Х. Кетчером о русской народности, П.В. Анненков завершает свой рассказ обращением к тургеневским «Запискам охотника». «Здесь **кстати** сказать еще, что человек, тоже немало содействовавший к изменению способа относиться к народу и представлять себе его умственную жизнь, был столь некогда осмеянный славянофилами Тургенев. Первые его рассказы из “Записок охотника”, явившиеся в “Современнике” 1847 года, **положили конец всякой возможности глумления над народными массами**. Но почва для “Записок охотника” была уже подготовлена, и Тургенев выразил ясно и художественно сущность настроения, которое уже носилось, так сказать, в воздухе».³⁶

Такую же цель ставил перед собой и автор “La Russie et les Russes”. Как он писал в своих сопроводительных письмах, в этой книге он стремился быть полезным своей стране и помочь «просвещенным и культурным людям цивилизованной Европы» проникнуться «сочувствием к этому многочисленному и обездоленному классу моих соотечественников, которые еще стонут в цепях рабства и у которых украдена целая жизнь».³⁷

Думается, что для И.С. Тургенева, особенно интенсивно общавшегося с Н.И. Тургеневым накануне и после реформы 1861 года, система ценностей, которой оставался верен автор поданной Александру I записки «Нечто о крепостном состоянии в России» (1819), сохраняла всю свою значимость. Недаром он так часто повторял мысль о том, что не изменял идеалам своей молодости.

Случайно или нет, но, давая характеристику главному герою романа «Дым» - Созонту Ивановичу Потугину, Тургенев «припомнил» название известной книги Николая Ивановича Тургенева «La Russie et les Russes»: «Это главное лицо всей повести. В нем мне хочется выразить философа русского в настоящем смысле слова, человека, глубоко, насколько я смогу, понявшего **Россию и русских**».³⁸ Николай Иванович хотел прежде всего представить Россию и русских Европе. И.С. Тургенев показал в «Дыме»

лишь ничтожную часть русского заграничного общества, оторвавшегося от почвы. Ждать от него пользы для России было бессмысленно. Оба писали за границей и видели Россию в европейском контексте. Для обоих слово «цивилизация» не потеряло своего значения. Особой, «русской» цивилизации оба не признавали. Как в 40-х, так и в 60-х годах обоим было ясно, что вопрос о «России и Европе» назрел и требовал своего разрешения.

Назвав в своей некрологической статье Николая Ивановича «одним из благороднейших русских людей», Тургенев впервые мог публично заявить о своем отношении к личности и деятельности знаменитого изгнанника. Изгнанника, как писал Тургенев в некрологе, «особого рода, который, проведя почти столетия в отдалении от родины, жил, можно сказать, только Россией и для России».³⁹

Эти слова, совпадающие по смыслу с известной пушкинской характеристикой Н.И. Тургенева, автор мог отнести с полным правом и к самому себе, хотя его изгнанничество, на первый взгляд, не было вызвано суровыми административными мерами. Но причина, по которой оба Тургенева оказались вне России, была одной и той же: невозможность мириться с порядками, при которых своеволие единиц управляло судьбами миллионов рабов. Объявленная ими борьба с крепостничеством, борьба до последнего часа не давала возможности жить и действовать свободно, открыто бороться со своим врагом. К счастью, оба дожили до того дня, когда могли с облегчением снять с себя звание «владельцев душ».

Примечания

1. Впервые творческую историю книги «La Russie et les Russes» на основании архивных документов восстановила В.М. Тарасова, обнаружившая в ИРЛИ черновую рукопись на франц. языке «Reminiscences d'un passé éloigné ou la vertu sur mon pays et sur moi-même» («Воспоминания о далеком прошлом, или правда о моей стране и обо мне». См.: Тарасова В. М. «Россия и русские» (Н.И. Тургенев о России 30-50 годов XIX века) // Уч. зап. Марийского гос. пед. института. Т. 27. Йошкар-Ола. 1965. С. 126-133). Дважды (в 1907 и 1915 гг.) изданная в сокращенных переводах, главная книга Н.И. Тургенева оставалась до последнего времени практически неизвестной читателю. Недавно она вышла, наконец, полностью на русском языке: Тургенев Николай. Россия и русские / Перевод с французского и статья С.В. Житомирской. Комментарии А.Р. Курилкина. М., 2001.
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Изд. 2-е. Соч. Т. 11. С. 177. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: Тургенев, ПСС и П (2), с указанием серии, тома и страницы.
3. Цит. По: Waddington P. Turgenev and England. London. 1980. P. 157.

4. Книга эта вышла в Лейпциге в 1872 г.: «Письма А.И. Тургенева к Н.И. Тургеневу. *Lettres d' Alexandre Tourguéneff à son frère Nicolas*».
5. Впервые предположение о знакомстве В. Г. Белинского, накануне написания его знаменитого письма к Гоголю, с сочинением Н. И. Тургенева было убедительно обосновано Ю. Г. Оксманом в статье «Письмо Белинского к Гоголю как исторический источник» (В кн.: Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Исследования и материалы. Саратов. 1959. С. 221-223). Закономерно предположить, что Белинский (через Анненкова и И.С. Тургенева) мог быть знаком и с ответным письмом Николая Ивановича к В.А. Жуковскому от 11 мая 1847 г., которое его публикатор Л. Ланский справедливо назвал «документом исключительного значения» (Ланский Л. Из эпистолярного наследия декабристов. Письма Н.И. Тургенева к В.А. Жуковскому // Вопросы литературы 1975. №11. С. 214).
6. См.: Тарасова В.М. О времени знакомства Тургенева с Н.И. Тургеневым // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Вып. 1. М.; Л., 1966. С. 277. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: Тург. сб. (1).
7. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812-1850. М., 1974. С. 399.
8. Н.И. Сазонов (1815-1862), которого Чаадаев назвал в письме к А.И. Тургеневу «человеком необыкновенного ума» (Чаадаев П.Я. Соч.: В 2-х т. Т. 2. М., 1991. С. 140), случайно уцелел во время ареста членов кружка Герцена в 1834 г. С конца 1830-х годов он поселился в Париже, где стал вхож в различные политические клубы и общества, которыми кишела тогда столица Франции. Здесь встречались русские, польские, итальянские, немецкие революционеры всех мастей, среди которых Сазонов следует причислить к наиболее радикальным. Как следует из воспоминаний Герцена, Сазонов, с которым автор «Былого и дум» делил в начале тридцатых годов свои «отроческие фантазии о заговоре à la Риензи», во второй половине 40-х был абсолютно уверен в близости революции в России. «Внутри его глубоко уязвленного самолюбия все еще хранилась вера в близкий переворот России и в то, что он призван играть в нем большую роль» (Герцен А.И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1956.. Т. 10. С. 322. Курсив Герцена). По воспоминаниям Герцена, Сазонов и после революции 1848 г. надеялся, что русское правительство вынуждено будет даровать народу конституцию и для исполнения этой задачи призовет тех, кто в это время находился в Париже. В главе «Былого и дум», посвященной Сазонову, Герцен иронически вспоминал о группе людей, «уверовавших в близкое пришествие его министерства», о его попытке написать эпохальную статью, подобную «Философическому письму» Чаадаева, о его кратковременном участии в газете А. Мицкевича «*La Tribune des Peuples*», потом в газете Прудона «*La Voix du Peuple*» и в газете Ламенне «*La Réforme*».
9. Сазонов Н.И. Литература и писатели в России. Иван Тургенев // Литературное наследство. Т. 41-42. М., С. 188.
10. Там же.

11. Алексеев М.П. Мировое значение «Записок охотника» // «Записки охотника» И.С. Тургенева (1852-1952). Сб. статей и материалов. Орел. 1955. С. 74-75.
12. Сазонов Н.И. Литература и писатели в России. Иван Тургенев. С. 191. «Чрезвычайно любопытно по серии романов Тургенева проследить развитие писательской личности, освобождающейся от тесных пут объективности. Все сильнее чувствуется дыхание жизни, которое автор сообщает непосредственно своим героям, и все яснее видна индивидуальная оригинальность, которая лишь одна делает произведения искусства бессмертными» (Там же. С. 191-192). Особенно высокую оценку Сазонов дает «Дворянскому гнезду»: «Чтобы достичь такой мощи в воспроизведении жизни, надо быть большим мастером, и г. Тургенев бесспорно является таковым...» (Там же. С. 192). Очень высоко оценил он и последний, ко времени написания статьи, роман Тургенева – «Накануне», главным достоинством которого является «создание такого женского характера, которого не дали читателю ни одна русская поэма, ни один роман», не исключая и Пушкина, представившего в своей Татьяне лишь «набросок» (Там же. С. 193).
13. Там же. С. 192.
14. Козьмин Б.П. <Вступительная статья к публикации «Из литературного наследия Н. И. Сазонова»> // Литературное Наследство. Т. 41-42. С. 185. Сазонов был помилован, однако в Россию не смог вернуться «по отсутствию материальных средств» (там же), однако под псевдонимом «К. Штахель» опубликовал немало статей в «Отечественных записках», «С.-Петербургских ведомостях», в газете «Наше время».
15. Там же. С. 189.
16. 22 декабря 1867 (3 января 1868) Тургенев сообщал, что работает, «хоть с урывками» над «предисловием к будущему изданию». См. об этом: Тургенев, ПСС и П (2), Соч. Т. 11. С. 321-324, комментарий Л.Н. Назаровой.
17. См.: Литературное Наследство. Т. 76. М., 1967. С. 366.
18. Тургенев. ПСС и П (2), Соч. Т. 11. С. 9.
19. О намерении стать политическим эмигрантом Тургенев говорил в марте 1880 г. Л.Н. Майкову (Рус. Старина. 1883. № 10. С. 207).
20. Тургенев. ПСС и П (2), Письма. Т. 5. С. 518.
21. Литературное наследство. Т. 41-42. С. 201. Правда, Ю.Г. Оксман, без дополнительных аргументов, с уверенностью датировал эту встречу 1850 годом (перед отъездом Тургенева в Россию), на основании других встреч писателя с Сазоновым и Герценом (Оксман Ю.Г. От «Капитанской дочки» А.С. Пушкина к «Запискам охотника» И.С. Тургенева. С. 249, 287).
22. См.: Спасович В. А. Мицкевич // Новый энциклопед. словарь. Т. 26. Изд. акционерн. об-ва «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон». Пг., б. д. С. 755-756. Фактически к чтению лекций Мицкевич не вернулся. После переворота Луи Бонапарта Мицкевич, как и его коллеги по Collige de France Э. Кине и Ж.Мишле, был отстранен от преподавания, но ввиду его приверженности династии Наполеонов, от которых он упорно ждал

- «освобождения» Польши, ему было предоставлено место библиотекаря в парижской библиотеке Арсенала.
23. «У нас был здесь (за 3 или 4 недели перед сим) наш однофамилец, бывший в Берлине с Б<акунины>м и проч. Очень неглупый и порядочный человек. Он поехал в Marseille, зимою возвратится в Париж. От прочих соотечественников лучше бы отделаться, хотя они мне и не мешают. Но с русскими мне чего делать. Лучше быть одному. Толку в них мало» (Цит. по: Тарасова В.М. О времени знакомства Тургенева с Н.И. Тургеневым // Тург. сб. (I). С. 277).
  24. Сазонов Н.И. Цит. соч. С. 189.
  25. Напомним, что В. А. Жуковский, один из ближайших друзей братьев Тургеневых, обратился после восстания 1825 г. к царю с оправдательной «Запиской о Н.И. Тургеневе» и затем неоднократно ходатайствовал о смягчении участи декабристов. Он считал, что эти мемуары должны быть переданы императору Николаю I с тем, чтобы послужить к лучшему пониманию истоков декабрьского восстания и смягчению судьбы сосланных. Кроме того, он опасался, что издание книги может навредить Александру Ивановичу.
  26. Цит. по: Ланский Л. Из эпистолярного наследия декабристов. Письма Н.И. Тургенева к В. А. Жуковскому // Вопросы литературы. 1975. № 11. С. 214. [Выделено мною - Н. Г.] Любопытно, что почти в тех же выражениях упрекал И. С. Тургенева за роман «Дым» Л. Н. Толстой, писавший Фету 28 июня ст. ст. 1867 г.: «В “Дыме” нет ни к чему почти любви и нет почти поэзии» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. В 2-х т. Т. I. М., 1978. С. 387). Упрекал Жуковский Н.И. Тургенева и за несправедливые, с его точки зрения, обвинения против графа Д.Н. Блудова.
  27. В конце 1842 г. И. С. Тургеневым была составлена, по заданию министра внутренних дел Л. А. Перовского, записка под названием «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» (дата: 23-25 декабря) (Тургенев. ПСС и П (2), Соч. Т. 1. С. 419-430, примеч. с. 564-566).
  28. Ланский Л. Цит. публикация. С. 214. Несомненно, копию именно этого письма С.Д. Полторацкий предложил переслать И.С. Тургеневу, на что тот радостно откликнулся в письме от 10 (22) октября 1872 г.
  29. Там же.
  30. Там же. С. 215-216. Здесь и ранее слова выделены в тексте Н.И. Тургеневым.
  31. См.: Тарасова В.М. «Россия и русские» (Н.И. Тургенев о России 30-50 годов XIX века). С.133-34.
  32. Там же. С. 225-226. Выделено мною.
  33. Громов В. А. Секретное наблюдение за С.Н. Тургеневым и его письма к А.И. Тургеневу // Тург. сб. (3) С. 216.
  34. Из незавершенной книги С.М. Степняка-Кравчинского о Тургеневе. Публикация М.И. Перлер // Литературное Наследство. Т. 76. С. 263. Лично с Тургеневым молодой революционер, эмигрировавший из Рос-

- сии в 1874 г, очевидно, не был знаком, однако еще в 1875 г. писатель откликнулся на пропагандистскую сказку Степняка в письме к П.Л. Лаврову от 28 авг. (9 сент.), а позже на вышедшую в 1882 г. в Милане книгу «La Russia sotteranea» («Подпольная Россия», с предисл. П. Лаврова). Скорее всего, Тургенев знал и о том, что в 1878 г. Степняк-Кравчинский, находясь нелегально в Петербурге, убил шефа жандармов В. Мезенцева. Личность Степняка-Кравчинского нашла отражение в романе Э. Золя «Жерминаль», в романе Войнич «Овод», в воспоминаниях современников. Незавершенная книга о Тургеневе писалась Степняком на английском языке, по договору с издательской фирмой «Вальтер Скотт» (Там же. С. 256). «Дядей» Тургенева Степняк ошибочно называет Николая Ивановича со слов Драгоманова, который так определял степень родства писателя и декабриста (см.: Драгоманов М.П. Воспоминания о знакомстве с И.С. Тургеневым. Казань, 1906. С. 1). Заочное знакомство Драгоманова с Тургеневым произошло, по его словам, в 1873 г., в связи с предложением последнего разობрать архив покойного Н.И. Тургенева. Позднее Драгоманов встречался с писателем и был его корреспондентом.
35. Из незавершенной книги С.М. Степняка-Кравчинского о Тургеневе. Публикация М.И. Перпер // Литературное Наследство. Т. 76. С. 263-264.
  36. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 257. Выделено мною - Н. Г.
  37. Тарасова В.М. «Россия и русские» (Н.И. Тургенев о России 30-50 годов XIX века). С. 137-138.
  38. Тургенев И.С. <Подготовительные материалы к роману «Дым»> (Публикация и послесловие П. Уоддингтона // Русская литература. 2000. № 3. С. 125).
  39. ПСС и П (2). Соч. Т. 11. С. 175.

Л.И. Скокова

К ПРОБЛЕМЕ «ЕСТЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА» РУССО В «ЗАПИСКАХ ОХОТНИКА» ТУРГЕНЕВА*

Название «Записки охотника» возникло, очевидно, случайно и неслучайно. Академик М.П. Алексеев писал в статье «Заглавие “Записок охотника”»,¹ что описание охоты занимает очень малое место в рассказе «Хорь и Калиныч», к которому и был дан при публикации подзаголовок «Из записок охотника», «сразу чувствуется, что написан он по другому поводу, и что упоминание охотничьих скитаний или приключений носит здесь орнаментальный характер. Вся книга в целом, когда завершилось ее сложение из отдельных очерков, также представлялась читателям в боль-

---

* Идеи и выводы автора статьи не всегда совпадают с мнением редакции.

шей мере книгой «нравоописательных», чем «охотничьих» очерков, на что в действительности имелись вполне основательные причины».²

В самом деле, европейские писатели приняли с удивлением это заглавие, ибо ни образ «охотника», ни сами новеллы не отвечали уже сложившемуся во Франции и особенно в Англии литературному направлению «охотничьих» очерков, «воспоминаний», «пронсшествий», которые главным образом, были полны как серьезными, так и комическими, и сатирическими наставлениями охотникам, перемежавшимися анекдотическими картинками сельской жизни.

М.П. Алексеев полагал, что, по-видимому, популярность в России английского «охотничьего очерка» навела Панаева на мысль о подзаголовке очерка «Хорь и Калиныч» и закрепила затем этот подзаголовок за всем циклом. Отчасти, наверное, так и было, хотя несомненно имела место и необходимость провести тургеневский очерк через цензуру.³ Панаев был достаточно опытным литератором, чтобы не увидеть разницы между очерком Тургенева и популярными английскими охотничьими очерками.

Необходимо при этом вспомнить еще одну деталь. Тот же Панаев публикует в «Современнике» сатирическую заметку «Литературный маскарад накануне нового года», в которой называет автора «Записок охотника» большим чудачком, ибо он хоть и скитается в охотничьем одеянии с ружьем и собакой, однако не столько охотится, сколько как бы вписывает себя в природу, при этом: «ничто в природе не ускользает от его верного, поэтического и пытливого взгляда, и птицы спокойно, ласково и безбоязненно летают вокруг этого странного охотника». Так что кто-кто, а именно Панаев отлично понимал, что охотничий костюм рассказчика маскарадный, и речь в его рассказах, перенасыщенных природой, идет совсем не об охоте, обычном дворянском развлечении.⁴ «Портрет его (Тургенева) не зря дан на фоне тонко выписанного пейзажа», - замечает Алексеев об этом месте статьи Панаева.⁵

Действительно, эту книгу Тургенева вполне можно было бы назвать книгой о природе и о человеке в природе. Даже если герои никак не соотносятся с природой, все равно повествование о них не обходится без хотя бы мимоходом упомянутых пейзажей. Не случайно поэтому сборник заканчивается поэтическим гимном природе «Лес и степь». Несомненно, главным эстетическим связующим звеном всех новелл является рассказчик, «странный охотник». А главное в нем - как образ он дан вне общественной цивилизации, как человек природы, неразрывно связанный с нею. Его душа, его духовный мир заполнены природой. И через эту природно-эстетическую призму и преломляются все истории, о которых он повествует, поэтому последняя новелла как заключительный аккорд сю-

иты - о самой природе. Тургенев «приходил к признанию включенности человеческой личности в общий поток мировой жизни, к признанию единства человека и природы».⁶

Такое единение «странного охотника» с природой, такое эстетическое единство «Записок охотника» через многочисленные пейзажи напоминает учение Жан Жака Руссо о «естественном человеке».

Еще в юности Тургенев был потрясен «Исповедью» Руссо. Известен небольшой (в два десятка строк) ранний автобиографический набросок Тургенева. Юноше только что исполнилось 17 лет, и он решает «написать все, что» знает «о себе». Решить Тургенев решил, но написать не написал. Впоследствии, став уже известным писателем, Тургенев не любил подробно и достоверно свидетельствовать о себе, хотя написал и «Литературные и житейские воспоминания», и два варианта короткой автобиографии. В изложении фактов своей жизни и истории создания своих произведений он не всегда точен и последователен, а уж путаницы в датах - несть числа.⁷ При этом Тургенев, как и его мать, отличался редкостным педантизмом, в том числе и в отношении дат. Исследуя манеру чтения Тургенева, Л.А. Балыкова пишет, например: «... так, в нескольких местах книги Капефига исправлены ошибочные датировки некоторых исторических событий».⁸ Не вдаваясь в анализ этого феномена, замечу лишь, что, возможно, Тургенев в своих автобиографических воспоминаниях (в том числе и в письмах) осознавал себя писателем и вольно или невольно создавал образ автора для читателя, как в художественном произведении.

Тем более обращает внимание свидетельство о себе не обремененного еще художественным опытом семнадцатилетнего юноши. И все-таки мы присутствуем здесь при почти первом (если не считать полуюношеских, не имеющих большого художественного значения стихотворений), еще робком пробуждении художественной мысли будущего писателя с мировым именем. Тем более, что жанр автобиографии возник еще во времена Петрарки, когда пробуждался интерес к личности, индивидуальности. Внимание к становлению личности в условиях абсолютизма в России красной нитью проходит впоследствии через все творчество Тургенева. Тургенев пишет: «Я хочу написать все, что знаю о себе, всю свою жизнь. Для чего я это делаю - две причины. Во-первых, читал недавно «Les confessions» J.J. Rousseau. Во мне возродилась мысль написать свою Исповедь».⁹ Очевидно, что речь идет не просто об описании своей жизни, а о художественном описании, как это сделал Руссо, хотя, может быть, Тургенев этого в тот момент и не осознавал. Но факт стремления подражать Руссо налицо. И впоследствии в условиях идейной борьбы со средневе-

ковым типом хозяйствования в России, борьбы за отмену крепостного права и гражданские права крестьян не обратит внимания на учение Руссо энциклопедически образованный Тургенев вряд ли мог. Однако при этом следует учитывать, что не о влиянии идей Руссо на Тургенева должна идти речь, а о взаимозависимости общественных идеалов в сходных общественных условиях. В связи с «Записками охотника» я остановлюсь только на одной точке пересечения идей Руссо и Тургенева, на руссоистской идее «естественного человека», приближенного к природе.

Тургенев не ставит, подобно Руссо, вопрос о собственности как о первопричине социально-политического неравенства. Но утверждает, как и Руссо, что природа создала всех людей равными, и только общественные институты создают проблему социального неравенства; вопрос о значении природы в воспитании свободного человека оказался близок мировоззрению Тургенева. Общественная несвобода искажает естественную, природную сущность человека, нравственно калечит его. Однако для Тургенева важен не классово-просветительский, как у Руссо, а нравственный аспект социального расслоения. Драма человека в том, по Тургеневу, что он выпал из природного единства. Руссо заостряет внимание на классовом характере общественного прогресса (в данном случае «дворянской цивилизации»). Тургенев же рассматривает проблему «естественного человека» в философском, общечеловеческом нравственном аспекте. Выпадение из природного единства человека делает его либо нравственно уродливым, либо совершенно несчастным. И Тургенев в «Записках охотника» пытается показать, как нравственно красив «естественный человек», связанный с природой.

Удивительной красоты духовный мир распахивает Тургенев перед читателем в облике внешне не только невзрачного, но даже карикатурного Касьяна («Касьян с Красивой Мечи»). Появление Аннушки усиливает поэтическое впечатление от образа Касьяна. Даже не одобряющий Касьяна Ерофей не может не отметить, что Касьян «поет, однако, хорошо! Этак важно - ничего, ничего». Пение с древнейших времен играет важнейшую роль в духовном бытовании народа. Хороший певец приравнивается в народе к мастеру-умельцу. Поэтому это важная деталь в отзыве Ерофея о Касьяне. Тургенев тонко подметил, как сквозь внешнее небрежение прорывается уважение Ерофея к этому умению, точнее, таланту Касьяна.

Думаю, Тургенев сделал Касьяна приверженцем учения именно бегунов, а не другой религиозной секты¹⁰ не случайно. Бегуны выступали не просто против официальной религии, они «решительно высказывались против всех основ и учреждений государственной власти»¹¹ и, в том чис-

ле, и против права частной собственности. Государство как проявление общественной цивилизации и узаконения частной собственности, по учению бегунов, - это царство антихриста, а царская власть - икона сатаны. От антихриста нужно бежать, возвращаясь к «первобытному», «естественному» состоянию человечества. Это практически почти точный слепок с учения Руссо только с налетом религиозности; у Руссо вместо «антихриста» и «сатаны» - дворянская цивилизация. Впрочем, он пламенно выступал и против официальной церкви.

Не признавая современного государственного устройства как выражения цивилизованного общества, бегуны живут, как живет природа. Вот и Касьян будто «слит» с природой, поэтому так же, как нельзя убить человека, грех, по его мнению, убивать птицу, не предназначенную богом человеку в пищу. Поэтому не может он ответить и на вопрос, чем он занят. Он человек природы, а не общества. «В низких кустах, - замечает «странный охотник», - в «мелочах» и на ссечках часто держатся маленькие серые птички, которые то и дело перемещаются с деревца на деревцо и посвистывают, внезапно ныряя на лету. Касьян их передразнивал, перекликался с ними; поршок полетел, чиликая, у него из-под ног - он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая, - Касьян подхватил его песенку. Со мной он все не заговаривал...». Тургенев нашел редкостный образ, чтобы подчеркнуть слитность Касьяна с природой, цельность его души - образ птицы.

«Странный охотник» сторговал ось для колеса тележки вместо сломавшейся и отправился за нею. Касьян пошел с ним. И ось «забыта», о ней ни слова. Рассказчик всматривается и всматривается в природу, как будто «растворяется» в ней вместе с Касьяном. Но вот Касьян разговорился: его взволновала убитая «охотником» птица. И под конец разговора какой дивный пейзаж «рисует» Касьян: «Тут, смотришь, трава какая растет; ну, заметишь - сорвешь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну, напьешься - заметишь тоже. Птицы поют небесные... А то за Курском пойдут степи, этакие степные места, вот удивленье, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот божия-то благодать!» А какие удивительно ласковые дает он определения-приложения рекам: «... ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку...». Но главное в обрисовке образа Касьяна - птицы. Вольные, по определению карлика. На долю минуты рассказчик «забылся» и, превратившись из «странного охотника» в «барина», убил вольного коростыля; «для потехи», по убеждению Касьяна. Этот эпизод не случаен. Столкнулись два мировоззрения: «цивилизованного барина» и «естественного человека». Это «цивилизация» убивает волю, свободу. «Справедливости в челове-

ке нет, - вот оно что...», - заключил разговор Касьян. В выделившейся из природы социальной действительности Касьян не видит ни правды, ни справедливости. Потому «много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут...». Ищут сказочную страну, где «живет всяк человек в довольстве и справедливости». Олицетворением этой страны является «птица Гамаюн сладкогласная». Птица как олицетворение свободы, «воли» - пожалуй, главный образ этой новеллы. А выпавший из природы современный Тургеневу социум убийственен для нее.

Чрезвычайно интересно, что секта бегунов, к которой принадлежит Касьян, возникла в конце XVIII века. Словно бегуны стали последователями учения Руссо. Впрочем, в среде бегунов была развита и поощрялась тяга к грамоте и книжному чтению. Грамотность Касьяна отнюдь не случайна. Совершенно очевидно, что основатели секты бегунов в России были людьми образованными, и я не исключаю, что книги Руссо были ими читаны (или, возможно, из каких-то других источников, например, масонских, они знали об этом учении).

Обычно Калинычу («Хорь и Калиныч») уделяют внимания меньше, чем Хорю. А ведь Калиныч ближе «странному охотнику», чем Хорь, потому что «Калиныч стоял ближе к природе; Хорь же – к людям, к обществу». Как ни привлекателен Хорь, но Калиныч более открыт и лучше чувствует радость жизни. И хотя хозяйство ему вести недосуг (барин охотой отвлекает), но, наверное, не случайно именно Калиныча выбрал «г-н Полутыкин» себе в спутники на охоту. В этом очерке впервые показал Тургенев человека, не выпавшего из природы, неразрывно связанного с нею, потому так поэтичен этот образ. «Калиныч был человек самого веселого, самого кроткого нрава, беспрестанно попевал вполголоса, беззаботно поглядывал во все стороны...». Не случайно Хорь, послушав пение Калиныча и его игру на балалайке, вдруг «начинал подтягивать жалобным голосом». Почему жалобным? Хорош Хорь, великолепен в своей хозяйской сметке, но как запоет, так все и жалуется, в отличие от Калиныча, на свою долю. Хотя жаловаться ему как будто и не на что. А «жалобится». Чувствует, наверное, что что-то складывается в его душе не так. А Калиныч «замечал, где садится птица, доставал воды, набирал земляники, устраивал шалаши». Избушка его на пасеке вся увешена пучками сухих трав, сено в ней свежее, пасека чистая, потому что иначе «пчелы жить не будут», как заметил, вздохнув, Хорь. Почему вздохнул? Чувствовал, что в чем-то духовном Калиныч превосходил его, только не хотел в этом сознаться себе. А Калиныч, которого «трогали описания природы, гор, водопадов», недаром принес своему другу в подарок пучок земляники, чувствуя, наверное, в глубине души, что удаляется друг от

природы, а это никак нельзя, пусть хоть лесной землянике порадуетя. Несомненно, Калиныч - художественно одаренная натура, он наделен удивительным чувством красоты. Именно потому, что Калиныч связан с природой, у него поэтическая душа; тут обратная связь, диалектическая взаимозависимость. «Прекрасное для Тургенева - это равновесие сил в человеке и мироздании в целом, это та всеобщая связь, бесконечная гармония, которая рождается из преодоления эгоистического обособления каждого живого организма, каждой живой единицы в общем потоке мировой жизни».¹²

Недаром «странному охотнику» с первого взгляда понравилось «его добродушное, смуглое лицо, кое-где отмеченное рябинами». Попрощавшись с семейством Хоря, заканчивает свою быль «странный охотник» описанием отношения Калиныча к заре: «... заря только разгоралась. “Славная погода завтра будет”, - заметил я, глядя на светлое небо. “Нет, дождь пойдет, - возразил Калиныч, - утки вон плещутся, да трава больно сильно пахнет». Мы въехали в кусты. Калиныч запел вполголоса, подпрыгивая на облучке, и все глядел да глядел на зарю...».

Именно потому, что так легко вписывается в природу и далек от забот Хоря, выпадающего из природы, духовно прекрасен Калиныч. Но уже в этом очерке намечается Тургеневым, хотя еще и не очень четко, трагическая установка личности, разрыв общества и природы. Потому и противопоставлены в новелле не просто два человека, а два друга, связанные теплыми человеческими отношениями. Бесхитростный, жизнерадостный правдолюб Калиныч и смысленный, но оторванный уже от природы Хорь, который пока еще только в песне жалуется на свою долю.

В удивительно поэтичной новелле «Свидание» этот трагический разрыв между изуродованной «цивилизацией» и природой обозначен уже четко и недвусмысленно. Новелла эта редкостно красива и наполнена музыкой природы. С впечатлениями от дивной прелести природы сливается и впечатление от нежного образа деревенской девушки. Она легко вписывается в красоту природы. Описание Тургеневым природы плавно переходит в описание молодой крестьянки, не нарушая очарования пейзажа. Природа и девушка в описании Тургенева составляют одно целое. Писатель будто подчеркивает, что девушка - часть природы, она так же естественна и прекрасна, как сама первозданная природа.

С этой природной гармонией диссонирует «избалованный камерднер молодого барина». Его появление нарушает естественность окружающей природной и человеческой красоты. «Признаюсь, он не произвел на меня приятного впечатления», - начинает его портрет «странный охотник».

Сердцевину новеллы составляет контрастное описание духовной сущности Акулины и ее возлюбленного. Насколько просто, естественно, красиво, деликатно проявляет себя Акулина, настолько же черств и равнодушен, самовлюблен, безобразно карикатурен в своей напыщенности «избалованный камердинер». Современное общественное устройство калечит душу человека, извращает его природные качества, нарушает естественное равенство людей, возводя между ними социальные барьеры. Акулина обращается к своему возлюбленному на «Вы» и по имени-отчеству; он же пренебрежительно ей «тыкает» и все время подчеркивает в разговоре с нею ее «невежество» и свое «превосходство». Не случайно остался он равнодушен к букетику васильков, трогательно собранному для него Акулиной. Он вырван цивилизацией из своей естественной среды, и потому эта «цивилизация» превратила его в некое карикатурное безнравственное подобие человеческого существа. Акулина же осталась в своей природной сущности, она еще не испорчена общественными установлениями, и потому она так естественна, и потому так невыразимо прекрасна ее душа.

Идеи Руссо Тургенев накладывает на российскую действительность. Его волнуют проблемы крепостничества. Поэтому героями его новеллы стали крепостная девушка и крепостной крестьянин, искусственно вырванный из своей родной среды, превращенный в дворового человека. Трагедия девушки, сохранившей первозданную природную человечность и красоту в том, что на свое несчастье она полюбила нравственно искалеченного общественным институтом человека, и в том, что, расставшись с ним, она не станет счастливее: загубит и ее природную естественность общественный институт крепостнического домостроя.

«Окольцовывает» Тургенев эту общественную трагедию двумя описаниями осенней природы. Первый пейзаж, несмотря на осенние краски увядающей природы, создает у «странного охотника» и читателя просветленное настроение, в эту просветленность легко вписывается впечатление от Акулины. Но уже в этом пейзаже возникает еще неясная тревожная нотка: «Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево - осину - с ее бледно-лиловым стволом и серо-зеленой, металлической листвой, которую она вздымает как можно выше и дрожащим веером раскидывает на воздухе; не люблю я вечное качанье ее круглых неопрятных листьев, неловко прицепленных к длинным стебелькам...» На мгновение что-то настораживает, однако читатель еще не чувствует беды. Но вот «ворвался» в природную благость «Виктор Александрыч»... И «долго сдержанное горе хлынуло наконец потоком». Второе описание природы, которым Тургенев заканчивает новеллу, вдвое короче того, с которого писатель новел-

лу начал. И создает оно уже совсем иное настроение.

Драматизм и поэтичность переплетаются в этой новелле, окрашивая все повествование чувством гармоничной связи мира человеческого бытия и природы. И на этой всеобщей связи в мироздании писатель построил цельный художественный образ. Природа как бы «потускнела» из-за разыгравшейся на ее фоне драмы: «... сквозь невеселую, хотя свежую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страх недалекой зимы».

Тургенев повторяет тезис Руссо о том, что природа создала всех людей равными, и только общественные институты создают проблему социального неравенства. Учение Руссо о «естественном человеке» наталкивает Тургенева на нравственный аспект проблемы социального расщепления. Он идет дальше Руссо, рассматривая проблему в более глобальном, общечеловеческом, а не только классовом, как у Руссо, плане.

Природа, по Тургеневу, не просто источник преобразования человека и общества; природа, если перефразировать Г.Б. Курляндскую, - это духовная первооснова, которая позволяет человечеству «достигнуть величайшей внутренней гармонии» и открывает ему «нравственный смысл жизни». С одной стороны, Тургенев показывает своих героев в конкретной социально-исторической ситуации, с другой - решает проблему нравственности в общечеловеческом плане. Совершенно очевидно, что Тургенев не во всем следовал учению французского энциклопедиста. Именно потому он выбирает такую ситуацию, в которой действуют не имущественно или социально неравные люди, а люди одного сословия, но неравные в отношении к «равнодушной природе», то есть рассматривает проблему не в классовом, повторяю, как у Руссо, а в нравственно-общечеловеческом плане, подчеркивая диалектическое единство социально-конкретного с требованиями природной гармонии и общечеловеческой нравственности.

Руссо утверждает, что для улучшения общечеловеческих нравов нужно воспитывать детей на лоне природы, при этом учитывая их личностную природу, поскольку общество мешает правильному воспитанию детей.

Любопытна новелла Тургенева «Бежин луг». О воспитании речь в ней не идет. Но обычно, сосредотачивая внимание на характеристиках мальчиков, не замечают, что вся новелла построена на описании самых разнообразных состояний природы. Пожалуй, ни одна из новелл «Записок охотника», кроме заключительной, так не насыщена природой, как эта. Действительно, начало новеллы - это описание природы на четырех страницах;

после встречи с мальчиками через абзац, снова длинное описание природы. И между рассказами мальчиков время от времени вклиниваются строчки то о ночных природных звуках, то о голубе, налетевшем на огонек, то камыш «шуршит», то снова абзац о природе, и заканчивается новелла прекрасным обширным пейзажем. Да и в рассказах мальчиков то месяц мелькнет, то «божьи звездочки – что пчелки», то о лягушках заговорят, да и вообще все их «рассказы» связаны с представлениями древнего человека о природе. Таким образом, все мальчики с их немудреными рассказами оказываются как бы внутри «чаши» пейзажей, обволакивающих их. И оказывается, что они вокруг костра не сами по себе, а как бы часть природы; природа, сельские поверья о природе (оставшиеся от древнего человека) и сами мальчики составляют единое целое. Даже Федя, хотя «странный охотник» и обращает внимание на то, что он явно из обеспеченной семьи, тем не менее, если и выделяется, то, главным образом, одеждой. Чистые, незамутненные души природы. Они еще не выпали из нее, не отпали от природы, и потому не чувствуется в них ни слабости, ни нравственной уродливости. Возможно, «охотник» не случайно сообщил в конце новеллы о гибели Павлуши. Именно его, лучшего из всех мальчиков, не отпустила природа от себя. И уж, конечно, не случайно сразу за «Бежиным лугом» Тургенев поместил новеллу «Касьян с Красивой Мечи» о «естественном человеке», живущем жизнью природы.

Есть еще две очень интересные новеллы о «естественном человеке», хотя связаны они не столько с природой, сколько с тем, что обе их героини силой обстоятельств «выбиты» из общественной жизни, и никакой общественной институт современной цивилизации их не касается. Одна по простоте душевной («Татьяна Борисовна и ее племянник»), и люди тянутся к ней, пока не нарушил гармонии ее жизни познавший «цивилизацию» племянник. Другая - болезнью («Живые мощи»). Но Лукерья, судя по ее рассказам, близка к природе; болезнь невольно заставила ее вслушиваться, всматриваться в жизнь природы и радоваться ее жизни, что придает ей силы и сделало ее «святой» - серпом («... и не простой серп, а самый как есть месяц, вот когда на серп похож бывает»), как нимбом, украсила она свою голову во сне при виде Христа: «Надеваю я месяц, ровно как кокошник, так сама вся и засияла, все поле кругом осветила». Однако и «святость» ее связана с природой: и серп словно месяц, и рожь золотится кругом. «Душевная гармония приходит к ней, - пишет о Лукерье Н.Ф. Дробленкова, - с осознанием радости бытия в природе...»¹³

«Записки охотника», как и все у Тургенева, многогранны, многозначны, многотемны. Я остановилась лишь на одной теме этого глубокого и полифоничного сборника. Но и эта тема связана с той проблемой, что

волновала всех «мыслящих русских», по словам Герцена, с 1842 года - проблемой крепостничества, проблемой прав человека. Даже в новелле «Живые мощи» эта тема возникает, когда Лукерья просит на прощанье «барина» уговорить свою мать сбавить крестьянам непосильный для них оброк. Да, природа создала всех равными, и только общественные институты несут неравенство и несправие. Но повинна в этом, по Тургеневу, не «дворянская цивилизация», как у Руссо, а угодливый, противоестественный для человеческих отношений институт российского крепостничества. Подчеркивая диалектическое единство социально-конкретного (Тургенев нередко ставит своих героев в конкретные социальные условия) с общечеловеческой нравственностью и правами человека, данными ему природой, Тургенев вносит свою лепту в решение необходимости уничтожения крепостничества, противоестественного природе, выбивающего человека из природного единства. Ненавязчиво, без нажима, исполняет он щемящую сердце грустную мелодию. Но именно описание различных состояний природы дает писателю возможность лирического преобразования житейских наблюдений в художественный образ. И образ «странного охотника», вписанного в природу, несет на себе эстетическую нагрузку эгалитаризма Руссо, объединяя идеей равноправия весь сборник.

Примечания

1. Тургеневский сб. Материалы к Полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева. Вып. V., Л.: «Наука», 1969.
2. Там же. С. 212.
3. См.: Л. Скокова. Когда был написан «Хорь и Калиныч»? // Вопросы литературы, 1996. Вып. IV.
4. Цитирую по указ. ст. М.П. Алексеева // Тургеневский сб. Вып. V. С. 211.
5. Там же.
6. Курляндская Г.Б. Эстетический мир И.С. Тургенева. Орел, 1994. С. 137.
7. См.: Л. Скокова. Указ. статья.
8. Тургениана. Сб. статей и материалов. Орел, 1991. С. 22.
9. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Изд-е 2-е. Соч. Т. 1. М.: «Наука», 1978. С. 401.
10. Напомню, что религиозное сектантство в России было известно уже в последней трети XVII в. как оппозиция официальной, государственной церкви. При Николае I церковь окончательно превращается в бюрократический институт государства. Православная вера становится не фактом совести, а фактом приверженности государственной идеологии и верности престолу. Поэтому любая секта отныне рассматривается чуть ли не как правительственный заговор, и в борьбу с нею вступает уже вся правительственная бюрократия, а не только церковь. Тургенев не просто опоэтизировал Касьяна и его дочь; он обратился к теме религиозного

сектантства как раз в тот момент, когда борьба с ним на государственном уровне обострилась.

11. Бродский И.Л. И.С. Тургенев и русские сектанты. М., 1922. С. 4.
12. Курляндская Г.Б. Указ. соч. С. 137.
13. Дробленкова Н.Ф. Житийная традиция и «легенда» о Жанне д'Арк в рассказе Тургенева «Живые мощи» // Тургеневский сб. Вып. V. С. 293.

О.Б. Улыбина
Нижний Новгород

ФИЛОСОФИЯ СТРАДАНИЯ В ПОВЕСТЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА («ЖИВЫЕ МОЩИ», «СТРАННАЯ ИСТОРИЯ», «ПОСЛЕ СМЕРТИ»)

... Человеческая земная жизнь имеет свои сокровенные огни, о которых нерелигиозный человек ничего не знает, но по которым религиозный человек правит свой путь... Эти сокровенные огни даются каждому человеку в особицу.

И. А. Ильин

Духовная жизнь русского общества, при всей выраженной ее прагматичности и скептицизме, все же остается пронизанной верой. Этой искренней верой, на наш взгляд, пронизаны многие произведения Тургенева, в которых он воплотил «жизнь человеческой души». Причем, художник не прошел мимо души и простого русского человека. В его творчестве ярко выразились искания веры, тоска о высшем смысле жизни – «мятущееся беспокойство русской души и ее больная совесть». Цель Тургенева – не презрение к обыкновенному человеку, а пробуждение его чувств и возвышение души.

Характерно, что такие этические понятия, как «совесть», «милосердие», «сострадание» пришли с христианством и обрели художественную плоть в русской классической литературе. Не случайно, определяя смысл и находясь в вечном мучительном поиске, Л. Толстой писал: «.. Смысла в жизни нет... Нечего и искать. Весь смысл жизни в религии, в вере в Бога...»¹ Многие русские писатели приводили своих героев именно к этому постулату, к этой вечной истине. Не исключением в этом смысле был и Тургенев. Как и многие русские мыслители XIX века, он считал православие одной из основ духовного возрождения России. Устами одного из своих героев – Павла Петровича Кирсанова – он утверждает мысль о

православии русского народа. «... Он свято чтит предания старины, он – патриархальный, он не может жить без веры...»²

И действительно, русский человек исконно «живет для души, Бога помнит» (Л. Толстой). В народной вере Тургенев обнаруживает потенциал нравственного героизма, недаром Лукерья – один из самых его «пронзительных» художественных образов – в рассказе «Живые мощи» вспоминает о святых подвижниках и Жанне Д'Арк, о которой «что-то слышала или читала». Основу несокрушимой силы Лукерьи автор видит в религиозном чувстве, которое спасает ее от отчаяния и безысходности. Именно в этом небольшом шедевре Тургенев показал красоту и величие народности христианства.

Д.С. Мережковский писал о Чехове, что он «прошел мимо Христа, нарочно не смотря в ту сторону, где Христос».³ Но Тургенев не прошел «мимо Христа». Образ Христа запечатлел он в сне Лукерьи. Надо долго терпеть, мучиться, страдать – и смиряться, чтобы вот так, как Лукерья, увидеть Христа во сне, идущего прямо к ней по полю. Именно в сне Лукерьи Тургенев показывает непосредственную связь человека с Богом, когда личное начало растворяется в некоем всеобщем. И оказывается, что Лукерья, про которую в народе говорили «Богом убитая», превращается постепенно в Лукерью, «Богом спасенную», ибо безропотностью и смиренностью она душу спасла. Это, пожалуй, единственный русский писатель, запечатлевший «явление Христа народу»: «... Глянь – по самым верхушкам колосьев катит ко мне скорехонько – только не Вася, а сам Христос...»⁴ Это один из тех образов, пробовать истолковывать которые – значит снижать их; на них, как выражается сам Тургенев, «можно только указать – и пройти мимо»⁵ - писал Д. Андреев.

В «Живых мощах» «светится луч христианского восприятия жизни», ибо Христос в сне Лукерьи – символ веры, воплощение самых светлых начал человеческой личности. И кто знает, может быть, одним из самых высших в духовном осмыслении женских образов, созданных русскими писателями, является именно Лукерья, которая своим внутренним видением «узрела» самого Христа, явившегося к ней в вещем сне. В ней – и черты Лизы Калитиной, смиренно принявшей свой жребий и ставшей монахиней, и черты героини «Странной истории», отправившейся странствовать вместе с юродивым. В рассказе «Странная история» главная героиня – Софи – говорит о том, что всякий свет, «солнечный свет», – от Бога. Этот свет сиял на ликах лучших тургеневских героинь. «Начало веры» Софи видит в «самоотвержении» и «уничтожении», которые она понимает в христианском осмыслении. А, как известно, юродивый отрекается от земного блаженства во имя блаженства небесного. Смысл юрод-

ства – в умерщвлении собственного духа, посрамлении собственного разума и познании божественной мудрости.

В романе «Дворянское гнездо» дан еще один образ – Лизы Калитиной. Не заложен ли в нем высший смысл страдания по Тургеневу? Образ, постепенно превратившийся в «образ-видение», «образ-наитие», и ставший почти бесплотным. Полное отречение от всего мирского, смирение, терпение – все эти черты сближают Лизу Калитину с Лукерьей из рассказа «Живые мощи». Ибо она, так же, как и Лукерья, потеряла все, что может потерять «живой» человек, а обрела вечность. Этот внутренний надлом, порожденный ни чем иным, как страданием, чувствует в своей душе и Лаврецкий, который может «без зависти, без всяких темных чувств сказать, в виду конца, в виду ожидающего Бога: “Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизни!”»⁶ «Что можно сказать о людях живых, но уже сошедших с земного поприща?..»⁷ - добавляет автор.

Героиня повести «Несчастливая» не смирилась со своим несчастным положением в доме ненавистного ей отчима. Ее самоубийство – это последовательное отступление от христианских заповедей прощения и милосердия, любви даже к врагам своим. Причина – в ее гордости и надменности, в нежелании нести свой «крест» спокойно и смиренно. Гордыне противостоит смирение – истина известная. «Смирение есть самая страшная сила, какая только может быть на свете» - отметил Достоевский.⁸

В центре повести – не столько сама Сусанна, сколько ее судьба, история ее несчастья. Трагическая гибель Сусанны объяснена как стечение страшных обстоятельств. «Она не героиня – она несчастная, в этом мораль и смысл повести»,⁹ – заметил В. Брюсов. Не случайно герой-рассказчик видит на ее лице «такое выражение, как будто она собралась крикнуть отчаянным криком, да так и замерла, не произнеся ни звука».¹⁰

Но в повести явственно ощущается и спор автора с христианской концепцией терпения и смирения. Положение главной героини настолько безысходно, что, кажется, сам рок наложил на нее свой отпечаток. Сусанна – трагическая героиня, «несчастливая». Она, как и многие героини Достоевского (характерно, что многие исследователи указывали на связь этого образа Тургенева с Настасьей Филипповной из романа «Идиот»¹¹), доходит до той черты, которую если «переступишь – будешь несчастен, и не переступишь – будешь несчастен».¹²

Высшую духовность Тургенев всегда видел в христианском смирении, терпении. Гордость и тщеславие уничтожают возможность раскрыть себя. Запирают личность в рамки узкого «я», отрезанного от всех и вся. В финальной сцене «Отцов и детей» автор приводит читателя к мысли, что

не Бог отвергает человека, но человек отторгает от себя Бога. Поэтому выше Базарова «сама природа, которую он отвергает, выше Базарова те слезы, которые льются на его могиле, выше Базарова сама жизнь». ¹³ Тургенев хорошо ощущает ту бездну, в которую погружает человека неверие и господство атеистической морали в обществе. Вера в осмысленность бытия, в духовное воскресение приобретает в финале «Отцов и детей» мажорное звучание. Здесь Тургенев «вплотную подходит к религиозной теме». ¹⁴ «Вечное примирение» и «жизнь бесконечная» - не есть ли это выражение духовного начала, обуславливающего бесконечность жизни?

Природа во многих произведениях Тургенева является неотъемлемой частью душевного мира человека, она – соучастник сокровенной духовной жизни. Для многих его героев природа – «храм», а не «мастерская», и человек в нем не может быть только «работником», как считал Базаров. Тургенев всегда в поисках истины мучился вопросом о человеке и его судьбе. Несмотря на трагичность его мироощущения и увлечение философией Шопенгауэра, «христианское начало» все же пронизывает многие его произведения. И хотя он не был философом в точном смысле этого слова, но был серьезным и глубоким мыслителем, жившим напряженными и мучительными поисками истины.

«Бессмертная красота кругом и ничтожество всего земного, но в самой ничтожности что-то глубоко грустное – и примиряющее, и поднимающее душу», ¹⁵ – в этих словах уже выражено смирение перед высшими и непостижимыми силами природы. Тургенев, глубоко чувствуя «сокровенные огни» человеческой жизни, понимал, что добро, милосердие и любовь – основа не только всей человеческой жизни, но и всего мира, созданного Богом. Не об этом ли написана еще одна тургеневская повесть – «После смерти» - где герой, ощутив силу любви, которая сильнее смерти, воскликнет: «Смерть, где жало твое?» Вера в высшую жизнь души, истинная любовь избавляют от неизбежности смерти и наполняют содержанием жизнь каждого человека. И хотя «Смерть и Время царят на земле», все-таки выше их Любовь, которая сильнее смерти. Любовь – в высшем, духовном значении этого слова. «Бог есть любовь, любовь есть Бог» - сказано в Библии. Истинная любовь – «луч небесный», входящий в душу человека и освещающий ее светом и теплом.

Спорной и не совсем правомерной является, на наш взгляд, мысль о том, что Тургенев «лишь издали приближался к православной церковности». ¹⁶ Но если бы художник не имел ее в себе, то как мог он проникнуть в духовный мир таких религиозных героинь, как Лиза Калитина, Софи («Странная история»), Лукерья («Живые мощи»). И хотя Тургенев не был «самым религиозным» из всех русских писателей, но вопросы веры,

Божьего суда, спасения, вечного блаженства не могли не найти выражения в его творчестве. Они мучили его на протяжении всей жизни, хотя он, как и всякий человек, не мог найти им разрешения. Гениально схвачена эта мысль у Мережковского: «... Тургенев молчит и молча подходит ко Христу». И далее он подчеркивает «религиозное отношение Тургенева ко всемирной культуре, которого нет ни у Толстого, ни у Достоевского».¹⁷

В потрясающем по глубине и силе психологического анализа стихотворении в прозе «ЩИ», с весьма прозаическим названием, выражена «философия страдания» простого «маленького человека» - крестьянки, потерявшей единственного сына: «лицо бабье осунулось и потемнело; глаза покраснели и опухли ... но она держалась истово и прямо, как в церкви ... Вася мой помер ... Значит, и мой пришел конец: с живой с меня сняли голову. А шам не пропадать же: ведь они посоленные...»¹⁸ В нем запечатлено страдание, которое дает высшую мудрость, и в то же время высшая форма религиозного смирения, каким может обладать простой человек.

Не случаен эпиграф к рассказу «Живые мощи»: «Край родной долготерпенья, край ты русского народа!» Этим терпением и верой (а эти понятия всегда были синонимами у русского человека) не обладает, к сожалению, героиня повести «Несчастливая», которая желает возмездия за свои страдания. Именно вера спасает Лукерью от отчаяния и безысходности. Именно поэтому в ее «лучезарном сне» и является сам Христос.

Будучи писателем-реалистом и тончайшим художником, Тургенев писал не только о познаваемых, но и непознаваемых вопросах человеческой жизни. Ему было отнюдь не чуждо религиозное представление о человеке. Печать глубокого религиозного понимания лежит на многих его творениях. Вера в свет, красоту жизни, в человека, в духовное просветление его – и выход из тьмы – главное в его творчестве. Как глубокий мыслитель, он понимал, что спасение человека – в терпении и христианском смирении перед непостижимостью жизни, законы которой знать человеку не дано, но которые он может «лишь смутно чувствовать».

Примечания

1. Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении. Круг чтения. М., 1998. С. 261.
2. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Т. VIII. М.-Л., 1964. С. 243.
3. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 273.
4. Тургенев И.С. Соч. Т. IV. С. 362.
5. Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. М., 1991. С. 193.
6. Тургенев И.С. Соч. Т. VII. С. 293.
7. Тургенев И.С. Соч. Т. VII. С. 294.

8. Ф.М. Достоевский об искусстве. М., 1979. С. 81.
9. Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 185.
10. Тургенев И.С. Соч. Т. X. С. 158.
11. Муратов А.Б. Повести и рассказы И.С. Тургенева 1867-1871 годов. Л., 1980.
12. Ф.М. Достоевский об искусстве. М., 1979. С. 79.
13. Тургенев И.С. Соч. Т. VIII. С. 243.
14. Зеньковский В.В. Миросозерцание И.С. Тургенева // Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 288.
15. Тургенев И.С. Из письма к Е.Е. Ламберт от 28/XII-1857 г. Письма. Т. XII. С. 180.
16. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 478.
17. Тургенев И.С. Соч. Т. XIII. С. 174.
18. Там же.

В. А. Лукина
Санкт-Петербург

ОБ ОДНОМ ЭПИГРАФЕ ИЗ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА»

После публикации в «Вестнике Европы» в 1872 году рассказа «Конец Чертопханова» и последовавших за ней настойчивых уговоров друзей, в особенности П.В. Анненкова, «не трогать» «Записок охотника», оставить их «в неприкосновенности и в покое», Тургенев как будто согласился и высказывал твердое «решение» больше не возвращаться к старым черновым наброскам, которые называл «куриозами» [письмо к П.В. Анненкову от 31 октября (12 ноября) 1872 года]. Однако уже в марте 1874 года в литературном сборнике «Складчина», составленном из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии, появился еще один рассказ Тургенева с подзаголовком «Отрывок из “Записок охотника”». Это был рассказ «Живые мощи».

Эпиграфом к рассказу Тургенев поставил строки из тютчевского стихотворения «Эти бедные селенья...»

Край родной долготерпенья -
Край ты русского народа!

Несомненно, что выбор именно этих строк в качестве эпиграфа не случаен, слишком много было связано для Тургенева с именем их автора.

В ответ на восторженный отзыв Жорж Санд о «Живых мощах» Турге-

нев признавался в письме от 3 (15) апреля 1874 года, что предполагал посвятить рассказ ей, однако намерения своего не осуществил. Почему же Тургенев передумал? Сам писатель в упомянутом письме к Ж. Санд обосновывал свое решение не давать посвящения тем, что его якобы отговаривал Луи Виардо, посоветовав выбрать для этой цели произведение «более значительное и более достойное великого имени». Тем не менее, Тургенев просит Ж. Санд «иметь в виду» свое первоначальное намерение.

Маловероятно, что мнение Л. Виардо имело в данном вопросе решающее значение. Очевидно, у Тургенева была и иная, более весомая причина отказаться от посвящения. Достаточно вспомнить, что в 1873 году, незадолго до написания «Живых мощей», происходит событие, которое не могло оставить писателя равнодушным - умирает Федор Иванович Тютчев.

Еще в январе 1873 года, узнав о тяжелой болезни, поразившей поэта, Тургенев выражает искреннее сожаление, что «одним светлым и чутким умом, одним хорошим человеком на свете меньше» [письмо Полонскому от 21 февраля (5 марта) 1873 года]. В письмах к Я. П. Полонскому, П. В. Анненкову, А. А. Фету он не перестает интересоваться здоровьем Тютчева и с грустью пишет из Буживаля о том, что *«все обстоит благополучно. Но только не в России, где бедный Тютчев (Ф.И.) умирает <...>»* [письмо Анненкову от 16 (28) августа 1873 года]. Смерть Тютчева, последовавшая 15 (27) июля 1873 года, глубоко огорчила Тургенева. «Глубоко жалею о нем, - писал он 21 августа (2 сентября) 1873 года А. А. Фету. - <...> *Милый, умный, как день умный, Федор Иванович! Прости-прощай!*»

Тургенев не написал некрологической статьи о Тютчеве. Но нет сомнения, что боль утраты всколыхнула светлые воспоминания и побудила отдать дань любви и уважения человеку, с которым его связывали долгие годы взаимной симпатии. В этой связи обращение к одному из самых дорогих имен в эпитафии к «Живым мощам» можно считать своеобразным посвящением Тютчеву, своеобразной данью памяти великого поэта.

В пользу последнего предположения говорит ряд фактов. Прежде всего, следует отметить, что отношения с Тютчевым завязались в один из самых знаменательных моментов жизни Тургенева - в пору его ареста и выхода в свет отдельного издания «Записок охотника». Дата знакомства точно не установлена и относится исследователями лишь приблизительно к началу 50-х годов, после возвращения Тургенева из-за границы в июне 1850 года. Из писем Софии Ивановны Мещерской, принимавшей большое и деятельное участие в судьбе писателя во время его пребывания на съездах, нельзя с уверенностью заключить, были ли Тургенев и Тют-

чев знакомы до ареста. Но не стоит исключать версию о том, что встреча могла состояться и ранее, хотя бы в доме С. Мещерской, у которой, по воспоминаниям А.В. Мещерского,¹ и Тютчев, и Тургенев часто бывали в это время. Факт неудавшегося посещения Тургенева на съезде Тютчевым, а также дерзкая выходка с портретом Николая I и трогательная любовь «маленьких Тютчевых», дочерей поэта Дарьи и Екатерины, свидетельствуют о сочувственном отношении и участии, которое Тютчев принимал в судьбе молодого писателя.

А 13 сентября 1852 года поэт сообщал Э.Ф. Тютчевой о том, что прочитал два тома «Записок охотника», «где встречаются чудесные страницы, отмеченные такой мощью таланта, которая благотворно действует на меня...»² В особенности поразило Тютчева в «Записках охотника» «понимание природы», которое «часто представляется вам как откровение». «Нам нужно прочитать это вместе», - заключал поэт свой отзыв и, «кстати, о Тургеневе», упоминал о встрече с его горячей поклонницей С.И. Мещерской.³

Можно с уверенностью предположить, что знакомство Тургенева с Тютчевым состоялось до 10 декабря 1852 года, когда он в письме к жене, успевшей к тому времени прочитать присланные ей 2 тома «Записок охотника» и прийти от них в восторг, одобрял ее вкус и, в случае приезда их автора в Овстуг в гости к Эрнестине Федоровне, просил ее передать Тургеневу «душевный привет».⁴ Визит этот, правда, так и не состоялся.

Знаменательно, что зимой 1852-53 годов, после возвращения из ссылки Тургенев часто видится с Тютчевым, а вскоре берет на себя хлопоты по подготовке первого издания стихотворений поэта, активно погружается в редакторскую работу и чрезвычайно гордится тем, что «уговорил» Тютчева «издать в свет собранные свои стихотворения».⁴ В статье «Несколько слов о стихотворениях Ф.И. Тютчева» Тургенев дал высокую оценку творчеству поэта, увидев в нем «отблеск» времени Пушкина. Назвав Тютчева одним «из самых замечательных русских поэтов», писатель поставил его «решительно выше всех своих собратьев по Аполлону» (Соч., 4, 524). Однако уже в этой статье, в отношении к стихотворению «Наполеон» и др., почерпнутых, по выражению Тургенева, «не из собственного родника» (там же, с. 527), ощущается полемическая нота, переросшая впоследствии в жаркий спор о судьбе и возможных путях развития России. Отголоски этого спора можно найти и в «Живых мощах».

Помещенные в эпиграфе строки из стихотворения Тютчева несомненно были великолепно знакомы читателю. Еще в 1857 году после появления стихотворения в июньской книжке «Русской беседы» И.И. Панаев в письме к В.П. Боткину писал: «Это выучивается наизусть всеми. Все от

этого в восторге - и в самом деле это забирает за сердце». ⁶ Особенно восхитительным Панаев находил «последний куплет»:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

Эти строки удивительным образом перекликаются с содержанием рассказа и объединены с ним общей темой - размышлением о душе России. В них, говоря словами Тургенева, «сжато и кратко» поэту удалось «высказать одну мысль, одно чувство слитые вместе» (Соч., 4, 527). История Лукерьи предстает своеобразным развитием Тургеневым тютчевской темы. Символично в этом смысле появление фигуры Христа в эпизоде сна Лукерьи.

Мотив «русского долготерпения», прозвучавший в тургеневском произведении, был неоднозначно воспринят современниками. Наиболее радикально настроенные критики упрекали автора в присутствии «фальшивых нот» и указывали на то, что «Живые мощи» отличаются от прежних очерков явной идеализацией таких черт в патриархальном крестьянстве, как терпеливость, безропотность, религиозность. В то же время при всей внешней созвучности рассказа славянофильским устремлениям сразу после его выхода в свет А.П. Чебышев-Дмитриев заметил, что смысл «Живых мощей» и образа Лукерьи не отвечает и запросам «славянофильствующих критиков», так как в нем нет того духовного просветления, какое требуется по их символу литературной веры». ⁷

Действительно, Тургенев вводит детали, которые не вполне соответствуют канонической трактовке христианских добродетелей, а скорее рисуют православие в его народном варианте. Так, оказывается, что Лукерья не знает молитв: «*А то я молитвы читаю <...> Только немного я знаю их, этих самых молитв*». Элемент язычества сквозит в выборе песен, которые любит петь героиня: «*Я и теперь песни пою. <...> Да, песни, старые песни, хороводные, подблюдные, святочные, всякие!*» Показательно введение Тургеневым в текст рассказа народной интерпретации истории Жанны д'Арк. Трогательны и неслучайны последние слова Лукерьи барину, где она высказывает сожаление об утраченной косе: «*Я долго не решилась. Этакие волосы!..*» Любопытно проследить отношение народа к героине, пример которой должен вызывать уважение, служа образцом терпеливого смирения и всепрощающей любви. Однако в оценке хуторского десятского сквозит осуждение и непонимание: «*Богом убитая - так*

закончил десятский, - стало быть за грехи, но мы в это не входим». О многом говорит и образ священника, скептически отнесшегося к рассказу Лукерья о своих снах на том основании, что видения бывают «одному духовному чину». На этой же ноте и заканчивается рассказ: Лукерья не смеет сказать, что слышит колокольный звон «с неба».

«Живые мощи» разительно отличаются от более ранних рассказов из «Записок охотника». Их отличает больший психологизм и глубокое проникновение в народную душу, что было замечено многими современниками, причислявшими рассказ к «перлам русской литературы».⁸

Все это дает основание вернуться к предположению, высказанному В.А. Ковалевым в работе, посвященной вопросу генезиса цикла «Записок охотника», что рассказ был задуман в 70-х и «является продуктом позднейшего творчества» писателя. Исследователь даже усматривал связь между созданием «Живых мощей» и работой Тургенева над романом «Новь».

Рассматривая характер и круг проблем, затронутых Тургеневым в рассказе «Живые мощи», правомерно вернуться к вопросу о времени возникновения рассказа. В комментариях к Полному собранию сочинений и писем Тургенева «Живые мощи», равно как и рассказ «Стучит!», представлены как «завершение старых набросков», замысел которых сложился в конце 40-х - начале 50-х годов, в пору оформления цикла. Основанием этому служит признание самого автора, многократно называвшего «Живые мощи» «недоконченным отрывком» [в письме к Полонскому от 18 (30) декабря 1873] и «почти уцелевшим наброском» [письмо к Анненкову от 19 (31) января 1874], найденным им в старых бумагах. Более того, в письме к Я.П. Полонскому, напечатанном в «Складчине» в качестве предисловия к «Живым мощам», Тургенев подробно рассказывает об истории создания рассказа, настаивая на том, что он изначально предназначался для «Записок охотника»: *«Всех их напечатано двадцать два; но заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недоконченными из опасения, что их цензура не пропустит; другие – потому, что показались мне не довольно интересными или не “идущими к делу”. К числу последних принадлежит и набросок, озаглавленный “Живые мощи”»* (Соч., 3, 511)

При всем пиетете, который всегда вызывает подлинное авторское свидетельство, необходимо заметить, что никаких следов замысла рассказа в сохранившихся программах «Записок охотника» обнаружить не удалось, между тем как наброски сохранившегося в парижском архиве Тургенева очерка «Русский немец и реформатор», работу над которым Тургенев планировал возобновить в 1873 года для «Недели», в программах отмечены.

Косвенным подтверждением тому, что «Живые мощи» были написаны в 70-е годы, служит наличие обильной правки, причем не только стилистического характера, в черновом автографе рассказа. Это свидетельствует о тщательной работе автора над созданием скорее нового произведения нежели «оболваниванием» старого наброска.

Характерно и то, что по настоянию П.В. Анненкова из белого автографа «немедленно вылетел вон» [письмо от 26 января (7 февраля) 1874] рассказ Лукерьи о сне, в котором она видела себя народной заступницей. Можно предположить, что искусственность этого эпизода, которую сразу отметил Анненков, была вызвана желанием Тургенева создать видимость внутренней связи рассказа с другими, создававшимися в конце 40-х – начале 50-х годов.

Автобиографичность рассказа не противоречит предположению о том, что рассказ был написан в конце 1873 - начале 1874 годов заново. Безусловно, желание написать об этой истории могло возникнуть у Тургенева под впечатлением встречи, состоявшейся, по-видимому, в первой половине 40-х годов, однако полностью осуществлен замысел был позднее.

Примечания

1. Измайлов Н.В. Тургенев и С.И. Мещерская // Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Т. II. М.-Л.-Л., 1966. С. 228.
2. Тютчев Ф.И. Сочинения: В 2-х т. М., 1984. Т. 2. Письма. С. 189.
3. Там же.
4. Там же. Там же. С. 192.
5. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Изд. 2-е. Письма. Т. 2. М., 1987. С. 285. Далее ссылки на это издание в тексте.
6. Тургенев и круг «Современника». М.- Л., 1930. С. 423-424.
7. Цит. по: Тургенев И.С. Записки охотника // Изд. подг. А.Л. Гришун, В. А. Громов. М., 1991. С. 652.
8. Там же.
9. Ковалев В.А. «Записки охотника» И.С. Тургенева. Л., 1980. С. 129.

ТРАДИЦИИ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» И.С. ТУРГЕНЕВА В ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА (экологический аспект)

Как известно, «Записки охотника» породили целую литературу, имеющую объектом народ и его нужды. Одновременно И.С. Тургенев гениально предугадал и поставил проблему взаимоотношения человека и природы.

Многие писатели пытались подражать И.С. Тургеневу-пейзажисту и философу природы. На наш взгляд, наиболее близко подошел к этой проблеме М.М. Пришвин.

В предыдущей работе¹ мы достаточно подробно останавливались на научных трудах, посвященных «Запискам охотника» и затрагивающих тему «Природа в творчестве И.С. Тургенева». Этот обзор позволил нам прийти к выводу, что экологический аспект знаменитой книги был затронут, пожалуй, лишь в работах известного тургеноведа Ю.В. Лебедева. Что касается материалов, посвященных произведениям М.М. Пришвина, то следует упомянуть некоторые из них: к примеру, книгу А.Д. Тимрота «Пришвин в Московском крае»,² брошюру М. Пахомовой «М.М. Пришвин»,³ пособие А. Ивича «Природа. Дети»,⁴ книгу И.А. Зотова «Человек и природа в творчестве Пришвина». ⁵ Из упомянутых нами авторов только И. Зотов коснулся экологического аспекта: «Идея охраны природы, хозяйского использования ее ресурсов пронизывает все произведения М. Пришвина». ⁶

Можно утверждать, что многие исследователи творчества М. Пришвина не обошли вниманием тему философии природы. Наша задача – выделить в этом сюжете экологический аспект, который в наше время выдвигается на первый план наряду с угрозой терроризма.

В свое время писатель А.М. Ремизов называл предтечами Пришвина в «охотничьей» теме С. Аксакова, В. Короленко и Н. Гарина-Михайловского.⁷ По нашему мнению, следует дополнить этот авторитетный список весомым и значимым именем И.С. Тургенева, к которому не раз обращался М. Пришвин в своих миниатюрах: «Почему», «Природа и дача», «Наш Шекспир»,⁸ «При чтении "Записок охотника"» и т.д.

Академик А.А. Ухтомский как бы в подтверждение нашей мысли

писал: «По форме писательства он [Пришвин – С.С.] несомненно классик из плеяды Тургенева и Аксакова <...>»⁹ Следует дополнить: не только по форме, но и самой тематике художественного творчества и высокой культуре поэтической речи.

Говоря о «Записках охотника», Пришвин называет их «делом его [Тургенева И.С. – С.С.] любви».¹⁰ Для осмысления душевного родства двух художников необходимо затронуть вопрос их отношения к любимому занятию – охоте.

Эта страсть писателей много раз вызывала нарекания не только простых читателей, но и известных людей, в частности, Д.Л. Андреева, который в своей книге «Роза мира» пишет о том, что страсть к убиению «отравляет ядовитой струйкой настоящую любовь к природе в прелестных очерках М.М. Пришвина».¹¹ Подобные претензии предъявлял он и Тургеневу. Отвечая на вопрос, поставленный Д. Андреевым, вспомним, что И. Тургенев объясняет страсть русского человека к охоте не только татарской кочевой кровью и безбрежными просторами России, но и желанием приблизиться к природе. Он сам себя называет немного мечтателем, уходящим в мир природы от светской суеты.

М. Пришвин в свою очередь писал: «Охота мне дорога из-за того, что я работаю ногами и не думаю. Но все, что пропущено в голове, потом является с такой силой, какой не добьешься в правильной жизни!»¹²

Ему, как и Тургеневу, охота давала т в о р ч е с к и й и м п у л ь с. Одновременно в ней он находил свое спасение, даже физическое. Кроме того для обоих художников она была возможностью постижения души О т е ч е с т в а.

«Микрогеография» путешествий Пришвина, по утверждению В.Д. Пришвиной, переходит в «макрогеографию» и может соперничать только с «географией» путешествий автора «Записок охотника».

Что касается собственно этики охоты, и Тургеневу, и Пришвину было свойственно р ы ц а р с к и - б е р е ж н о е о т н о ш е н и е к о т с т р е л у молодняка и маток. «Тетеревята немного больше воробья, матка безумствовала, - пишет Пришвин, обучавший своего пса азам охоты. – Молодой собаке это даже и показывать вредно».

Во времена Тургенева единицы среди охотников отличались подобным отношением к этической стороне процесса охоты. По наблюдениям Пришвина, разумная охота способствует также установлению необходимого равновесия в природе, ибо некоторые виды не могут жить рядом. К примеру, невозможно соседство оленя-цветка и барса.

Таким образом, «охотничьи философии» Пришвина и Тургенева удивительно близки. Оба способны «на охоте возрождаться душой»¹⁴ и постигать душу Родины; оба чувствуют «настоящую свободу, живущую в душе охотника»;¹⁵ у обоих «из охоты (свободы) вытекли все <...> душевные слова»;¹⁶ оба находили в охоте способ удаления от мирской суеты, особенно Пришвин; и у одного, и у другого в описаниях их охотничьих приключений имеет место сложная простота, присущая только великим художникам; оба любили и уважали собак как товарищей и помощников в охоте и даже поэтизировали своих четвероногих друзей.

У Тургенева собаки участвуют в охоте с «благородной важностью»¹⁷ и отличаются «благородным самоотвержением».¹⁸ У Пришвина собака «Жулька <...> поэт и тоже мечтает»,¹⁹ умные собаки, по его мнению, «с раскрытой душой ко всему человеку»²⁰ идут. «<...> мы понимаем друг друга без слов»,²¹ – говорит о своем друге Ярике М. Пришвин. Одна из легенд Спасского-Лутовинова повествует о том, что Тургенев похоронил свою любимую собаку Дианку под посаженным им самим дубом.

Пришвин в свое время привез в Дунино из Михайловского два желудя, из которых выросли дубки. Неподдалеку от них похоронены две последние собаки писателя – герои его рассказов: спаниэль Нора и сеттер Джали.

Поиски гармонии природы и человека у Тургенева и Пришвина побуждают людей к душевному единению с «братьями нашими меньшими». Кажется парадоксальным, что на фоне увлечения распространившимся в ХХ веке вегетарианством Пришвин оправдывал охоту, возмущаясь лицемерами, упрекавшими охотников за убийство живой твари и в то же самое время охотно поглощающими «дичь в жареном виде».²²

Писатель вводит понятие «к у л ь т у р н а я о х о т а» и сетует на то, что «культурных охотников» становится все меньше, процветает браконьерство, насаждающее хищное отношение к природе. С полным правом предтечей такого отношения можно назвать Тургенева. Каждый из двух писателей пытался разрешить этическое противоречие между охотой и защитой природы. Примем охоту как своеобразный «психологический взрыв»²³ по Пришвину и попытку изгнать зверя из души человека – по Тургеневу. Продолжая эту тему, мы хотели бы сказать следующее: мир Пришвина-писателя чрезвычайно сложен. Достаточно вспомнить, что он жил на «разломе» двух столетий: видел революцию, участвовал в I мировой войне, уже пожилым челове-

ком стал свидетелем фашистского нашествия и, как его «волшебный колобок», сумел уйти от сталинских репрессий. «Можно ли себе представить Л. Толстого или Ивана Тургенева, живущих в таком томительном смертном ожидании?»²⁴ – спрашивает исследователь творчества Пришвина. Тем не менее, этот писатель сумел сохранить свое лицо и найти свое место в литературе. Из опубликованных уже в 90-х годах XX века материалов мы узнаём, как болезненно и сложно «добывалась» им, «кулаком от литературы», хотя бы относительная свобода творчества, в то же время он оставался верен выработанным ранее собственным взглядам и убеждениям. Он всегда был «внутренним» оппозиционером официальным властям. В числе его «оппозиционностей» - и взгляд на отношение к природе, по его словам, противоположный «нынешнему (читай: советскому – С.С.) и близок к христианскому, уже церковному».²⁵

Так называемый уход писателя в природу был обусловлен болью за Родину, свойственной настоящему художнику, интеллигенту и христианину. Естественно, существовавший в то время строй и жесткий партийно-цензурный контроль накладывали определенный отпечаток не на взгляды Пришвина (они были как бы в подполье: «Живи в молчании...»²⁶ – писал он в 20-е гг.), а на определенные его высказывания и темы некоторых произведений. Это касается и экологического аспекта. Попробуем в этом разобраться. Вот запись из дневников 30-х годов: «На днях приступят к рубке Власовской дачи (45 га). Лес не доспел, еще бы 25 лет, - и ценность его, вероятно, удвоилась бы, а может быть, и утроилась. В прежнее время за такую рубку лесника отдали бы под суд».²⁷

Это высказывание возвращает нас к теме, связанной с экологическим аспектом в «Записках охотника» Тургенева, конкретно – к рассказу «Бирюк» и его герою, стоящему на страже не столько господского добра, сколько окружающей его природы, которая не всегда может противиться силе и воле человека. Образ Бирюка также близок необыкновенному леснику, «имевшему огромную власть» - герою рассказа из первой книги М. Пришвина – «В краю непуганых птиц».

Справедливости ради надо отметить существенную разницу между ними: пришвинский герой в отличие от неподкупного Бирюка брал мзду. М.М. Пришвин создает своеобразную летопись постепенного уничтожения природы в XX веке – веке всевозможных социальных и природных катаклизмов. «Лес, земля, вода – вся риза земная, - пишет он в революционные 20-е годы, - втоптана в грязь, и только небо, общее всем и недоступное (доступное в настоящее время – С.С.), по-

прежнему сияет над этой гадостью». ²⁸

Однако Пришвин не избежал романтических иллюзий своего века.

«Малые народности, - отмечает писатель, - в условиях царской России всячески препятствовавшие посягательствам на природные богатства их земель, с приходом советской власти сами отдают их <...>, сами становятся участниками великого процесса преобразования природы». ²⁹

Впрочем, эта идея не нова. Она – порождение революционно-демократической мысли XIX века. Подобное «преобразование» напоминает нам базаровское отношение к природе как к мастерской. Прагматическое приложение эта идея нашла в XX веке. Пришвин, как и многие его современники, уповал на определенные изменения в природе на пользу людям, но в середине 50-х годов он пересмотрел свое романтическое представление об этой сфере человеческой деятельности.

«Изучение природы, - пишет он, - стало опираться только на методы научные <...>, а всякое другое отношение <...>, скажем, материнского характера, к природе как матери нашей, перешло в область поэзии». ³⁰

Действительно, писатель отдает себе отчет в том, что природа – не наша собственность, поэтому вмешательство человека в ее течение должно быть предельно осторожным, поскольку он, как существо разумное, «за все отвечает». ³¹

На наш взгляд, наиболее ярко проявляется своеобразие взглядов Пришвина на природу в романе-сказке «Корабельная чаша», который, как нам кажется, генетически связан с «Записками охотника» И.С. Тургенева. Один из главных героев, фронтовик Василий Веселкин, прямо из госпиталя отправился на поиски удивительного леса, в котором, по словам Пришвина, «дерево к дереву стоит; не вырубить». ³²

Цель поисков корабельной чащи – вырубка леса для победы над фашистами, то есть из столетиями охраняемых сосен сделают фанеру, якобы необходимую фронту. Представляется, что за внешне добрым отношением автора к герою скрывается неприятие Пришвиным его безмилостного вмешательства в мир заповедной северной природы. Совершенно кощунственной и безнравственной выглядит попытка Веселкина привлечь к «подсечке на смерть» ³³ десятки мальчиков. И тут появляется знаковая для автора фигура Мануйлы. У него душа «не простая, а поэтическая», ³⁴ как у тургеневского Калиныча, и, как у тургеневского Касьяна, его постоянно «тянет куда-то». ³⁵

Не случайно мы назвали его знаковой фигурой. Впервые этот об-

раз появляется в книге «В краю непуганых птиц» и объединяет целый цикл произведений. Именно в первой книге Пришвина начато все то, что потом развивается с «разнообразными оттенками в остальных произведениях Пришвина». ³⁶

В ней мы находим немало сходства с «Записками охотника» Тургенева. К примеру, брошенные в лесу на гниение деревья напоминают нам сцену гибели их собратьев в рассказе Тургенева «Смерть»: «<...> от них [деревьев] отрезается ровная часть, а верхушка в 2-3 сажени бросается в лесу и гниет». ³⁷

Так же гибли деревья в суровую зиму в рассказе Пришвина. Описание им огромного количества диких уток на северных озерах восходит к соответствующим страницам рассказа Тургенева, правда, на севере в начале XX века птиц не отстреливали – они сами буквально в руки шли.

Но вернемся к образу Мануйлы. Подобно тургеневскому Касьяну, стремящемуся к теплым морям, где «живет птица Гамаюн сладкогласная» и люди живут «в довольстве и справедливости», ³⁸ и Мануйло желает совершить паломничество в святой город Иерусалим, по его словам, просто «сходить в Иерусалим». ³⁹

Здесь ощущается тяга обоих героев к земле обетованной, где царит гармония. Кстати, в дневниках Пришвина есть сказка под названием «Касьян». «<...> благородное и редкое имя, раз в 4 года приходит», ⁴⁰ – пишет Пришвин об имени, которое считалось римским родовым, а у нас на Руси его получали святые, к примеру, преподобный Кассиан Угличский, живший в XVI веке; как не случайно, мы в этом уверены, это имя выбрано Тургеневым.

Возвращаясь к роману, вспомним: его драматическую коллизию Пришвин разрешает следующим образом. Мануйло случайно выдал Веселкину тайну корабельной чащи. Узнав о возможности ее гибели, он вместе с хранителем леса Онисимом пытается воспрепятствовать уничтожению деревьев. Лес спасает только окончание войны. Концовка самого романа вызывает ощущение незавершенности. Автор, словно опасаясь негативного восприятия его бескомпромиссной позиции по отношению к охране природы, обрывает свое повествование о рубке заповедной чащи словами о спасении ее «хорошими нашими простыми людьми». ⁴¹

Впрочем, возможно, этого требовал необычный пришвинский жанр романа-сказки. В скобках заметим: произведения Пришвина зачастую имеют особую жанровую природу – они обретают форму сказки. Наблюдается определенное разрушение жанрового стереотипа. Но это

предмет отдельного разговора. Следует особо отметить, что и поздний Тургенев обращается к жанру «сказки о природе» и об отношении к ней человека (к примеру: «Последний колдун», «Капля жизни», «Степовик» и др.). Если угодно, проявляется закон родства двух писателей и охотников.

Когда мы на миг отойдем от сложного отношения Пришвина к окружающей его действительности, обусловленного тогдашним политическим устройством нашей страны, мы можем утверждать, что Пришвин, как и Тургенев, не просто сочинители замечательных рассказов об охотничьих странствиях. Оба писателя – поэты-психологи, понимающие и требующие разумного и ответственного обращения с природой как источником нашего существования. Человечество, по словам Пришвина, - «паразит природы, побеждает ее, но природа поражает человека смертью».⁴²

К концу жизни писатель, как и его великий предшественник Тургенев, приходит к убеждению о пользе охоты – созерцания. В отличие от Тургенева Пришвин имел другие возможности.

«В настоящее время, - пишет он, - я готовлю книгу об охоте с фотокамерой, которая более, чем ружье, способствует пробуждению исследовательского интереса».⁴³ «Охота к игрушкам»,⁴⁴ то есть к ружью и другим атрибутам собственно охоты «постепенно отпадает».⁴⁵

В 50-е годы прошлого века уже было оружие с оптическим прицелом. Подобного рода охота была чужда Пришвину и вызывала его негодование (см. очерк «О жестокости». «Кладовая солнца». С. 120). Воспоминания писателя о вырубленном злыми людьми лесе и сидящих по привычке на любимой поляне, на голых пнях, бездомных, тем не менее поющих глухарях преследовали Пришвина до смерти, как и образ убитого им в детстве галчонка. Пафосом милосердия можно связать эти истории с рассказом Тургенева «Перепелка»: «Я приподнял голову – и вижу: сквозь спутанные травяные былинки идет она [тетёрка – С.С.] к нам, спешит, спешит, а у самой вся грудь в крови! Знать не вытерпело материнское сердце! И тут я самому себе показался таким злодеем!..»⁴⁶

Опустошенный лес, по мнению Пришвина, напоминает нам «сборище холостых стариков, как в домах инвалидов».⁴⁷ Ему, как и его Мануйле, уже не надо «ни ружья, ни подсадной утки <...>, он мог бы оставаться с одной «правдой» охоты в душе <...>»⁴⁸ «Дикая охота», по определению Пришвина, свойственна молодым, что подтверждает отрывок из охотничьего дневника писателя: «Помню, когда я в юности был просто диким охотником и не признавал никаких правил, у

меня был своеобразный нравственный кодекс против правил, выработанных для охраны дичи. Меня возмущало, что правила выработываются для охраны животных, предназначенных для убийства.

Впоследствии выработалась у меня через охоту специальная способность воспринимать природу и описывать свои впечатления...

Однако теперь, когда я увидел в зоопарке, что волки, встречая людей, виляют хвостами, сердце мое сжалось, и я вернулся *к передумке об охоте* (выделено – М. П.) со стороны сердца». ⁴⁹

Нам кажется, что прежде подобный путь прошел И.С. Тургенев – писатель и охотник, автор «Воробья», «Собаки» и «Морского плавания».

И.С. Тургенев – человек своего времени с его верой в прогресс и переустройство, мечтал, как свидетельствуют дневники Я.П. Полонского, о том, чтобы природа стала не мачехой, а матерью-кормилицей для человека. Он верил в науку, ее возможности, хотя ясно видел действие удручавших его законов взаимного пожирания.

Что касается Пришвина, он стал свидетелем осуществления мечты XIX века: торжествующий на земле прогресс и, естественно, его последствия. Из почитателя прогресса к концу жизни Пришвин становится, по словам К. Паустовского, «хранителем русской природы». ⁵⁰

Как молитва звучат его слова из ранее не публиковавшейся повести «Мирская чаша»:

«В день грядущий, просветли, Господи, наше прошлое и сохрани в новом все, что было прежде хорошего, леса наши заповедные, истоки могучих рек, птиц сохрани, рыб умножь во много, верни всех зверей в леса и освободи от них душу нашу». ⁵¹

Примечания

1. Симеонова С.Д. «Природа нам дает таинственный урок <...>» // Славянский сборник. Вып. 1. Орел, 2002.
2. Тимрот А.Д. Пришвин в московском крае. М.: Московский рабочий, 1973.
3. Пахомова М. М.М. Пришвин. Л.: Просвещение, 1970.
4. Ивич А. Природа. Дети. М.: Детская литература, 1975.
5. Зотов И.А. Человек и природа в творчестве Пришвина. М.: Просвещение, 1982.
6. Зотов И.А. Человек и природа в творчестве Пришвина. С. 51.
7. Афанасьев Э. Похвала миру // Пришвин М.М. Мирская чаша. Роман-газета для юношества. № 2. М., 1990. С. 7.
8. Пришвин М.М. Кладовая солнца. Лениздат, 1978. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием названия и страницы.
9. Пришвина В.Д. Наш дом. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 208. В дальней-

- шем ссылки на это издание даются с указанием названия и страницы.
10. Кладовая солнца. С. 153.
  11. Андреев Д.Л. Роза мира. М.: Русико, 1991. С. 104.
  12. Наш дом. С. 8.
  13. Газета «Литературная Россия». № 5. М., 1973.
  14. Кладовая солнца. С. 104.
  15. Там же. С. 122.
  16. Там же. С. 122.
  17. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 томах. Изд. 2-е. Т. 3. Соч. М.: Наука, 1997. С. 50.
  18. Тургенев И.С. Указ. соч. Т. 3. С. 75.
  19. Кладовая солнца. С. 288.
  20. Там же. С. 179.
  21. Пришвин М.М. Золотой луг. М.: Детгиз, 1960. С. 30. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием названия и страницы.
  22. Кладовая солнца. С. 160.
  23. Пришвин М.М. Дневники. 1920. 1921. 1922. М.: Московский рабочий, 1995. С. 180.
  24. Мирская чаша. С. 14.
  25. Там же. С. 151.
  26. Пришвин М.М. Дневники 1920. 1921. 1922. М.: Московский рабочий, 1995. С. 211.
  27. Мирская чаша. С. 149.
  28. Там же. С. 21.
  29. Пахомова М. Пришвин М.М. Л.: Просвещение, 1970. С. 52.
  30. Кладовая солнца. С. 262.
  31. Там же. С. 378.
  32. Там же. С. 413.
  33. Там же. С. 555.
  34. Пришвин М.М. Повести. Поэмы. Охотничьи рассказы. Челябинск: Южно-уральское изд-во, 1980. С. 118. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием названия и страницы.
  35. Там же. С. 118.
  36. Пришвина В.Д. // Русская литература. № 1. М., 1973. С. 33.
  37. Повести. Поэмы. Охотничьи рассказы. С. 71.
  38. Тургенев И.С. Указ. соч. Т. 3. С. 119.
  39. Повести. Поэмы. Охотничьи рассказы. С. 74.
  40. Пришвин М.М. Дневники. 1918. 1919. М.: Московский рабочий, 1994. С. 26.
  41. Кладовая солнца. С. 558.
  42. Пришвин М.М. Дневники. 1920. 1921. 1922. М.: Московский рабочий, 1995. С.200.
  43. Мирская чаша. С. 165.
  44. Кладовая солнца. С. 115.
  45. Там же. С. 115.

46. Тургенев И.С. Указ. соч. Т. 10. С. 122.
47. Кладовая солнца. С. 459.
48. Пришвин М.М. Из охотничьих дневников // Литературная Россия. № 5. М., 1973. С. 8.
49. Пришвин М.М. Газетные вырезки. Папка № 1. Б.н. Январь. 1954. Научная библиотека ОГЛМТ.
50. Мирская чаша. С. 22.

**КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ,
посвященной 150-летию со дня выхода в свет отдельного
издания «Записок охотника»**

*«Красносмотрительень же и
радостень высокова сокола летъ»*

Раздел I: У истоков охотничьих странствий И.С. Тургенева

1. Тургенев И.С. «Записки охотника». – Т. 1, М., 1852.
2. Buffon. «Histoire naturelle des oiseaux». Paris, 1853. (Бюффон. «Естественная история птиц». Из мемориальной библиотеки И.С. Тургенева).
3. Viardot L. «Souvenirs de chasse». Paris, 1853. (Виардо Л. «Воспоминания об охоте». Из мемориальной библиотеки И.С. Тургенева).
4. Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российских касających; изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете; издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное.
Ч.З. М.: Тип. Комп., 1788.
5. А.П. Боголюбов. «50 штук! Недурно!» Фотокопия с акварели.
6. А.П. Боголюбов. «Охота». Карикатура на И.С. Тургенева. Фотокопия с акварели.

Раздел II: По тургеневским местам

1. Генеральная карта Орловской губернии 1822 года. Ксерокопия.
2. В. Мешков. Ясная Поляна. Лес, где охотились Л.Н. Толстой с И.С. Тургеневым. Х., м. 1938 г.
3. Сцена псовой охоты на лису. Литография по рис. Кившенко. 1900-е годы.

4. Спасское-Лутовиново. Окрестности усадьбы. Фотография В.П. Лаврушина. 1998 г.
5. Спасское-Лутовиново. Уголок усадебного пруда. Фотография В.П. Лаврушина. 1998 г.
6. Деревня Голоплёки в окрестностях Спасского. Фотография Уткина. 1974 г.
7. Красивая Меча. Фотография Уткина. 1974 г.
8. Река Рессета. Фотография Величко. 1955 г.
9. Полесье. Фотография В. Молчанова. 1952 г.
10. Деревня Хоревка. Фотография Величко. 1955 г.
11. Деревня Хорёвка. Фотография Величко. 1955 г.
12. Село Никольское-Вяземское. Фотография. (Дар Н.П. Пузина. Ясная Поляна).
13. А. Шепелюк. Тургенев на охоте. Х., м.
14. А. Курнаков. Лес осенью. 1955 г. Х., м.
15. Б. Щербаков. Спасские ясени. 1963 г. Х., м.
16. А. Курнаков. Зима. 1957 г. Х., м.
17. Б. Щербаков. Бежин луг. Струмилов верх. Х., м.
18. Б. Щербаков. Бежин луг. Солнце садится. 1963 г. Х., м.
19. Б. Щербаков. В конце сентября. 1960-е годы. Х., м.

Раздел III: Спутники Тургенева на охоте

1. А. Ратников. И.С. Тургенев и Н.А. Некрасов на охоте. Акварель. 1952 г.
2. На охоте. Литография по картине П. Соколова. Конец XIX в.
3. Б. Щербаков. Старая мельница в окрестностях Спасского. 1963 г. Картон, гуашь. (Дар Л.Н. Назаровой. СПб).
4. Т. Радимов. Пруд в Спасском-Лутовинове. 1958 г. Х., м.
5. Г. Дышленко. Спасское-Лутовиново. Кобылий верх зимой. 1958 г. Х., м.
6. А.А. Фет. С фотографии конца 1850-х гг.
7. Н.В. Киреевский, орловский помещик, владелец села Шаблыкино. С фотографии 1850-х гг. (?).
8. И.П. Борисов. С фотографии 2-й половины XIX века.
9. Л.Н. Толстой. С фотографии 1850-х гг.
10. Т.А. Берс. С фотографии 1860-х гг.
11. Н.Н. Толстой. С фотографии 1850-х гг.

Раздел IV: Герои «Записок охотника» в иллюстрациях русских художников

1. А. Пахомов. И.С. Тургенев на охоте. Рисунок 1957 года.
2. Н. Богатов. Бежин луг. 1900-е гг. Акварель.
3. Н. Богатов. Льгов. 1900-е гг. Акварель.
4. Я. Турлыгин. Касьян с Красивой Мечи. 1900-е гг. Акварель.
5. Н. Богатов. Льгов. 1900-е гг. Акварель.
6. Я. Турлыгин. Касьян с Красивой Мечи. 1900-е гг. Акварель.
7. Т. Правосудович. Свидание. Ок. 1940 года. Тушь, перо.
8. Т. Правосудович. Малиновая вода. Ок. 1940 года. Тушь, перо.
9. Т. Правосудович. Ок. 1940 года. Тушь, перо.

Раздел V: Разное

1. Д. Ким. «Семья Хорьков» (скульптурная композиция) к рассказу И.С. Тургенева «Хорь и Калиныч». Керамика.
2. Л. Курнаков. «Хорь и Калиныч». 1968 г. Гипс.
3. В. Тихонов. «Влас» («Малиновая вода»). Резьба по кости.
4. В. Тихонов. «Хорь и Калиныч». Резьба по кости.
5. В. Тихонов. «Бирюк и крестьянин». Резьба по кости.
6. Холстинное полотенце с вышивкой. (Из коллекции Л.В. Ивановой).
7. Рог для пороха. (Из коллекции Л.В. Ивановой).
8. Курительная трубка. (Из коллекции Л.В. Ивановой).
9. Прибор для умывания (кувшин, таз, пудреница, тарелка). Согласно легенде находился в имении Н.В. Киреевского – владельца с. Шаблыкино Орловской губернии. Фаянс. Середина XIX в.
10. Пастух (статуэтка). Раскрашенный гипс. Первая половина XX в.
11. Сцены охоты. Из семейного альбома Скарятиных. (Фотографии конца XIX века из коллекции Орловского областного краеведческого музея).
12. Ваза напольная. Начало XX века. Керамика.
13. Самовар. Конец XIX века.

Раздел VI: «Птицы – моя страсть...»

Сокол, перепелка, бекас, куропатка, тетерев, глухарь, фазан, вальдшнеп, гаршнеп, дикие утки.

Материалы таксономической коллекции Е.М. Ноздрина и Орловского областного краеведческого музея.

Раздел VII: Тема охоты в произведениях русских писателей

1. Аксаков С.Т. «Записки ружейного охотника». Барнаул: Алтайское книжное изд., 1985.
2. Лесков Н.С. Полн. собр. соч. Т. 7. – СПб, 1897.
3. Лесков Н.С. Зверь. – М.-Л., 1930.
4. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 3. – М., 1868.
5. Некрасов Н.А. Избранные произведения. Т. 1. – М., 1966.

Составитель – Е.Г. Мельник.

II

Вокруг Пуриневской энциклопедии

*А.Я. Шварц с племянницей. Портрет работы
неизвестного художника. 1870-е годы.*

И.С. ТУРГЕНЕВ И СЕМЬЯ Ф.И. ТЮТЧЕВА (к 200-летию со дня рождения поэта)

Если отношения Тургенева с поэтом Ф.И. Тютчевым неоднократно являлись предметом обсуждения исследователей, то связи писателя с членами семьи великого поэта, кажется, до сих пор оставались вне поля зрения ученых. Между тем женская половина семейства Ф.И. Тютчева на протяжении многих лет вызывала его пристальный интерес. Изучение этой темы позволяет увидеть сколь разнообразными и важными для Тургенева были эти связи. Рассказ о взаимоотношениях Тургенева с дамами Тютчевыми следует начать с имени первой жены поэта.

Тютчева (рожд. графиня Ботмер, в первом браке Петерсон) Элеонора Федоровна (1799-1838). По словам знавших ее, «бесконечно очаровательная», «полная ума и обаяния» женщина.

Тургенев познакомился с Элеонорой Тютчевой в мае 1838 года, когда они одновременно оказались на пароходе «Николай I», делавшем рейсы между Петербургом и Любеком и сгоревшем близ Травемюнде.

О драматических подробностях этого знакомства Тургенев вспомнил незадолго до смерти в очерке «Пожар на море» (1883): «В числе дам, спасшихся от крушения, была одна г-жа Т..., очень хорошенькая и милая, но связанная своими четырьмя дочками и их нянюшками; поэтому она и оставалась покинутой на берегу, босая, с едва прикрытыми плечами. Я почел нужным разыграть любезного кавалера, что стоило мне моего скрутка, который я до тех пор сохранил, галстука и даже сапог; кроме того, крестьянин с тележкой, запряженной парой лошадей, за которым я сбегал на верх утесов и которого послал вперед, не нашел нужным дожждаться меня и уехал в Любек со всеми моими спутницами <...>».¹

В дальнейшем Тургенев и Элеонора Тютчева виделись в Любеке, Гамбурге и, вероятно, в Мюнхене, где Тютчева, заболев после пережитого потрясения чем-то вроде нервной горячки, провела несколько недель, и куда к ней приехал муж. Не тогда ли произошла первая встреча Тургенева с Ф.И. Тютчевым?

Познакомившись с Тютчевой короче, молодой Тургенев, как и многие другие, был очарован ее умом и женственной прелестью; болезнь Элеоноры огорчила его, вероятно, он слышал светские сплетни о романе Ф.И. Тютчева с Эрнестиной Дернберг; в сущности, первая жена поэта чувствовала себя оставленной.

Варвара Петровна Тургенева, догадавшаяся из писем сына о его чувствах к Элеоноре Тютчевой, 30 июля 1838 года писала ему: «Ты не совсем

был равнодушен к Madame Tutcheff». Развивая эту тему, В.П. Тургенева в письме от 16/28 декабря 1838 продолжала: «<...> давай-ка говорить <...> о твоих любвишках, о т. Т...f... Вот новости... Я прежде прочла в твоём сердце, чем ты сам, и сама начала к тебе писать ... <...>. Итак, ты любишь». Мать, со свойственным ей чутьем, поняла, насколько серьезно для сына было это чувство. Получив от Тургенева сообщение о смерти Тютчевой, Варвара Петровна 28 мая 1839 года отвечала ему: «Мне жалко Тютчевой! Она должна была быть умна, дура бы тебе не понравилась. <...> Да что ты за несчастный такой, все мрут, кого ты любишь. <...> В твоём письме какая-то грусть. Или смерть Тютчевой причина или предчувствие ...» В самом деле, Тургенев уже тогда догадывался, что любовь часто соседствует со смертью, ведь та, которую он называл своей первой любовью, Екатерина Шаховская, умерла после поступления будущего писателя в университет.

Встречу с Элеонорой Тютчевой Тургенев отнес к важным событиям своей жизни. В «Мемориале» (1852) под 1838 годом появляется запись: «Пожар “Николая”. Элеонора Тютчева» (11, 198).

В октябре 1871 года вторая дочь Э. Тютчевой Дарья Федоровна разыскала могилу матери в Турине и написала об этом младшей сестре Екатерине: «Убогая, разоренная могила, где не осталось ничего – ни креста, ни памятника, только немного травы и мраморная доска со словами: “Здесь покоится Элеонора Тютчева, рожд. Ботмер, скончавшаяся в сентябре 1838 года” и ниже слова: “Она не придет более ко мне, но я иду к ней”».²

Тургенев знал и вторую жену поэта Эрнестину Федоровну Тютчеву, рожденную баронессу Пфедфель, в первом браке Дернберг (1810-1894).

За несколько лет до встречи с Тургеньевым 8-10 (20-21) ноября 1849 года Эрнестина Федоровна писала П.А. Вяземскому: «На днях был литературный вечер у кн. Одоевского. Читали драму под названием «Нахлебник». Автор – молодой человек, имени его я совершенно не помню, если вообще когда-нибудь его слышала: кажется – это племянник Тургенева (имеется в виду Александр Иванович Тургенев, который был ею увлечен в 1834 году – С.Ж.). <...> Мой муж находит это произведение поразительно правдивым и чрезвычайно трагичным».³ Осенью 1852 года, находясь в Овстуге, она прочла только что вышедшие в свет и присланные ей мужем «Записки охотника». «Кстати о Тургеньеве, я так и думал, что ты сумеешь оценить его книгу», - писал ей Ф.И. Тютчев 10/22 декабря 1852 года. В тот же день Эрнестина Федоровна сообщала В.Ф. Вяземской: «Мы <...> ждем визита г-на Тургенева, автора недавно напечатанных «Записок охотника». <...> Пока мы знаем его только по рассказам княжны Софи Мещерской <...>, но если судить о нем по тому немногому, что я прочита-

ла из написанного им, он кажется мне человеком добрым, очень талантливым и умным».⁴

Визит Тургенева в Овстуг, связанный отчасти с намерением С.И. Мещерской устроить его брак с одной из дочерей Ф.И. Тютчева, не состоялся, и знакомство его с Э.Ф. Тютчевой произошло несколько позднее.

На злополучном пароходе «Николай I» Тургенев увидел маленьких дочерей Тютчева от первого брака. Через много лет он увидит их уже взрослыми барышнями. Старшая из них, Анна Федоровна Тютчева (1829-1889), родилась в Мюнхене.

В своих мемуарах «При дворе двух императоров» она рассказывала: «Я получила воспитание <...> отчасти в Мюнхенском институте, где провела три года <...>. Ко времени моего приезда в Россию, благодаря полученному мною воспитанию и природным наклонностям, религиозный интерес был во мне преобладающим».⁵

А.Ф. Тютчева тринадцать лет служила при дворе: в 1853 году стала фрейлиной цесаревны, затем императрицы Марии Александровны, в 1858 году была назначена гувернанткой к ее единственной дочери, великой княжне Марии, затем к младшим сыновьям - Сергею и Павлу. В 1866 году А.Ф. Тютчева вышла замуж за известного славянофила И.С. Аксакова.

В 1853-1854 годах Тургенев и Анна Федоровна встречались в салоне княжны С.И. Мещерской, которая считала Тютчеву хорошей невестой для Тургенева и настойчиво сватала их. В конце 1853 года Анна Федоровна писала сестре Екатерине, что княжна «с каждым днем все более убеждается в том, что мой колючий характер должен как нельзя лучше сочетаться с благодушием Тургенева и что это предназначено самой судьбой. И она чрезвычайно удивлена тем, что сия замысловатая комбинация отнюдь не привлекает ни одну из сторон <...>. Но если г. Тургенева не трогают чары дочерей, то в их отца он положительно влюблен. Папа и он – лучшие друзья; встретившись, они проводят целые вечера один на один. Они так хорошо соответствуют друг другу – оба остроумны, добродушны, вялы и неряшливы...» И в другом письме: «Княжна Софи не теряет надежды убедить Тургенева жениться на мне. Она передает нам обоим самые приятные вещи, будто бы сказанные нами друг о друге, - вещи, которые мы никогда не говорили, и теперь при встрече мы молчим, испытывая взаимное недоверие и неприязнь».⁶ Неприязненным отношением можно объяснить следующий предвзятый отзыв Анны Федоровны о Тургеневе-собеседнике: «Его разговор, блестящий и остроумный, недостаточно содержателен. Это набросок, отлично схватывающий контуры вещей, но не передающий ни красок, ни форм».⁷ Е.М. Феокистов приводит

также слова Анны Федоровны будто бы сказанные ею в глаза Тургеневу: «Vous n'avez pas d'épine dorsale au moral» («Вы беспозвоночны в моральном отношении» - франц.).⁸ Невольно приходит на ум, что здесь говорит не только идейное неприятие Тургенева, но и уязвленное женское самолюбие. Тургенева же отвращал не один колючий характер Анны Федоровны, он также не мог скрыть своего неприятия славянофильских воззрений дочери Тютчева. Так, в письме к А.И. Герцену от 10/22 мая 1867 года он писал: «Мне кажется, что если бы ты понюхал то постное масло, которым они все [славянофилы – С.Ж.] отдают, особенно с тех пор, как Иван Сергеевич [Аксаков – С.Ж.] женился на первой Всероссийской лампадке, - ты бы несколько поприважил свое умиление».

Однако справедливости ради надо сказать, что Тургенева-писателя Анна Федоровна признавала. О том, что она ценила «Записки охотника» Тургенева, свидетельствует конволют двухтомного издания 1852 года в мемориальной библиотеке музея-усадьбы Мураново с инициалами «А.Т.» («Анна Тютчева»), что позволяет предположить, что при отъезде из Овстуга в январе 1853 года Анна Федоровна взяла с собой присланные туда отцом «Записки охотника», и книга осталась у нее.⁹ 14/26 января 1854 года Анна Федоровна писала сестре Екатерине: «Советую тебе прочесть в январском номере “Современника” его рассказ “Два приятеля”. По моему совету великая княгиня прочла его вместе с императрицей и другими членами семьи. Они были очарованы и поручили мне передать автору самые лестные отзывы. Таковы превратности судьбы – сначала его ссылают, а затем он входит в моду».¹⁰ Впрочем, Тургенев, кажется, не очень верил в благожелательность своей несостоявшейся невесты. Об этом свидетельствует письмо его к М.А. Милютиной от 6/18 декабря 1871 года, в котором, рекомендуя свою повесть «Вешние воды», он писал: «Не полагаю, чтобы она вам понравилась. Вы, московские дамы, немножко строги... О княгине Черкасской и А.Ф. Аксаковой я уже не говорю – и только заранее пожимаюсь при мысли об этих неумолимых громовержицах!»

Несостоявшейся невестой Тургенева была и вторая дочь Тютчевых – Дарья Федоровна Тютчева (1834-1903). В 1843-1845 годах она воспитывалась в Мюнхенском королевском институте, в 1845-1851 годах - в Смольном институте, затем жила в семье отца. В 1852 году Д.Ф. Тютчева живо реагирует на преследования, которым подвергался Тургенев за статью на смерть Гоголя. Разумеется, она уже слышала о Тургеневе от отца, который намеревался посетить писателя на съездах, и от С.И. Мещерской, которая непосредственно участвовала в попытках освободить Тургенева и состояла с ним в активной переписке. В апреле 1852 года она писала ему: «Маленькие Тютчевы» часто посещают меня – и говорят мне

множество трогательных и смешных вещей о том, что они переживают по поводу вас.¹¹ В следующем письме она рассказала Тургеневу о выходке Дарьи Федоровны и ее младшей сестры Екатерины, направленной против самого царя: «... обе республиканки подняли бунт из-за вас, портрет И<мператора>, <...> который, как они говорят, был предметом обожения, скovyрнулся (à dégringolé) с почетного места в шкаф для нижних юбок и там был помещен в самом низу, лицом к задней стенке шкафа, - и выйдет оттуда только после благополучного конца вашей драмы».¹² В одно из писем С.И. Мещерской к Тургеневу был вложен лист бумаги с приклеенными к нему цветами – альпийскими подснежниками, на листе четыре подписи, среди них - Дарья и Екатерины Тютчевых.¹³

В конце 1853 – начале 1854 годов Дарья Федоровна виделась с Тургеневым в салоне С.И. Мещерской, которая считала ее, как и А.Ф. Тютчеву, подходящей невестой для Тургенева. 25 декабря 1853 года (5 января 1854 года) мачеха Дарьи Федоровны – Е.Ф. Тютчева спрашивала у нее: «Итак, которой же из вас Тургенев нравится больше? И которая из вас больше нравится ему?»¹⁴ Тогда же А.Ф. Тютчева сообщала Е.Ф. Тютчевой о том, что Тургенев «по-прежнему не проявляет ни малейшего желания вступить в брак ни с одной из сестер Тютчевых, вопреки всем стараниям милой княжны...»¹⁵

В 1858 году Д.Ф. Тютчева стала фрейлиной императрицы Марии Александровны и поселилась во дворце. С этого времени пути ее и Тургенева решительно расходятся, но все же Дарья Федоровна, безусловно, читала все, что выходило из-под пера Тургенева, в том числе и роман «Дым», а Тургенев время от времени осведомлялся о ней. Так, в письме от 19, 21 ноября (1, 3 декабря) 1868 года из Карлсруэ он спрашивал у М.А. Милутиной: «Какая девица Тютчева живет в Веве? Не Дарья ли Федоровна?»

Дарья Федоровна так и не вышла замуж, говорили, что она была влюблена в Императора Александра II. После смерти императрицы и вступления Александра II в морганатический брак с княжной Е.М. Долгорукой она покинула дворец и вернулась туда только после смерти императора. Там-то и видел ее в последний раз в 1881 году Тургенев, о чем рассказывала фрейлина А.А. Толстая: «Дарья Федоровна Тютчева, которая была третьим лицом нашей беседы, задирала Тургенева разными вопросами совершенно отвлеченного свойства. Дело дошло до бессмертия души. Тургенев объявил категорически, что бессмертию он не верит. “Вы только что сказали, что у вас было много друзей, - сказала Тютчева, - что же, по-вашему, стало с теми, которых больше нет?” – “Они живут в моей памяти, и этого мне довольно”, - был его ответ».¹⁶ Как видим, религиозно-экзальтированные натуры безусловно отталкивали Тургенева.

Пожалуй, наиболее одаренной из дочерей Ф.И. Тютчева была Екатерина Федоровна Тютчева (1835-1882), его младшая дочь от первого брака. После выхода из Смольного института, в котором обучалась с 1845 по 1851 год, она провела некоторое время в семье отца. Как мы помним, тогда и она принимала горячее участие в судьбе Тургенева в 1852 году. С 1853 года Екатерина Федоровна жила в Москве у своей тетки Д.И. Сушковой, жены литератора Н.В. Сушкова. В салоне Сушковых с ней, вероятно, и встречался Тургенев во время своих приездов в Москву.

П.И. Бартенев писал о Екатерине Федоровне: «Основательное, многостороннее образование, при полном отсутствии педантизма, живая прелесть ума, крепкого и цельного, но в то же время изящно-женского, сообщали необыкновенную привлекательность ее беседе. Лучшие произведения всех веков и образованных народов были ей знакомы, и предметы политики, словесности, истории, богословия занимали ее постоянно».¹⁷ Одно время Екатериной Федоровной был увлечен Лев Николаевич Толстой.

Екатерина Федоровна Тютчева интересовалась вопросами народного образования. Она издала несколько книжек для детей с переложением истории Ветхого и Нового завета, а в 1873 году, купив во Владимирской губернии имение Варварино, начала там постройку школы и амбулатории, вполне в духе Тургенева (были завершены после ее смерти).

В письмах Е.Ф. Тютчевой к родным имеются суждения о сочинениях многих русских писателей, в том числе и о Тургеневе.¹⁸ Письма эти, хранящиеся в Мураново, еще ждут своей публикации. Поэтому привести ее конкретные суждения о сочинениях Тургенева мы пока не можем.

Тургенев был любимым писателем Марии Федоровны Тютчевой, в замужестве Бирилевой (1840-1872), дочери поэта от второго брака. Можно даже сказать, что его творчество оказало существенное влияние на формирование молодой девушки. И вообще, нам кажется, что именно М.Ф. Тютчева, в какой-то степени, являет собой тип тургеневской девушки.

А.Д. Блудова дала Марии Федоровне следующую характеристику: «Она милое творение, умна, добра, и честно правдива, как мало молодых девушек».¹⁹ В 1870 году Мария Федоровна стала сестрой милосердия в Георгиевской общине. Подолгу жила с матерью в имении отца в селе Овстуг Орловской губернии и в 1871 году открыла там школу.

Мария Федоровна была знакома с Тургеневым, бывавшим в доме ее родителей, о чем свидетельствуют записи в ее дневнике: «Петербург. 29 марта/10 апреля 1860. Вечером <...> пришел Тургенев», «28 янв./9 февр. 1864. Тургенев был и просидел довольно долго».²⁰ В дневнике Марии

Федоровны есть также многочисленные записи о чтении произведений Тургенева: «Начали читать вслух новую повесть Тургенева “Накануне”»; «Читали Тургенева “Два приятеля” и “О соловьях”»; «Читала “Затишье” Тургенева». Осенью 1863 года Мария Федоровна с матерью проводит в Овстуге почти целый месяц за чтением Тургенева. Были прочитаны «Первая любовь», «Рудин», «Андрей Колосов», «Затишье», «Дворянское гнездо», «Фауст», «Дневник лишнего человека», «Два приятеля», «Записки охотника». Много читалось вслух, а «Дворянское гнездо» и «Затишье» прочитывались дважды.²¹ 15 августа 1865 года в день именин Марии Федоровны отец подарил ей только что вышедшее новое собрание сочинений Тургенева в 5 томах. Это издание хранится в мемориальной библиотеке музея-усадьбы Мураново, на корешках переплетов инициалы: «М.Б.» <Мария Бирилева>.²²

***

В заключение следует отметить, что семья Ф.И. Тютчева, безусловно, находилась под влиянием личности и взглядов ее главы. Это сказалось и на отношении членов семейства к младшему современнику поэта – И.С. Тургеневу.

Взаимная симпатия, высокая степень взаимопонимания, задушевность общения, которые характеризуют отношения Тургенева и Тютчева, можно объяснить следующими обстоятельствами – это были люди одного аристократического круга, получившие блестящее образование, сформировавшиеся интеллектуально и духовно в кругу европейских идей, страстно любившие отечество и поэзию. Что не исключало, однако, острой полемики, особенно в последний период их общения. Славянофильские воззрения Тютчева сказывались так или иначе на формировании нравственных идеалов его дочерей, что отразилось и на отношении последних к «западнику» Тургеневу. Если младшая дочь Ф.И. Тютчева, Мария, сохранила восхищение Тургеневым и его творчеством на всю жизнь, то старшие дочери, Анна и Дарья, пришли к скрытой, а порой явной критике его личности и его идей.

Тургенев никогда не забывал поддержку семейства Тютчева в трудную для него пору ареста и ссылки, но он не смог ответить на желание окружающих устроить судьбу сестер Тютчевых, не мог он скрыть и свое отвращение к атмосфере двора, где по долгу службы пребывали старшие сестры Тютчевы, как не мог скрыть своего отрицательного отношения к официальному славянофильству, которое они исповедовали.

Примечания

1. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Изд. 2-е. Соч. Т. 11. М.: Наука, 1983. С. 304. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы арабскими цифрами; письма сопровождаются пометой «П».
2. Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 417.
3. Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 238.
4. Там же. С. 252.
5. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. Тула, 1990. С. 12-15.
6. Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 259.
7. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. Тула. 1990. С. 76.
8. Феокистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы 1848-1896. Л.: «Прибой», 1929. С. 2.
9. Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 639.
10. Там же. С. 259.
11. Тургеневский сборник. Т.2. М.-Л.: Наука, 1966. С. 235.
12. Там же. С. 238.
13. Там же. С. 245.
14. Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 259.
15. Там же. С. 259.
16. Толстая А.А. Личные воспоминания и впечатления. Вестник Европы. 1905. №.4. С. 631.
17. Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 457.
18. Там же. С. 457.
19. Там же. С. 252.
20. Там же. С. 366.
21. Там же. С. 317, 344.
22. Там же. С. 639-640.

И.Г.Кузнецова
г. Луга

Ф.И. ТЮТЧЕВ О РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДЫМ» (О стихотворении «Пожары» - «Широко, необозримо...»)

Как известно, роман И.С. Тургенева «Дым», опубликованный в журнале «Русский вестник» в мае 1867 года стал предметом оживленной полемики, причем преобладало мнение о том, что новый роман крайне неудачен.

Одним из тех, кто придерживался такой точки зрения, был Ф.И. Тютчев. Свое видение романа он отразил прежде всего в известном стихотво-

рении «Здесь некогда могучий и прекрасный...», опубликованном в марте 1867 года в «Отечественных записках» под заглавием «Дым» (в автографе из архива Н.Н. Стрехова стоит иное заглавие - «Современное. Написано в связи с появлением в № 3 “Русского вестника” романа И.С.Тургенева “Дым” 23 апреля 1867 года»). Важно то обстоятельство, что помещено оно было в отделе критики, вслед за статьей Стрехова «Новая повесть г. Тургенева», также посвященной «Дыму»; поэтому стихотворение воспринималось исключительно как критический отзыв на тургеневский роман. Однако замысел стихотворения представляется значительно более широким, поскольку содержит своеобразное осмысление творчества Тургенева, каким его знали до появления «Дыма». Тютчев сравнивал его с «волшебным лесом», «миром разнообразным, исполненным видений и чудес», в котором встречались вполне «знакомые лица», благодаря дару писателя, «обвеянные каким-то чудным светом». В новом романе современники надеялись увидеть прежний «таинственный лес», однако их ждало горькое разочарование:

Но где же он? Кто опустил завесу
Спустил ее от неба до земли?¹

Несмотря на неудовлетворенность романом, Тютчев уловил то, что не было замечено многими критиками «Дыма», воспринимавшими его как роман социально-политический. Тургенев, говоря о новом произведении в письме к графине Е.Е. Ламберт от 22 августа (3 сентября) 1864 года, пояснял: «роман не будет иметь значения специально русского».² Убедительной представляется трактовка «Дыма», согласно которой роман был задуман и осуществлен не только и не столько как полемическое произведение, но, прежде всего, как своеобразный итог нравственно-философских исканий и размышлений писателя о судьбах России и Европы и о своей собственной судьбе. Поэтому «Дым» так тесно связан с «Призраками» и «Довольно», произведениями, в которых Тургенев выступил в роли своеобразного мыслителя.³

Указанием на то, что Тютчев заметил философскую сторону романа, служат следующие строки стихотворения: «Здесь некогда могучий и прекрасный...». Увидев в новом романе «безотрадный, бесконечный дым», поэт задался вопросом:

Что это? П р и з р а к , ч а р ы ли какие?⁴ (разрядка моя - И. К.)

Выражая надежду на скорое возрождение «волшебного и родного леса», он писал:

Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой»⁵ (разрядка моя - И. К.),

связав в единый образ названия «Призраков» и «Дыма» - произведений, отличающихся пессимистическим настроением. Косвенное подтверждение этому содержится в письме В.П. Боткина Тургеневу от 23 апреля (5 мая) 1867 года, в котором он упоминал, что Тютчев жаловался прежде всего на «нравственное настроение», пронизывающее роман.⁶

Душевное состояние, сходное с тем, что Тютчев почувствовал в «Призраках» и «Дыме», и которое он обозначил мотивом «безотрадного, бесконечного дыма», и сам этот мотив присутствуют и в его стихотворении «Пожары», датированном 1868 годом:

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготеет над землей.

Мертвый стелется кустарник,
Травы глятся, не горят,
И сквозит на крае неба
Обожженных елей ряд

На пожарище печальном
Нет ни искры, дым один:
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?

Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!

Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотой,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.

Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло -
Беспомощное дитя.⁷

«Пожары» были опубликованы в газете «Русский» 19 июля 1868 года и, на первый взгляд, напрямую с романом Тургенева это стихотворение не связано. Согласно комментарию к Полному собранию стихотворений Ф.И. Тютчева, оно было «навееяно зрелищем лесных пожаров под Петербургом летом 1868 г.». Тем не менее, есть все основания думать, что в «Пожарах» в какой-то мере отражено впечатление Тютчева от «Дыма». Во-первых, само это событие - лесные пожары - могло напомнить Тютчеву о серии пожаров, а вернее, планомерных поджогов, случившейся в Петербурге в мае 1862 года, которая сыграла не последнюю роль в возникновении замысла тургеневского романа. Во-вторых, в стихотворении получило развитие то «правственное настроение», которое поэт в 1867 году ставил Тургеневу в упрек, и, в-третьих, последняя строфа практически повторяет мысли Тургенева, высказанные не только в «Довольно», «Призраках» и «Дыме», но и неоднократно встречающиеся в его повестях 1850-х годов. Тютчевский образ человека, стоящего «уныло», «руки опустя», как «беспомощное дитя» перед «стихийной вражьей силой», в качестве которой может выступать беспощадная природа, а то и сама жизнь, напоминает мысль, высказанную Тургеневым в «Поездке в Полесье»: «Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Природы, <...> вся душа его никнет и замирает; он чувствует, что последний из его братии может исчезнуть с лица земли - и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях, он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность» (ПСС и П (2), Соч., Т. 5, 130).

Такое же восприятие человеческой участи отражено и в «Призраках», и в «Довольно», где в качестве «грозной силы» названа судьба: «Строго и безучастно ведет каждого из нас судьба - и только на первых порах мы, занятые всякими случайностями, вздором, самими собою, не чувствуем ее черствой руки» (ПСС и П (2), Соч., Т.7, 226). Надо отдать должное чуткости Тютчева, уловившего в «Дыме» те же философские размышления Тургенева под социально-политическим «слоем».

Однако Тютчев не мог оставить без внимания и политические мотивы тургеневского романа. Именно на них, как принято считать, Тютчев прореагировал экспромтом:

«И дым отечества нам сладок и приятен!» -
Так поэтически век прошлый говорит.
А в наш - и сам талант все ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит.

Правда, до сих пор принадлежность Тютчеву этой эпитафии не является абсолютно доказанной, и версия о возможной принадлежности ее П.Я. Вяземскому учитывается тургенедами.⁸

По-видимому еще одно стихотворение Тютчева следует считать связанным с полемикой вокруг «Дыма». Оно датировано маем 1867 года, а опубликовано год спустя. В комментариях к полному собранию стихотворений Ф.И. Тютчева указано, что «повод к написанию стихотворения не выяснен»,⁹ однако в нем явно просматривается неприятие «проповеди цивилизации», вложенной Тургеневым в уста Потугина:

Напрасный труд - нет, их не вразумишь,
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация для них - фетиш,
Но недоступна им идея.

Как перед ней не гнить, господа,
Вам не снискать признанья от Европы,
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.¹¹

Нет сомнения, что Тютчев считал продемонстрированное в «Дыме» представление о цивилизации весьма далеким от истинного значения этого понятия. По его мнению, цивилизация неотделима от национального самосознания и противоречит «высокомерному невежественному пренебрежению к правам и интересам» своей народности.¹² Хотя Тургенев и «выставил на своем знамени» слово «цивилизация», его истинный смысл, по глубокому убеждению поэта, остался для него недоступным.

Собственно говоря, Тютчев таким образом оценил «Дым» еще в 1867 году. В.П. Боткин в упоминавшемся письме Тургеневу 23 апреля (5 мая) передавал писателю его отзыв: «Он горько жалуется на нравственное настроение, пронизывающее повесть и на всякое отсутствие национального чувства».¹³ 20 сентября (2 октября) 1867 года в письме к А.Ф. Тютчевой-Аксаковой Тютчев высказался еще более определенно: «Это русофобия некоторых русских людей - кстати весьма почитаемых... Раньше они го-

ворили нам, и они, действительно, так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д., что потому именно они так нежно любят Европу, что она бесспорно обладает всем тем, чего нет в России... А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, все больше самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. В самом деле, прежние установления никогда не вызывали у них столь страстную ненависть, какой они ненавидят современные направления общественной мысли в России. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, нисколько не уменьшили их пристрастия к ней».¹⁴

Как видим, несмотря на сильное эмоциональное воздействие, оказанное романом «Дым» на Тютчева, поэт оставался строгим критиком тургеневского романа, непримиримым как в оценке авторской политической программы, так и в оценке всего произведения в целом. В то же время в стихотворении «Пожары» тургеневский взгляд на философскую проблему взаимоотношений человека и природы, человека и общества отозвался глубоко трагическими строками.

Примечания

1. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1987. С. 232.
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Изд-е 2. М., 1979-1990. Письма в 18 тт. Т. 6. М., 1989. С. 46. Далее сноски на это издание даны в тексте.
3. Генералова Н.П. И.С. Тургенев в контексте русско-европейских литературных связей (Проблемы биографии и творчества). Автореферат на соиск. уч. ст. д.ф.н.-СПб, 2001. С. 16.
4. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1987. С. 232.
5. Там же. С. 233.
6. В.П. Боткин и И.С. Тургенев. Неизданная переписка 1851-1869. М.-Л., 1930. С.264.
7. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. С. 238-239.
8. См.: Бельчиков Н.Ф. Тургенев и Вяземский. История личных отношений // Документы по истории литературы и общественности. Вып. 2. И.С. Тургенев. М.-Пг., 1923. С. 16-17; Галахов А.Д. Записки человека. М., 1999. С. 397-398.
9. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. С. 413.
10. Генералова Н.П. Указ. соч. С. 24.
11. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. С. 236.
12. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 74.
13. В.П. Боткин и И.С. Тургенев. Неизданная переписка 1851-1868. С. 306.
14. Литературное наследство. Т. 97, кн. 2. Ф.И. Тютчев. М., 1988. С. 306.

СПОР О ШАТОБРИАНЕ

В. Колонтаева в своих «Воспоминаниях о селе Спасском» приводит забавный эпизод времен молодого Тургенева: «Раз поутру, войдя в гостиную, где мы читали Шатобриана, он [Тургенев - Л.Б.] стал над нами трунить, что мы читаем такую напыщенную дребедень, называя при этом Шатобриана ходульным писателем <...> Вечером того же дня, когда мы сидели на балконе, Иван Сергеевич вспомнил наш разговор о Шатобриане, побежал в оранжерею, отыскал там старые ходули и, устроившись на них, что стоило немалого труда при его росте, стал декламировать, страшно жестикулируя, из «*Otala*»* (сочинение Шатобриана) следующее: «Un désert pour temple, un rocher pour autel et un vieil hermite pour sacrificateur».¹ Кончив тираду, он пояснил, что, так как Шатобриан ходульный писатель, то и следует его читать на ходулях».²

Однако отношение Тургенева к французскому романтику, чья жизнь, по его собственным словам, «прошла на рубеже двух веков, как на слиянии двух великих рек»,³ было отнюдь не однозначным. Шатобриан принадлежал тому времени, что, подобно магниту, притягивало Тургенева. Причем он был не только свидетелем великих событий, он был его непосредственным участником и летописцем. В мемориальной библиотеке Тургенева наследие Шатобриана представлено знаменитой эпопеей в прозе «Мученики»⁴ (1809), описанием путешествия на Восток «*Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris, en allant par la Grèce et revenant par l'Égypte, la Barbarie et l'Espagne*» (1812), петербургским изданием «Воспоминаний» - «*Souvenirs d'Italie, d'Angleterre et d'Amérique*» («Воспоминания об Италии, Англии и Америке», 1816), публикацией-брошюрой «*De la restauration de la monarchie élective ou réponse à l'interpellation de quelques journaux sur mon refus de servir le nouveau gouvernement*» («О реставрации конституционной монархии, или ответ на вопрос нескольких газет по поводу моего отказа служить новому правительству». 1831). Эта брошюра могла попасть в книжное собрание вместе с подобным анонимным изданием («Рукопись, найденная в Тюильри 29 июля 1830 года»⁵), возможно, привезенным С.Н. Тургеневым из Парижа в 1831 году. Интересно, что на всех перечисленных сочинениях Шатобриана имя автора на титульном листе подчеркнуто. Можно предположить, что среди книг Тур-

---

* Следует писать «*Atala*».

генева, кроме названных выше изданий, кроме упомянутого здесь романа «Атала» были и другие сочинения автора «Рене», «Гения христианства» и «Замогильных записок». Безусловно, Шатобриан был читан Тургеневым: мы находим след этого чтения в конце тома 3-го «Мучеников». Здесь можно видеть характерный автограф Тургенева по-немецки, выписанный чернилами напротив сцены смерти главных героев и их триумфального воцарения в царствии небесном. Автографу предшествует надпись: «11 S» (вероятно, время окончания просмотра книги), сбоку, непосредственно напротив указанного эпизода, надпись: «Morland» (страна смерти?).⁶ Имя «Turgenef» и «Morland» отделены друг от друга вертикальной чертой. Несмотря на столь явный признак чтения книги, надо отметить, что большая часть листов, не исключая страниц с известным «Episode de Velléda», не разрезана, что как будто свидетельствует о пренебрежении знаменитым сочинением.

Напротив, полностью разрезана брошюра «De la monarchie élective...» и почти полностью «Itinéraire de Paris à Jérusalem» (причем в последней книжке найдены маленькие пряди каштановых волос, напоминающие тургеневские).

Любопытно, что путешествие Тургенева в Пиренеи в 1845 году проходит ровно по тому маршруту, которым Шатобриан возвращался из Святой Земли (к изданию приложена карта). Так же как итальянские впечатления Шатобриана в «Souvenirs d'Italie, d'Angleterre et d'Amérique» касаются многих мест, где побывал весной 1840 года вместе с умирающим Станкевичем Тургенев: Рим, Колизей, гробница Метеллы, Везувий, Неаполь... Есть ли в этом сходстве обычное повторение туристических маршрутов той поры, или же путешествия русских так или иначе имели «литературный маршрут» Шатобриана в качестве ориентира?

Сходство еще усиливается, если вспомнить, что Шатобриан сопровождал в Италии госпожу де Бомон, доживавшую свои последние дни. Как бы то ни было, следует учитывать, что в семье Тургеневых сочинения о путешествиях были излюбленным чтением, а сами путешествия совершались не без оглядки на маршруты знаменитых путешественников.

Думается, именно к 1830-м годам следует отнести знакомство И.С. Тургенева с творчеством Шатобриана. Уже в раннем стихотворении «Вечер» (1838) чудится отголосок излюбленных мотивов старшего современника Тургенева: замороженность темой заката, загадкой смерти, противопоставление мятущейся личности гармоническому покою природы. А сюжет и пафос стихотворения «Разговор» (1845), кажется, восходит к исповедям Шактаса и Рене.

В 40-е годы под влиянием борьбы за реализм в русской литературе у

Тургенев сложилось критическое отношение к творчеству Шатобриана. И в дальнейшем политические, философские, религиозные взгляды французского писателя оставались для него неприемлемыми. В романе «Новь» Тургенев не без иронии упоминает его имя, вложив похвалу ему в уста высокопоставленному чиновнику Сипягину: «Калломийцев напал на литературу; Сипягин и тут явился либералом, отстаивал ее независимость, доказывал ее пользу, упомянул даже о Шатобриане и о том, что император Александр Павлович пожаловал ему орден Андрея Первозванного!» (XII, 54).⁷

Автор явно иронизирует над поверхностным либерализмом Сипягина, а заодно и над известным своим тщеславием Шатобрианом.

Несмотря на это, думается, Шатобриан входит в орбиту творческих интересов Тургенева, которому были близки его очарованность прошлым, поэзия дворянских усадеб... Шатобриановский пафос личности, стремящейся к идеалу и не встречающей понимания в мире, в чем-то созвучен творцу Лизы Калитиной. Страницы же «Дворянского гнезда», посвященные воспитанию Федора Лаврецкого, кажется, переносят на русскую почву главы о суровом воспитании героя «Замогильных записок». Однако в «Дворянском гнезде» можно услышать и полемику с создателем «Гения христианства»: там, где Шатобриан любит красота католического обряда пострижения (см. главу «О таинстве пострижения». Ч. I., кт. I, гл. 9), русский писатель, обращаясь к истории ухода девушки от мира, показывает страдания и борьбу живого существа, отрывающего от себя дорогое прошлое.

Тургенев упоминает имя Шатобриана в связи с работой над романом «Накануне» в письме к П.В. Анненкову от 23 октября / 4 ноября 1859 года: «Я теперь не имею никакого суждения о том, что я произвел на свет. Кажется, эротического много. Шатобрианом пахнет...» Что имел в виду Тургенев? По предположению комментатора его писем, речь идет о «Episode de Velléda» из книги IX «Мучеников» (Письма, III, 624). Действительно, в романе Тургенева можно увидеть некую ситуативную близость к эпопее Шатобриана; но дело, кажется, не идет о близости к «Episode de Velléda». Скорее эту параллель можно усмотреть в том, что и там и здесь описывается история одухотворенной и беззаветной любви девушки к человеку высокой жертвенной идеи и о соединении героев на пороге смерти (см. заключительную сцену «Мучеников», о которой речь идет выше).

Высоко оценивая виртуозное мастерство Шатобриана-художника, Тургенев, однако, не соглашался с теми из своих французских друзей-писателей, кто отводил ему чрезвычайное место в современной литера-

туре. В очерке «Гюстав Флобер» Э. Золя вспоминал, как во время одного из «обедов пяти» разгорелся яростный спор о Шатобриане, спор, «который длился с семи вечера до часу ночи. Флобер и Доде защищали его, - пишет мемуарист, - Тургенев и я высказывались против».⁸ Подробнее этот эпизод описал Э. Гонкур в своем Дневнике от 21 февраля 1876 года: «Тургенев говорил, что за границей – в России, в Англии, в Германии – Шатобриана совсем не ценят; его превосходная поэтическая проза, мать и кормилица всей современной красочной прозы не пользуется там ни малейшим успехом».⁹ Как вспоминал позднее А. Доде в письме к И.Д. Гальперину-Каминскому, споры о Шатобриане шли вокруг его «Замогильных записок», представляющих собою не только вершину его творчества, но и итог наблюдений над «веком перемен», который сам автор как будто заново переживал во всех подробностях. Доде писал об изумлении Тургенева, услышавшего утверждение Флобера и самого Доде, что «именно Шатобриан и никто другой был подлинным мэтром французского языка XIX века».¹⁰ Жаловался на разногласия в этом вопросе со своим русским другом и Флобер, писавший Ж. Санд 3 апреля 1876 года: «Но как трудно понимать друг друга! Вот два человека, которых я очень люблю и считаю настоящими художниками, - Тургенев и Золя. А между тем они совершенно равнодушны к прозе Шатобриана <...> Фразы, которые приводят меня в восторг, им кажутся пустыми. Кто же ошибается? Все это меня бесконечно огорчает».¹¹

Неприемлемым в творчестве Шатобриана было для Тургенева его пристрастие к фразистости, к эффектной позе. Возможно, именно спорами о Шатобриане было навеяно стихотворение в прозе «Фраза». Спор о Шатобриане был, по сути, спором о правде в искусстве, где зачастую расходились пути русского и французского реализма. Ранее Тургенев, возможно, сознательно заостряя свою позицию, писал о слабой восприимчивости французов к правде и простоте жизни в Предисловии к переводу романа Максима Дюкона «Утраченные силы» (1868): «... французы так же легко обходятся без правды в искусстве как без свободы в общественной жизни» (XV, 97).

Однако в пылу полемики с ее крайностями Тургенев никогда не упускал из виду правды противной стороны. Конечно, он не мог не оценить в последнем творении Шатобриана живой картины великой эпохи и мастерски написанных портретов людей того времени. Отчего не допустить, что сам Тургенев испытал обаяние этого произведения? Стоит вспомнить, что он был в Париже, когда в июле 1848 года пришла весть о кончине Шатобриана, он был во Франции, когда долгожданные «Записки» стали печататься – сначала в виде фельетонов в газете «Presse», а затем, в 1849-50 годах, отдельным изданием.

Вряд ли эти публикации прошли мимо Тургенева. Если в свое время

«Исповедь» Руссо вызвала у семнадцатилетнего поэта желание написать «свою исповедь», отчего не предположить, что «Мемориал», который Тургенев начал писать в 1852 году, имел «первопричиной» чтение «Замогильных записок»? В этих «заметках для памяти» Тургенева можно увидеть замысел будущей лирической биографии. В середине 70-х годов, по-видимому, именно споры вокруг «Замогильных записок» с их художественностью, позволяющей воссоздать «утраченное время»¹² и услышать сквозь его гул диалог культур, учитывались Тургеневым, начавшим в ту пору работу над «Стихотворениями в прозе». Представляется не случайным, что писатель предполагал озаглавить свое новое детище титулом близким по смыслу названию мемуаров Шатобриана – «Posthuma» («Посмертное»). Что наводит на мысль о возможном влиянии последнего творения французского романтика в процессе выработки Тургеневым художественного замысла его итогового произведения.

Примечания

1. «Пустыня вместо храма, скала вместо алтаря и старый отшельник вместо жреца» (франц.).
2. Колонтаева В. Воспоминания о селе Спасском // Исторический вестник, 1885, № 10. С. 54-55.
3. Цитируется по изданию: Шатобриан Франсуа Рене де. Замогильные записки. М., 1995. С. 596.
4. Les Martyrs ou le Triomphe de la Religion chretienne par F.-R. de Chateaubriand. Т. 1-3. Paris, 1809.
5. Manuscrit, trouvé aux Tuileries le 29 juillet 1830 et publié par M. Negres, compositeur-typographe. De l'administration générale du Royaume.
6. Возможно, Тургенев имел в виду английского живописца Джорджа Морленда (1763-1804), мастера пейзажа и жанровых картин, автора таких полотен, как «Приближение грозы» (1791), «В конюшне» (1791), «Пастух и молочница» (1792) и др. (Указано С.Л. Жидковой).
7. Ссылки здесь и далее даются на издание в скобках: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. М.-Л.: «Наука», 1960-1968 - с указанием тома и страницы; ссылки на письма даются с пометой: «Письма».
8. Золя Э. Т. 25. С. 485.
9. Гонкур Эдмон де. Дневник. В 2-х т. Т. 2. М.: «Художественная литература», 1964. С. 224.
10. Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1990, № 14, p. 116.
11. Флобер Г. Письма, статьи. В 2-х т. Т. 2. М.: «Художественная литература», 1994. С. 172.
12. Шатобриан Ф.-Р. де. Замогильные записки. С. 17.

И.С. Тургенев и М.С. Щепкин

Щепкин Михаил Семенович (1788 – 1863) - выдающийся актер, имя которого почти сорок лет было связано с Малым театром.

Впервые И.С. Тургенев увидел М.С. Щепкина на сцене в роли Фамусова в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», очевидно, в первой половине 30-х годов. Позднее эти впечатления отозвались в его повести «Не-счастливая»: «На следующий день мы с Фустовым собрались идти в театр смотреть Щепкина в “Горе от ума”. Комедию Грибоедова только что разрешили тогда, предварительно обезобразив ее цензурными урезками. Мы много хлопали Фамусову...»¹

Знакомство же писателя с актером произошло гораздо позднее, около 10 мая 1846 года, в Москве в гостинице «Дрезден».² Оно постепенно переросло в тесные дружеские и творческие отношения, во многом способствовало рождению Тургенева-драматурга.

Важную роль в сближении Тургенева и Щепкина сыграл их общий друг критик В.Г. Белинский. С мая по октябрь 1846 года Белинский сопровождал Щепкина в его гастролях по российской провинции и, как он сообщал А.И. Герцену, собирался писать о русском театре, о «... причинах его гнусного состояния и причинах скорого и совершенного падения сценического искусства в России».³ А уже через год, отправившись на лечение в Европу, Белинский общался с Тургеневым. Возможно, Белинский помог Тургеневу и Щепкину в полной мере осознать необходимость их творческого союза.

Щепкин остро нуждался в серьезной драматургии, в обновлении репертуара, оттого, наверное, он большие надежды возлагал на Тургенева. Для Тургенева же Щепкин – актер, в творчестве которого он увидел то, что более всего ценил: правду чувств, искренность, простоту, глубокое постижение внутреннего мира героев. К тому же и Тургенев, и Щепкин резко отрицательно относились к ложновеличавой драматургии и столь же выспренной актерской манере исполнения.

После смерти Белинского важным связующим звеном в отношениях писателя и актера стал А.И. Герцен. Он делал все для сближения творческой энергии художников. Герцен был первым взыскательным читателем «Нахлебника». Именно он внес важную поправку в описание внешнего вида Кузовкина.

Мы не располагаем перепиской Тургенева и Щепкина 1846-1847го-

дов. Первые сведения о «Нахлебнике» находим в письме Тургенева к П. Виардо от 5 (17) января 1848 года: «Между тем я работаю над комедией, предназначенной для одного московского актера». ⁴ В начале ноября 1848 года Тургенев сообщил Щепкину, что выслал в Москву первый акт комедии. В конце ноября он закончил работу над «Нахлебником», а через несколько месяцев уже в марте 1849 года написал для него комедию «Холостяк».

Надеясь напечатать «Нахлебника» в журнале «Отечественные записки» А.А. Краевского, Тургенев писал издателю: «... Если Вы напечатаете Н<ахлебник>а, то велите поставить: «Посвящена М<ихайл>е С<еменович>у Щепкину». ⁵ Судьба «Нахлебника» сложилась драматично. Пьеса была запрещена не только для сцены, но и для печати. Щепкин почти тринадцать лет безуспешно пытался провести комедию на сцену, но все его хлопоты – а он читал пьесу на вечере у князя В.Ф. Одоевского в Петербурге, позднее министру императорского двора П.В. Волконскому, собиравшемуся искать случая прочесть ее Великому князю Константину Николаевичу – были напрасны. Даже попытка поставить «Нахлебника» на домашней сцене закончилась ничем из-за болезни жены Щепкина Елены Дмитриевны. «Когда пьесу эту задерживали и она долго не появлялась на сцене, то М.С. Щепкин пробовал ставить ее на домашнем спектакле у своих знакомых и разучивал роль нахлебника с величайшим удовольствием и одушевлением. Роль эта занимала его в продолжение целой зимы, хотя, к сожалению, спектакль не состоялся». ⁶

Только незадолго до смерти, в свой бенефис 30 января 1862 года Щепкин на сцене Большого театра в Москве сыграл роль Кузовкина. Но силы актера были уже на исходе. Критик отмечал прекрасное исполнение Щепкиным первого действия, но «холодность и однообразие» его игры во втором. ⁷

Более счастливо сложилась судьба другой комедии Тургенева – «Холостяк». Щепкин впервые представил ее публике на гастролях в Петербурге в свой бенефис 14 октября 1849 года, а затем до конца октября выступил в «Холостяке» еще три раза. Н.А. Некрасов писал в «Современнике», что роль Мошкина «совершенно по силам и в духе таланта Щепкина». ⁸

25 января 1850 года Щепкин впервые сыграл комедию Тургенева в Москве на сцене Большого театра. Она стала этапной в творчестве актера. Тургенев впервые увидел Мошкина в исполнении Щепкина только 6(18) декабря 1850 года в Москве в Малом театре. Он писал П. Виардо: «Щепкин был великолепен, полон правды, вдохновения и чуткости». ⁹

Начало 50-х годов – время наибольшего творческого сближения пи-

сателя и актера. А.В. Щепкина в своих воспоминаниях писала: «Когда И.С. Тургенев приезжал в Москву, то всегда бывал в доме М.С. Щепкина и иногда сам читал ему свою пьесу. И М.С. Щепкин любил анализировать все характеры его пьесы в присутствии самого Тургенева и вместе с ним. И.С. Тургенев относился к М.С. Щепкину с чрезвычайной мягкостью и добродушием, что было вообще свойственно его характеру. Из пьес Тургенева М.С. Щепкин любил «Провинциалку»... в которой играл роль стряпчего».¹⁰ Впрочем, из недавно опубликованного письма Щепкина к Тургеневу (февраль 1850г.), в котором актер разбирает комедию «Холостяк», видно, что и расстояние не мешает их творческому профессиональному общению.¹¹

Тургенев отдал Щепкину для бенефиса (18 января 1851г.) только что законченную комедию «Провинциалка». Он признавался П. Виардо: «Я не могу ни в чем отказать этому прекрасному и достойному человеку».¹² Роль Ступендьева вошла более чем на десять лет в репертуар актера. Последний раз он сыграл ее 20 декабря 1862 года, за несколько месяцев до смерти. Щепкин на протяжении многих лет был тонким и глубоким сценическим интерпретатором тургеневских героев: он сыграл капитана Чуханова в комедии «Где тонко, там и рвется» (1852), Балагалаева (1849) и Пехтерьева (1857) в комедии «Завтрак у предводителя».

Благодаря Щепкину, Тургенев познакомился с Н.В. Гоголем, слушал авторское чтение «Ревизора» актерам Малого театра.

Даже ссылка Тургенева и то, что он оставил занятия драматургией, не прервали их сложившихся взаимоотношений. Тургеневу важно было знать мнение Щепкина о повести «Постоялый двор». Он писал Н.Х. Кетчеру 11 (23) января 1853 года: «Я очень рад слышать, что и ты доволен моим последним произведением – желал бы знать мнение Тимофея Николаевича (Грановского – Е.П.) и Михайлы Семеныча. Если ты мне напишешь об этом слова два, я тебе очень буду благодарен».¹³

Тургенев радовался приезду актера в Спасское-Лутовиново 9 (21) марта 1853 года, легко подыгрывая и импровизируя в сценке, которую Щепкин разыграл по приезду в имение. Он читал ему главы романа «Два поколения», а Щепкин познакомил его с новой комедией А.Н. Островского «Не в свои сани не садись». Тургенев писал П.В. Анненкову: «Комедию Островского прочел нам на днях М.С. Щепкин, который приехал сюда. Каков милый старик? Прочел он отлично, и впечатление она произвела большое...»¹⁴

Писатель деятельно участвовал в чествовании Щепкина 26 ноября 1855 года в связи с 50-летием пребывания актера на сцене. Он писал С.Т. Аксакову 19 ноября (1 декабря) 1855 года: «Вот что я намерен сделать

насчет щепкинского юбилея. В течение трех дней – соберу на листе ото всех знакомых литераторов приношения для обеда и подарка – и тотчас пошлю их вместе с листом к Вам <...>. Сам я в Москву теперь никак поехать не могу – напишите мне, пожалуйста, когда именно назначен день юбилея – я бы мог, кроме листа, прислать письмо от здешних литераторов и художников к тому дню. Ужасно жалко, что я обо всем этом известился так поздно».¹⁵

Тургенев и Щепкин в 1858 году подписали протест против антисемитской статьи В. Зотова в № 35 «Иллюстраций». Писателя всегда восхищало бесстрашие, которое проявлял актер в отношениях с сильными мира сего. В письме А.И. Герцену от 26 декабря 1857 года (7 января 1858г.) Тургенев с восторгом рассказывал о том, как Щепкин укротил самовластного директора императорских театров, пообещав пожаловаться «Колоколу» на его беззаконие, заставил сановника возратить деньги актерам, которые собиралась у них отнять дирекция.¹⁶

Конечно, время идет, Щепкин стареет, они разное воспринимают какие-то явления искусства. Тургенев, несомненно, знал о протесте актера против присуждения А.Н. Островскому Уваровской премии за драму «Гроза», которую Щепкин счел безнравственной.¹⁷ Но писатель, жестоко выговоривший А.А. Фету: «Где же было Ваше чутье, Ваше понимание поэзии, когда Вы не признали в «Грозе» (Островский читал ее у меня вчера) удивительнейшее, великолепнейшее произведение русского могучего, вполне овладевшего собою таланта?»¹⁸ - обошел молчанием поступок актера, не столько снисходя к его летам, сколь ясно осознавая невозможность поколебать уже устоявшееся к тому времени неприятие Щепкиным драматургии Островского.

Но даже это мало что меняет в отношениях Тургенева и Щепкина. Они по-прежнему доброжелательны и внимательны друг к другу. Щепкин, приезжая в Петербург, обедал у Тургенева, писатель, заезжая в Москву, посещал актера в его гостеприимном и хлебосольном доме. И хотя Тургенев окончательно отошел к концу пятидесятых – началу шестидесятых годов от театра, узнав о возможном разрешении «Нахлебника», написал специально очень важную дополнительную сцену к комедии. Он старался успеть к бенефису Щепкина и очень огорчился, когда из-за цензурных сложностей ее не разрешили сыграть.

Имя актера отозвалось на страницах «Литературных и житейских воспоминаний» Тургенева.¹⁹ А в Спасском, в рабочем кабинете писателя, в простенке над письменным столом, вместе с портретом В.Г. Белинского находился портрет Щепкина.

Примечания

1. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения Т.8. М.: Наука, 1987. С. 83.
2. Гриц Т.С. Летопись жизни и творчества М.С. Щепкина. М.: Наука, 1966. С. 363.
3. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М.: Изд. АН СССР, 1959. С. 258.
4. Тургенев И.С. ПСС и П, П (2), т. 1, с. 258.
5. Тургенев И.С. ПСС и П, П (2), т. 1, с. 280.
6. Щепкина А.В. Михаил Семенович Щепкин в семье и на сцене. В кн.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2-х т. Т. 2. Современники о М.С. Щепкине. М.: Искусство, 1984. С.274.
7. Баженов А.Н. Сочинения и переводы. Т. 1. М.: 1869. С. 153.
8. Некрасов Н.А. «Холостяк», комедия в трех действиях Ив. Тургенева. Современник № 11, отд. 4. СПб.: 1849. С. 142.
9. Тургенев И.С. ПСС и П, П (2), т. 2, с.79.
10. Щепкина А.В. Михаил Семенович Щепкин в семье и на сцене. С. 274.
11. Генералова Н.П., Проц Е.В. Неизвестное письмо М.С. Щепкина к И.С.-Тургеневу // Тургеневский ежегодник 2001 года. Орел, 2002. С. 77- 80.
12. Тургенев И.С. ПСС и П, П (2), т. 2, с.85.
13. Тургенев И.С. ПСС и П, П (2), т. 2, с.183.
14. Тургенев И.С. ПСС и П, П (2), т. 2, с.215.
15. Тургенев И.С. ПСС и П, П (2), т. 3, с. 67-68.
16. Тургенев И.С. ПСС и П, П (2), т. 3, с. 285.
17. См. письмо М.С. Щепкина к А.Д. Галахову от 15 ноября 1860 г. Цит. по: Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. Т. 1. М.: Искусство, 1984. С. 302.
18. Тургенев И.С. ПСС и П, П (2), т.4, с. 115.
19. Тургенев И.С. ПСС и П, П, Соч. (2), т. 11. С. 57-58, 60.

Е.Г. Мельник

А.Я. ШВАРЦ В СЕМЬЕ ТУРГЕНЕВЫХ

Работа нашего музея над статьями тургеневской энциклопедии в который раз показала нам, как много значат для понимания многосложной личности И.С. Тургенева сведения об отношениях писателя с его ближним и дальним окружением.

К своему удивлению мы обнаружили немало белых пятен в наших знаниях о близких Тургеневу людях: к сожалению, нет пока исчерпывающей статьи о матери писателя, о его отце и брате. Это касается и жены Николая Сергеевича Тургенева – Анны Яковлевны Шварц. Эта фигура представляется нам до известной степени загадочной. Ей и посвящена

предлагаемая статья.

Впервые имя А.Я. Шварц появляется в письме В.П. Тургеневой от 21 марта 1839 года. Рассказывая сыну Ивану обо всех обитателях спасского дома, Варвара Петровна упоминает и Анну Яковлевну: «Анна добрая. Ах! Да! Бестолковая немка».¹

Весну того же года и А.Я. Шварц вспоминают В.Н. Житова и В. Колонтаева в связи с пожаром, который случился в Спасском. Обе мемуаристки рассказывают о мужественном поступке Анны Яковлевны во время пожара. «Вместе с прочими вещами, - вспоминает В. Колонтаева, - которые выносились и выбрасывались из дому, была выкинута шкатулка, в которой хранились 30 000 казенных денег. Николай Сергеевич был в то время ремонтером и, находясь дома, имел при себе казенные деньги; он только что собирался ехать в Лебедянь на ярмарку за покупкой лошадей. Среди разного хлама, уже наполовину объятая пламенем, валялась и злополучная шкатулка, на которую никто не обращал внимания. В это время Анна Яковлевна Шварц бегала по двору, стараясь что-нибудь выхватить из огня, и, заметив шкатулку, схватила ее и отнесла в церковь <...>».²

В.Н. Житова в своих воспоминаниях описывает поступок Анны Яковлевны еще более красочно: «<...> Анна Яковлевна храбро вырвала из рук крестьянина похищенную им шкатулку с 20-ю тысячами <...> и с этой, довольно тяжелой, ношей бросилась обратно к месту, где сидела Варвара Петровна, и тут же ушла почти без чувств».³

Интересно, что Варвара Петровна в одном из писем к Ивану Сергеевичу, подробно описывая пожар в Спасском, о подвиге Анны Яковлевны не пишет ничего.

Весна и лето 1839 года, видимо, становятся временем сближения Анны Яковлевны Шварц с Николаем Сергеевичем Тургеневым.

Иван Сергеевич в «Мемориале» за 1839 год отмечает свой приезд из-за границы в Петербург и далее в скобках пишет: «Анна Яковлевна у брата».⁴

Об этом вспоминает и В.Н. Житова: «В тот самый год возникла любовь Николая Сергеевича к Анне Яковлевне Шварц <...> и сблизила их вследствие того же самого пожара».⁵ Действительно, Николай Сергеевич был растерян и подавлен происшедшей катастрофой в родном доме, и Анна Яковлевна с ее сильным характером смогла поддержать его.

После отъезда Николая Сергеевича в Петербург на службу, Анна Яковлевна остается в Спасском.

Лето и осень 1840 года она проводит в Москве, куда вместе со штатом дворовых и компаньенок переезжает Варвара Петровна. В письме из Москвы, адресованном сыну Ивану от 31 августа 1840 года, Варвара Пет-

ровна пишет: «У меня живет все та же Анна Яковлевна, немка, Шварц. – Учится на фортепиано и по-французски».

На новогодние праздники в Москву, в дом на Остоженке приезжает Николай Сергеевич. (Варвара Петровна сообщала об этом Ивану в письме от 1 января 1841 года). Конечно, он встречается с Анной Яковлевной и, вероятно, они уже строят планы на будущее.

Во всяком случае, в марте 1841 года Анна Яковлевна собирается переехать в Петербург.

Варвара Петровна – Ивану 22 марта 1841 года: «Отец не хочет <...> дать паспорту Анне Яковлевне и она от меня уезжает в Петербург».

Судя по тону письма, Варвара Петровна сожалеет об отъезде Анны Яковлевны, и прощание было, видимо, теплым. По воспоминаниям В. Колонтаевой, Варвара Петровна, прощаясь с Анной Яковлевной, «приколола ей на грудь букет цветов». ⁶ Видимо, это была личность по-своему незаурядная. Иначе как могла бы она привлечь до такой степени и мать, и сына.

Конечно, о том, что Николай Сергеевич встречается с Анной Яковлевной в Петербурге, Варвара Петровна знала. Ей наверняка все донесли. Однако бурной реакции с ее стороны не последовало. Скорее наоборот – первое время такое положение вещей Варвару Петровну вполне устраивает «Насчет брата, - пишет она в письме Ивану от 24 декабря 1842 года, - я совершенно покойна. Он может жить и без семейной жизни на холостую или полусемейную ногу».

Но понемногу поведение Николая начинает раздражать Варвару Петровну. На нее произвело неприятное впечатление нежелание старшего сына провести все лето 1843 года в Спасском в связи с хозяйственной необходимостью. Неубедительные доводы Николая Сергеевича вызывают недоумение и удивление матери.

В конце зимы 1843 года до Варвары Петровны доходят слухи о том, что Николай Сергеевич живет открыто с Анной Яковлевной: ездит с нею в театр, встречается с нею общим знакомым на улице, заставляет видеть ее у себя на квартире, «бесстыдно принимая гостей, обнявшись с нею», - пишет Варвара Петровна Ивану 25 февраля 1843 года. Для матери это крайне неприятно. Она недовольна таким поведением сына.

Варвара Петровна – Ивану 20 февраля 1843 года: «<...> Скажи ты это брату от себя: чтобы, что делает он ночью не знал ни кот, ни кошка, а особенно кучер Тимошка. <...> Иван, я поручаю тебе это дельце уладить. Оно мне сильно неприятно».

В письме от 25 февраля 1843 года прорываются гнев и возмущение: «Брату твоему я денег не посылаю <...>, я считаю срамом давать сыну

деньги на содержание... Это грех и бесчестно мне. <...> Пока свет ничего не имеет сказать вам в улику... я вами горжусь. – Но! Ежели люди укажут на моего сына пальцами, как на человека, делающего непристойности, - я откажусь от вас, презираю вас».

Варвара Петровна в свое время и не могла предположить, что эта женщина, бедная лифляндская немка, которая произвела на нее, Варвару Петровну, хорошее впечатление, которую она считала недалекой, станет для нее опасной. Варвару Петровну связь Николая с Анной Яковлевной теперь по-настоящему тревожит. Однако она еще надеется ее разрушить.

По настоянию матери Николай Сергеевич в июне 1843 года едет лечиться за границу, выхлопотав себе четырехмесячный отпуск. Варвара Петровна, видимо, тешит себя мыслью, что пребывание за границей, разлука с Анной Яковлевной, как-то «образумит» сына и уничтожит ненавистную ей связь.

Перед возвращением Николая Сергеевича в Россию, она вновь требует от него разрыва отношений с немкой, причем состояние отчаяния оттого, что она не может изменить ситуацию, начинает овладевать ею «Как брат придет, - пишет она Ивану не без театрального пафоса в письме от 23 октября 1843 года, - то я желаю, чтобы всякая связь, мне неприятная, до сих пор существующая, была им уничтожена <...> Ежели он, как мне говорил, может умереть от этого, - с радостью увижу его в гробу мертвого, но! – чистого».

По приезде из-за границы Николай Сергеевич живет в Петербурге, по-прежнему снимает квартиру для Анны Яковлевны.

Материальное положение тяжелое. Мать прекращает переписку с Николаем.

Варвара Петровна – Ивану в письме от 14 июля 1844 года: «Ты пишешь, что брат ходит в рубище и голодает! А немка? <...> сам в рубище и голодает, а ей квартиру занимает и кухарку. <...> Мы с Николаем Сергеевичем друг другу чужие. Насилу он догадался перестать писать. Я на 16 писем не отвечала».

Надежды Варвары Петровны на разрыв отношений Николая Сергеевича с Анной Яковлевной окончательно рухнули. Но она еще долгое время всячески противилась этому браку, не желала, чтобы эти отношения были освящены церковью, а главное, не желала принимать немку в свою семью.

В 1849 году она уступила. Закончилась история десятилетней борьбы, страданий, жертв. Ведь если верить воспоминаниям Житовой, трое незаконнорожденных детей умерли в одну зиму, будто бы в следствие проклятия Варвары Петровны.

По воспоминаниям В.Н. Житовой, в начале сентября 1849 года в Москву «приехал Николай Сергеевич и, наконец, мать разрешила ему жениться». ⁷ В фондах ОГЛМТ хранится неопубликованное Свидетельство о том, что 6 ноября 1849 года в Казанском соборе повенчаны коллежский ассессор Николай Сергеевич Тургенев с девицею Анною Яковлевною Шварц. [Описание материалов ОГЛМТ (Сост. А.И. Понятовский), Орел, 1968. № 246]. Как пишет В.Н. Житова, в конце ноября 1849 года Николай Сергеевич с Анной Яковлевной переезжают в Москву и поселяются в доме на Пречистенке, купленном для сына Варварой Петровной.

По свидетельству В. Житовой, Варвара Петровна так и не собралась с духом принять в своем доме невестку. На это указывает и сам Иван Сергеевич в письме к Полине Виардо от 4 июля 1850 года: «Моя мать <...> за все время, что она здесь, ни разу не допустила ее (А.Я. Шварц – Е.М.) к себе на глаза» (П, 2, 345).

Но, как вспоминает В. Житова, Варвара Петровна «никогда, ни при ком не выражалась о ней (Анне Яковлевне – Е.М.) оскорбительно. Она была слишком горда, чтобы допускать посторонних в свои семейные дела». ⁸

Летом 1850 года состоялось эмоциональное объяснение с сыновьями, закончившееся разрывом. Николай Сергеевич с Анной Яковлевной и Иваном Сергеевичем поселяются в селе Тургенево – имении отца, единственном, принадлежавшем им по праву.

Анна Яковлевна сразу же взяла на себя хозяйственные хлопоты по дому и на Ивана Сергеевича, который впервые стал жить под одной крышей с нею, произвела самое благоприятное впечатление «В те два дня, что мы здесь, - пишет он Полине Виардо в письме от 21 июля 1850 года, - жена моего брата, она недаром немка, решительно взялась за дело – с сегодня у нас уже есть кухня» (П, 2, 35). И.С. Тургенев – Полине Виардо от 3 августа 1850 года: «Мой брат такой добрый малый и обожает свою жену с такой наивной нежностью, что на это приятно смотреть. По своему характеру она немного холодна и спокойно позволяет себя обожать – но это прекрасная женщина, а хозяйка – каких нет». (П., 2, 352).

Неправда ли, есть некоторое сходство в судьбах двух братьев Тургеневых? Обе избранницы не были русскими женщинами и, при всей несопоставимости их фигур, представляли собой западную культуру. Обе в большой степени оказали влияние на личностное формирование братьев Тургеневых, во многом определив их судьбу. Вспоминаются пророческие слова их матери о том, что оба ее сына будут любить одну женщину и не будут любимы ею.

16 ноября 1850 года Варвары Петровны не стало.

С ее смертью семейный конфликт был разрешен, но не был забыт. Драматическая история внутрисемейных отношений в доме Тургеневых, по мнению Б.В. Богданова, впоследствии найдет свое отражение в неопубликованном романе И.С. Тургенева «Два поколения», от которого остались план и I глава.⁹

После смерти Варвары Петровны Анна Яковлевна с мужем становятся владельцами большой доли лутовиновского наследства. Жизнь лифляндской немки потекла совсем в ином русле.

В конце 50-х - начале 60-х годов Анна Яковлевна с Николаем Сергеевичем часто бывает за границей, посещают западные курортные городки. Анна Яковлевна расцвела.

В письме из Парижа от 17 мая 1859 года, адресованном дяде Николаю Николаевичу, Тургенев сообщает: «<...> видел брата с его женою, которые оба очень потолстели и поздоровели, однако на днях едут в Вюрцбург к своему доктору». (П., 4, 44).

В 1863-64 годах Анна Яковлевна с мужем живут в Дрездене. В это время выходит наружу история, связанная с именем сестры Анны Яковлевны – Екатерины Яковлевны Шварц, и та неблагоприятная роль, которую сыграла в ней Анна Яковлевна.

12 марта 1864 года Тургенев пишет брату Николаю Сергеевичу в Дрезден: «Я не успел переговорить с тобой о просьбе сестры Анны Яковлевны, которую я, впрочем, никогда в глаза не видел». (П., 5, 283).

Просьбу о пособии излагала в своем письме другая сестра Анны Яковлевны Юлия Яковлевна Федорова. О том, какая драма разыгралась в семье Николая Сергеевича Тургенева после получения этого письма, рассказывает Иван Сергеевич в письме П.В. Анненкову от 7 (19) февраля 1861 года: «<...> сделайте одолжение, поезжайте к Ф.Я. Ф<уксу>, <...> узнайте от него адрес Екатерины Яковлевны Шварц, сестры жены моего брата. Эту несчастную, полумертвую чахоточную девушку брат (или, вернее жена его) прогнал из своего дома без всякой причины на другой день после того, как я в Дрездене вручил ему письмо от другой сестры его жены с просьбой о пособии, и теперь это злополучное существо без всякого призрения и без паспорта гибнет в Петербурге». (П., 6, 106). Тургенев не сомневался, что именно по инициативе Анны Яковлевны ее больная сестра была отослана в Россию без документов и средств к существованию. На попытку Николая Сергеевича защитить и оправдать жену, Тургенев отвечает письмом от 26 февраля 1865 года: «Я сейчас получил письмо от Анненкова, через которого я послал ей (Екатерине Яковлевне – Е.М.) 100 руб. – и эти деньги дали возможность этой несчастной девушке поступить в госпиталь, где она, по приговору докторов, вероятно меся-

ца через два скончается <...> В твоём письме ты говоришь мне о “деликатности” Анны Яковлевны, состоящей будто бы в том, что она не утруждает тебя своими родственниками, я бы согласился с тобою, если б она из собственных денег им помогала – а то, воля твоя – эта деликатность сбивается на эгоизм – и, во всяком случае, не стоит больших усилий». (П., 6, 115).

Тургенев теперь хорошо знает, что представляет из себя Анна Яковлевна на самом деле, и часто говорит об этом вслух. А. Фет в своих «Воспоминаниях» пишет, что Тургенев нередко искренне удивлялся, каким образом его брат мог привязаться к этой женщине? «Что она чудовищно безобразна, – говорил Тургенев, – в этом вы могли сами убедиться в нашем доме, прибавьте к этому, что она нестерпимо жестока, капризна и неразвита, и крайне развратна. Достаточно сказать, что, ложась ночью в постель при лампе, она требует, чтобы горничная, раскрахмаленная и разодетая, всю ночь стояла посреди комнаты, но чтобы не произвести стука, босая. Вот и подивитесь! Ведь он ее до сих пор обожает и целует у нее ноги!»¹⁰

Надо отметить, что дворовые Тургеневых, зная истинное лицо своей барыни, не менее Ивана Сергеевича удивлялись на нежную, глубокую привязанность Николая Сергеевича к своей жене, жалели его. С.Г. Щепкина в своих «Воспоминаниях» приводит отзыв старого садовника Якова об Анне Яковлевне: «Разве была она настоящей природной барыней? – говаривал он, – просто-напросто, наша сестра холопка, только возвеличенная самим барином, высоко нос свой держала, над всеми мудрила, ну, а известное дело, какой была по нутру своему халдой, такой и в барынях осталась. Покойный Николай Сергеевич души в ней не чаял, а доподлинные слухи ходили, как его, голубчика, она со своими управляющими надувала. Будто настоящая хозяйка уговорит его отпустить ее наводить распорядки по имениям. Согласится, отпустит, выйдет провожать ее с непокрытой головой, подсаживает в карету, крестит, целует, а кучеру наказывает беспременно, чтобы вез по всем дорогам, как можно осторожнее, <...> а она подлая, мы все досконально знали, за какими делами езжала... Ну и так сказать, чем приворожила? Как не франтила, страшная была, на обезьяну смахивала...»¹¹

Конторщик Бизюкин в своих «Воспоминаниях о селе Спасском-Лутовинове» рассказывал «как Николай Сергеевич и в особенности его “Зажига” (так прозвали крестьяне Анну Яковлевну – Е.М.), окружавшие себя “Альбертами” (доносчиками – Е.М.), [заставляли] своих людей за ничтожную “провинность” пилить дрова, копать камень, носить кирпич, резать тряпку (на писчебумажную фабрику), при становом “парили” (на конюшне) розгами, даже ссылали в ссылку (в Сибирь) и ставили “без зачета” “под крас-

---

* В тексте пропущено слово.

ную шапку"...»¹² Как видим, Николай Сергеевич сам изменился. Теперь он неутомимо трудится, умножая свое состояние, не брезгуя никакими средствами, видимо, в угоду жене.

Осенью 1871 года Анна Яковлевна заболела. Иван Сергеевич – Николаю Сергеевичу в письме от 17 октября 1871 года: «Надеюсь, что болезнь Анны Яковлевны в скором времени примет благополучный исход...» (П., 11, 148). Тургенев в письмах ободряет брата, поддерживает в нем желание повезти Анну Яковлевну весной на лечение за границу. Тургенев – брату Николаю Сергеевичу 5 февраля 1872 года: «Очень сожалею я о болезненном состоянии Анны Яковлевны: впрочем, я, зная твою мнительность, утешаю себя мыслью, что ты преувеличиваешь. Но критические годы всегда тяжелы для женщины – и я полагаю, ты поступишь очень умно, если с первым появлением весны повезешь свою жену за границу на воды». (П., 11, 212).

Весной Анне Яковлевне, видимо, стало немного лучше. И Тургенев тотчас откликается на это сообщение брата письмом от 23 марта (4 апреля) 1872 года: «Душевно радуюсь тому, что Анне Яковлевне стало лучше, и, уверен, что пребывание в теплом климате окажет благотворное влияние на ее здоровье». (П., 11, 232). Но именно в этот день – 23 марта (4 апреля) 1872 года, когда Тургенев написал письмо брату, в девятом часу вечера Анны Яковлевны не стало. В неопубликованном письме Николай Сергеевич пишет об этом брату Анны Яковлевны Шварц – Егору Яковлевичу Шварцу почти через год после смерти жены, 24 февраля 1873 года: «23 марта в 9-ом часу будет ровно год со смерти моего незабвенного друга и жены». ¹³

Тургенев, зная, насколько дорога была эта женщина брату, и, зная, насколько велико и необъятно его горе, снесит откликнуться участливым письмом. «Любезный друг и брат, - пишет он 4 (16) апреля 1872 года, - <сейчас> я получил твое письмо, в котором ты извещаешь меня о жестокой и скорбной потере, тебя поразившей. <...> Женщина, с которой ты около 30 лет прожил в согласии и дружбе, и которая умела внушить тебе такую сильную привязанность, не могла не иметь особенных достоинств и не быть дорогою для меня» (П., 11, 238).

Через несколько дней в письме П.В. Анненкову от 7 (19) апреля 1872 года он напишет об Анне Яковлевне трезво и сурово: «Женщина она была нехорошая, имела вредное на него влияние – но он ее обожал, жил только для нее, никаких других интересов не имел и теперь находится действительно в весьма жалком положении – так как он совершенно один, без семейства и без друзей» (П., 11, 239). В Москве, в частном собрании, сохранился двойной портрет работы неизвестного художника. На холсте

изображена Анна Яковлевна, очевидно, в последний период своей жизни, с молоденькой племянницей Надеждой. Перед нами пожилая женщина с пронзительным взглядом маленьких, глубоко посаженных глаз. Волевой подбородок, не допускающий возражений, говорит о сильном характере. Тонкие, почти в ниточку губы, как будто навечно застывшие в недоброй усмешке. В целом создается впечатление холодности и бездушия. Поневоле вспоминаешь слова Тургенева: «Тайны человеческой жизни велики, а любовь самая недоступная из этих тайн». (Соч., 8, 137).

Николай Сергеевич безутешен в своем горе. В течение года он разыскивает всех родственников покойной жены, с кем можно было бы вспомнить Анну Яковлевну, вдоволь поговорить о ней.

В годовщину смерти жены – 18 марта 1878 года в неопубликованном письме Николай Сергеевич напишет Егору Яковлевичу: «Да, друг мой, Егор Яковлевич, никто более меня не знает ее доброго, сострадательного сердца. Всем, с которыми она была в соприкосновении, всем памятна она была всегдашней готовностью на всякое доброе дело. Я невольно многое заимствовал от нее, и всем, что во мне есть хорошего, я, конечно, обязан ей». Эти неопубликованные письма Николая Сергеевича, которые хранятся в Рижском архиве, поражают нас неисчерпаемой силой любви к этой женщине. Любви, которая во многом осталась не востребованной. Она выразилась в его неустанной заботе, вплоть до мелочей, о многочисленной родне Анны Яковлевны. Эта переписка говорит нам также о человеке, многие таланты которого так и остались нереализованными.

Примечания

1. Неопубликованные письма В.П. Тургеневой хранятся в Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрин (СПб). Цитируем по фотокопии из фондов ОГЛМТ № 7742 нф.
2. Колонтаева В. Воспоминания о селе Спасском // Исторический вестник, 1885. № 10. С. 47.
3. Житова В.Н. Воспоминания о семье И.С. Тургенева. Красноярск: 1986. С. 42-43.
4. Тургенев И.С. ПСС и П в 30 т. Изд. 2-е. Соч. Т. 6. М.: Наука, 1986. С. 198. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы арабскими, письма сопровождаются пометой «П».
5. Житова В.Н. Указ. соч. С. 42.
6. Колонтаева В. Указ. соч. С. 48.
7. Житова В.Н. Указ. соч. С. 140.
8. Там же. С. 140-149.

9. Богданов Б.В. Роман «Два поколения» // Спасский вестник, 1992. С. 16-25.
10. Фет А.А. Мои воспоминания. Ч. 1. М., 1890. С. 271.
11. Щепкина С.Г. И.С. Тургенев в Спасском-Лутовинове // Красный архив, 1940. № 3. С. 219.
12. Бизюкин Ф. Из воспоминаний о семье Спасском-Лутовинове и И.С. Тургенев // Русский вестник, 1885. С. 362.
13. Неопубликованные письма Н.С. Тургенева Е.Я. Шварцу находятся в архиве библиотеки Латвийской Академии Наук (г. Рига). Мг 11182, ЗА FBR 15375, № 4, 8.

Л.М. Александрова

И.С. ТУРГЕНЕВ И А.Т. МАРКОВ

Известно, что И.С. Тургенев с юных лет любил рисовать. Как утверждают исследователи, в детстве учителем рисования будущего писателя был Вивьен, французский рисовальщик, живший в Москве в 1810-40 годах и создавший портреты А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, Е.Н. Ушаковой.

Будучи студентом Берлинского университета, весной 1840 года, путешествуя по Италии с Н.В. Станкевичем, И.С. Тургенева берет уроки живописи у художника Рунда. Н.В. Станкевич писал из Рима Е.П. и Н.Г. Фроловым 13 марта 1840 года: «Тургенев берет у Рунда уроки в рисовании и ужасно пристрастился к живописи. Ховрины сказывали мне вчера, что он у них целый вечер проговорил о живописи и своей страсти к ней. Он, впрочем, не без таланта в этом отношении».¹

В Риме, где будущий писатель провел два месяца, в русской семье Ховриных он познакомился с художником Алексеем Тарасовичем Марковым.

А.Т. Марков (1802-1878) – академик, профессор живописи исторической и портретной в Петербургской академии художеств. Учился в Петербурге в Академии художеств под руководством А.И. Иванова, А.Е. Егорова, В.К. Шебуева. С 1830 по 1841 годы он жил за границей, преимущественно в Италии, в Риме. В 1836 году за картину «Фортуна и нищий» А.Т. Маркову было присуждено звание академика. По возвращению в Россию преподавал в Академии художеств в Петербурге: с 1842 года – профессор живописи исторической и портретной, с 1852 года – профессор первой степени, в 1865 году – заслуженный профессор. За картину «Приам испрашивает у Ахиллеса труп Гектора» Марков награждается

золотой медалью, за картину «Сократ перед своей кончиной беседует с учениками о бессмертии души» - большой золотой медалью. А.Т. Марков участвовал в росписи Храма Христа Спасителя в Москве: исполнил большой образ Троишестипосасного бога, создал величественный образ господина Саваофа для плафона главного корпуса.

О встречах с А.Т. Марковым в Риме И.С. Тургенев упоминает в письме к Т.Н. Грановскому 18 мая 1840 года, говоря об увлечении юной дочерью Ховриных Александрой (Шушу): «Я в Италии привык к обществу. Каждый вечер мы [Станкевич, Марков (живописец) и я] проводили у Ховриных, наверно известных Вам по имени... нас привлекала дочь, милая, умная девушка».²

Об этом пишет и Н.В. Станкевич Фроловым 19 марта 1840 года: «К Ховриным мы ходим все часто: Тургенев, Ефремов и я; Марков тоже каждый вечер там. Я играю в четыре руки с Шушу, потом идет всегда очень веселый разговор, который Марков оживляет своим добрым остроумием<...> Тургенев обыкновенно рисует свои фантазии и очень удачно. Вчера я давал ему библейские темы, наприм[ер]: Адам, который не знает, что ему делать, и проч.»³ Среди этих рисунков Тургенева были карикатуры: «<...> Марков с невестою, над которым Тургенев держит венец, на другой представлен Марков с палитрою и кистью перед Колизеем...»⁴

Позднее, вспоминая об этом периоде своей жизни, И.С. Тургенев писал: «<...> в Риме я одно время рисовал карикатуры – иногда довольно удачно; Станкевич задавал мне разные забавные сюжеты – и очень этим потешался. Особенно смеялся он одной карикатуре, в которой я изобразил свадьбу Маркова (живописца, теперешнего профессора); Марков вздыхал тоже по Шушу, к которой, грешный человек, и я не был совершенно равнодушен»⁵

Известно одно письмо И.С. Тургенева А.Т. Маркову, письма Маркова к Тургенову неизвестны.

Вместе с А.Т. Марковым, Н.В. Станкевичем, Н.В. Ховриным, А.П. Ефремовым и художником Рундом Тургенев осматривал достопримечательности Рима в начале марта 1840 года.

В Русском музее хранится альбом А.Т. Маркова с рисунками 1838 года – римские древности.

В музее-усадьбе И.С. Тургенева Спасское-Лутовиново экспонируется картина А.Т. Маркова «Пейзаж».

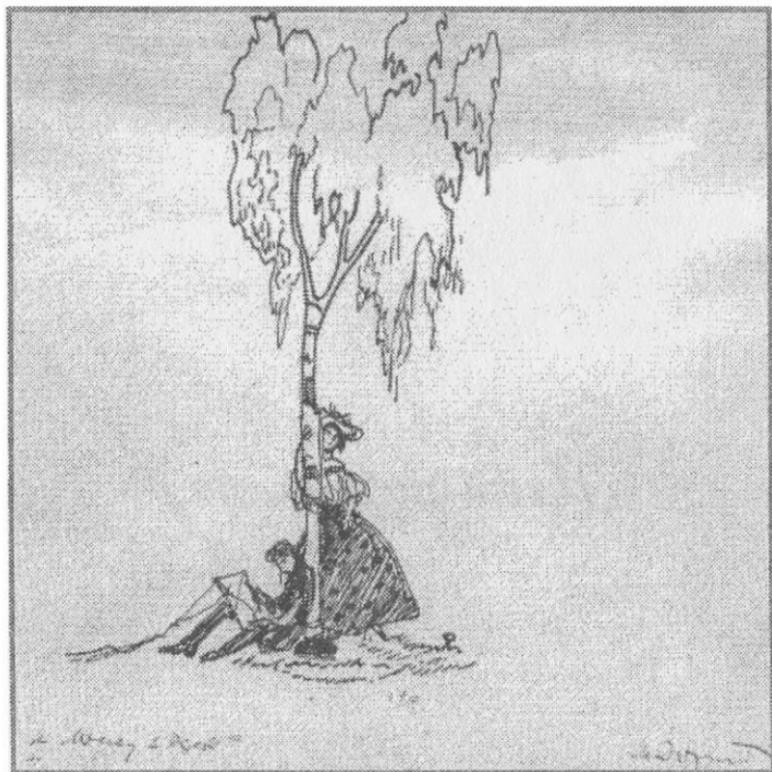
Встречались ли впоследствии Тургенев и Марков – неизвестно.

Примечания

1. Н.В. Станкевич. Избранное. М., Советская Россия, 1982. С. 210.
2. И.С. Тургенев. ПСС и П. С., т.1. 1982. С. 153.
3. Н.В. Станкевич. Избранное. М.: Советская Россия, 1982. С. 213.
4. Там же. С. 216.
5. И.С. Тургенев. ПСС и П. С., т.6. 1983. С. 395.

III

Наши публикации

М. Добужинский. Эскиз декораций к спектаклю МХТ по пьесе И.С. Тургенева «Месяц в деревне». 1910 год.

ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО*

Письма М.Г. Савиной М.А. Стаховичу.

Савина Мария Гавриловна (1854-1915), выдающаяся русская драматическая актриса. С 1874 года до конца своей сценической карьеры выступала на сцене Александринского театра в Петербурге. Ее знакомство с И.С. Тургеневым состоялось в 1879 году, вскоре после того, как Савина блестяще выступила в роли Верочки в спектакле «Месяц в деревне».**

Дружеские отношения великого писателя и талантливой актрисы продолжались до конца дней Тургенева. Они поддерживали переписку, неоднократно встречались в России и за границей – в Париже и Буживале. В 1881 году Савина посетила И.С. Тургенева в его родовом имении Спасском-Лутовинове. И.С. Тургенев очень внимательно следил за творческими успехами актрисы.

После 1883 года Савина принимала участие во всех вечерах памяти И.С. Тургенева, на которых обыкновенно читала сцены из пьес «Месяц в деревне» и «Провинциалка», играла в тургеневских спектаклях.

В публикуемых нами впервые письмах М.Г. Савиной, а также письмах и телеграммах официальных лиц в Орел, речь идет об устройстве «тургеневских спектаклей» в Петербурге и Орле, посвященных 20-летию со дня кончины И.С. Тургенева.

11/24 Августа 1903

Карлсбад

Очень Вам благодарна, Михаил Александрович, за лестное приглашение, очень хочу им воспользоваться, но у меня отпуск до 30 августа. Отсюда я уезжаю 14 числа на 10 дней в Эмс, отдохнуть и починить горло. Как видите: «И хочу, но не могу!» Если бы Вы раньше подумали, да не адресовали бы в контору Императорских театров (где письмо провалялось неделю и случайно попало на мою квартиру), а просто в Петербург, может быть мой приезд в Орел и осуществился бы. Впрочем, весьма вероятно, что планы мои разрушатся и поэтому я остав-

---

* Начало публикации материалов из фондов ОГЛМТ по увековечению памяти И.С. Тургенева в Орле см.: «Тургеневский ежегодник 2001», с. 64-74.

** См.: Мое знакомство с Тургеневым. Из воспоминаний М.Г. Савиной. В кн. «Тургенев и Савина». Петроград, 1918.

ляю за собою право телеграфировать Вам 20 числа. Напишите мне на всякий случай (С. Петерб<ург>, Фонтанка, 38) в какой день предполагается чтение и что, по-Вашему, следует прочесть? Жму Вашу руку.
М. Савина.

Р.С. А.Н. Трубников¹ только что уехал отсюда.

Примечание

1. Трубников А.Н. служил губернатором в г. Орле в 1894-1901 гг.

18 августа 1903 г.
Одесса
Гостин<ица> Лондон

Судя по циркуляру, прочитанному мною сейчас в здешней газете, Ваша затея, Михаил Александрович, не осуществится и мне незачем телеграфировать Вам 20 числа. Но почему этот циркуляр применяется теперь именно? И как бестактно, как дерзко замешано в нем имя Тургенева.

Вместо Эмса, Швейцарии и Биаррица, где по последним известиям «un froid de loup»,^{*} я решила ехать в Крым, но боязнь качки (третий день сильный восточный ветер) удерживает меня пока здесь. Весьма возможно, что к 25-ому я вернусь в Петербург. Знаете ли Вы, что «Месяц в деревне» идет в сентябре? Я хочу приурочить спектакль к дню похорон.

Жму Вашу руку.
Савина.

31 августа 1903 г.
Фонтанка, 38.

Телеграфируя вчера Александру Николаевичу,¹ я не сообразила, что и у Вас, Михаил Александрович, может быть были именинники и очень досадно, что не поздравила их.

Я вся под впечатлением Орла,² т.е. Ивана Сергеевича. Хочется много-много сказать, еще больше написать... Но прежде всего надо сделать дело, которое Вы начали и, которому я от всей души хочу помочь. Немедленно^{**} посылайте прошение Директору³ на имя Мин<нистра> Двора об отдаче Александринского театра на 27 сентября «для устройства спектакля в память Тургенева». Большое счастье, что это

---

* Собачий холод (фр.).

** Подчеркнуто Савиной.

число приходится в субботу и этот спектакль необходимо приурочить к дню похорон И.С. <Тургенева>.

Торопитесь и не теряйте ни единой минуты, а я здесь буду готовить программу «В Александринском театре с участием артистов Императорских театров», не забудьте упомянуть.

Жду присылки Ваших речей и крепко жму Вашу руку.

Савина.

Примечания

1. А.Н. Трубников. (См. Письмо 1, прим. 1).
2. 26 августа 1903 года в Орле, в зале Дворянского собрания состоялся литературно-музыкальный вечер в память И.С. Тургенева при участии М.Г. Савиной, А.И. Южина, М.М. Москвина и Н.И. Сперанского. М.Г. Савина читала сцены из «Месяца в деревне», и вместе с А.И. Южиным – сцены из «Провинциалки». Сбор с этого вечера был предназначен в фонд на сооружение в г. Орле памятника И.С. Тургеневу. Из речи М.А. Стаховича, произнесенной на этом вечере: «... С любовью произнесенное имя Тургенева привлекло к нему на родину таких художников, за которыми все любящие в России искусство привыкли следовать. Такой пример бескорыстного почитания не может не оказаться заразительным. Он окрыляет нас доброй надеждой, что если умер Тургенев, то не умерли с ним в России преданность искусству, высокое служение ему» (ОГЛМТ. 4377 оф).
3. Теляковский В.А., в 1901-1917 гг. – директор Императорских театров. В ответ на прошение был получен ответ из Дирекции Императорских театров от 20 сентября 1903 г.: «Многоуважаемый Михаил Александрович. Прошу извинения, что так долго Вам не отвечал по поводу Тургеневского спектакля. Прощение Ваше было послано немедленно - ответ же мы получили лишь на днях. Я видел М.Г. Савину и говорил по этому поводу. Она думает, что 27-го не успеет организовать этот спектакль и предполагает устроить позже. Во всяком случае разрешение теперь есть и вопрос открыт только в отношении времени – когда спектакль состоится. Примите уверения в моем глубоком к Вам уважении и искренней преданности. Теляковский».

(ОГЛМТ, 340 оф. Публикуется впервые).

8 сентября 1903 г.

Фонтанка, 38.

Увы, Михаил Александрович!

Спектакль Ваш не разрешают на 27-е, ибо он отдан литературному фонду по высочайшему повелению и оно распространяется только на три

благотворительных общества, находившихся под покровительством Императрицы. Я не сомневаюсь, что разрешение Вы получите, но позднее, и сбор мы все-таки возьмем.¹

Речей Вы не приложили по свойственной Вам рассеянности, а фотографию жду весьма (Группу).

Письмо Софии Александровны с приглашением в Пальну² я получила по возвращении из Орла спустя три дня и до сих пор не собралась поблагодарить ее. Ей Богу, не выхожу из театра весь день! Завтра дебютирую в старой роли, но требующей репетиций, на будущей неделе новая пьеса и 26-го «Месяц в деревне». Конечно, я поглощена последним.

Пишу Вам в час ночи и глаза слипаются.

М. Савина.

Примечания

1. См. примеч. 3 к письму № 3.
2. Имение М.А. Стаховича в Орловской губернии.

Письмо А.Ф. Онегина И.И. Лебедеву.

Онегин (Отто) Александр Федорович (1845-1925), известный парижский коллекционер-пушкинист, хороший знакомый И.С. Тургенева. Родился в России, в Петербурге, но с 1869 года почти постоянно жил за границей. Знакомство Онегина с Тургеневым произошло, вероятно, в 1869 году через посредство П.В. Жуковского. С 1880 года Онегин окончательно поселился в Париже, посвятив себя собиранию пушкинских реликвий, созданию «Пушкинского музея», основу которого составила коллекция П.В. Жуковского. Именно в эти годы Онегин наиболее сблизился с Тургеневым, выполнял обязанности секретаря писателя. Своеобразие личности и судьбы Онегина не прошли мимо творческого внимания Тургенева. Онегин является одним из прототипов Нежданова, главного героя романа «Новь» (1876).

Публикуемое письмо является ответом на неизвестное обращение земляков Тургенева к А.Ф. Онегину, свидетельствующее о том, что они хорошо знали обстоятельства жизни писателя и лиц из его окружения.

25, rue de Marignan.
Paris 1912. VIII.

Тронут очень Вашей, многоуважаемый Иван Иванович, предупредительною любезностью и, конечно, радостно использую ее в пределах меня

занимающего дела.¹ О существовании моем Вы, очевидно, узнали из газет, а, следовательно, из них же знаете и о том, что именно меня занимает. Главным образом, - Пушкин до самых мельчайших подробностей и вещей материальных, начиная с рукописей его и кончая ну, скажем, почтовых открыток или народных лубков. Таким образом и «Орловский вестник», издающийся уже 40 лет, печатал, конечно, кое-что о Пушкине в 1881-87-99 и 1912 гг. Эти №№, т.е. quasi Пушкинские, очень бы желательны, но едва ли сохранились.

И.С. Тургенев был моим благожелательным другом, насколько слово «дружество» в наших отношениях уместно при сильном различии возраста. Во всяком случае, с моей стороны была и есть – к нему любовь. Сверх Пушкина и его современников, в своем «музейчике», предназначенном войти в состав «Пушкинского дома» в Петербурге – мне его, увы! не придется увидеть: не дожить! – собираю и все возможное об Ив. Сергеевиче Тургеневе. Значит и те №№ «Орло<вского> В<естника>», в которых о нем печаталось. Провинциальную печать (особенно)* трудно выуживать, особенно живя постоянно за границей.

Я же, конечно, сверх ценности, забочусь и о полноте своего собрания во всех отношениях. Любезное же предложение содействовать мне – каково Ваше – случаются редко: «редко, но случаются!..»

С своей стороны, однако, не вижу возможности идейного вземения, т.е. высылки Вам каталога, т.к. он не существует. В академическом издании «Пушкин и его современники», напечатано в 1909 г. (вып. XII), «описание рукописей, находящихся в музее А.Ф. Онегина в Париже», составл<енное> Б.Л. Модзалевским. Я только могу указать Вам это, не имея вовсе отдельных оттисков.

Итак, мне, моему музею все, абсолютно все годится, и за все буду очень признателен, все самое ничтожное теперь будет полезным нашим потомкам.

Искренне благодарю Вас еще и еще за Ваше теплое отношение к моему любимому делу, а следовательно и ко мне.

А Онегин.
(Onéguine)

25/IX/13

«Дела давно минувших дней!»
Мне было лет ... 17.**

---

* Зачеркнуто Онегиным.

** Приписка слева наискось страницы. (Прим. – А.М.)

В 60-х годах я бывал в Вашей губернии. Помню Владимировых, Матвеевых, Бурнашевых, Барышниковых, Карповых, Плещеевых, Юшковых, Захарбина, Шамшиных, Всеволожских, Токаревых, Зиновьевых (Кал. Губ.), фон Лейнов Прибытковых (?) etc etc.²

Здесь иногда выдаю – не беседую – красавца (?) Дарагана.

На первой странице письма в правом верхнем углу сделана притиска карандашом (вероятно, рукой Онегина): «Кто был губернатором, когда Тургенев прибыл “высланным” в свою деревню?»

Примечания

1. Вероятно, имеется в виду присылка юбилейного № газеты «Орловский вестник», 1913, 22 августа, № 193, посвященного 30-летию со дня кончины И.С. Тургенева.
2. Перечислены фамилии представителей орловского дворянства.

Уведомление канцелярии министерства Императорского Двора

Начальник канцелярии министерства Императорского Двора.
Его превосходительству М.А. Стаховичу.

Вследствие возбужденного Вашим Превосходительством ходатайства о представлении Императорского Александринского Театра для устройства спектакля на усиление средств Комитета по сооружению памятника <И.С.> Тургеневу, по поручению Министра Императорского Двора, имею честь Вас, Милостивый Государь, уведомить, что изложенное ходатайство, к сожалению, не может подлежать удовлетворению, в виду полученного Генерал-Адъютантом Бароном Фредерикс в июне сего года особого Высочайшего указания о запрещении на будущее время представлять ИМПЕРАТОРСКИЕ театры в течение сезона для благотворительных целей, - о чем и было помещено известие в Правительственном Вестнике от 18-го того же июня.

Примите уверения в истинном почтении и совершенной преданности.
Всегда готовый к услугам

А. Мосалов

№ 7789 «23» сентября 1903 г.

(ОГЛМТ, ф. 1, 288 оф).

Телеграмма

Орел Его превосходительству Михаилу Александровичу Стаховичу
Орел Петербурга пр. 44 24/9. 4. 16 дн.

По приказанию Министра Императорского Двора имею честь сообщить, что на представление театра на 27 сего сентября соизволения не последовало в виду общего распоряжения, опубликованного в Правительственном Вестнике 18 июня.

Исполняющий обязанности начальника канцелярии

Гардер

(ОГЛМТ, ф. 1, 294 оф)

Телеграмма

Орел Предводителю Дворянства
М.А. Стаховичу. Срочная
Орел Петербурга Высочайшая 134. 42. 25. 9
15. 45. дн

При всем желании Дирекции и М.Г. Савиной устроить спектакль в виду состоявшегося в июне Высочайшего повеления не разрешать в течение сезона представлений в ИМПЕРАТОРСКИХ театрах в пользу каких-либо учреждений ходатайство нашей комиссии отклонено.

Константин¹

В левом верхнем углу бланка надпись карандашом: «Сбор на памятник Тургеневу в Орле».

(ОГЛМТ, ф. 1, 295 оф).

Примечание

1. Великий князь Константин Константинович Романов.

**ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ОПИСЬ ИМЕНИЯ В
С. СПАСКОМ-ЛУТОВИНОВЕ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО
И.С. ТУРГЕНЕВУ**

Содержание документа в целом важно и необходимо для усадьбы - заповедника И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново», так как сообщает дополнительные ценные сведения о строениях с краткой их характеристикой на последний год жизни писателя. В настоящее время в музее-заповеднике И.С. Тургенева из указанных в описи строений восстановлены: главный усадебный дом, флигель «изгнанника», каретный сарай и конюшня, подвал, богадельня, баня.

Заверенная «с копии копия» Опись хранится в фондах Государственного литературного музея И.С. Тургенева в Орле (Инв. №328 оф.).¹

Опись поступила в музей от наследницы писателя О.В. Галаховой в 1918 году.² Документ представляет собой рукопись на 2-х листах писчей бумаги русского производства фабрики И. Говарда (Калуга) с поверхностью мелкого тиснения и тисненным же фирменным знаком в виде двуглавого орла и надписи «Говард» в верхнем левом углу листа 1; в правом верхнем углу наклеена гербовая марка в 60 копеек. Марка перечеркнута крест накрест и помечена датой «17 января 1885 г.» (дата составления данной копии). Листы исписаны с лица и оборота черными чернилами.

Текст впервые частично цитировался в примечании к письму И.С. Тургенева управляющему Н.А. Кишинскому.³ Публикуемая ниже опись была начата и закончена в один день. В ней дается подробный перечень построек в имении И.С. Тургенева с. Спасское-Лутовиново и хуторе Петровском. Составленная опись имеет вид таблицы из пяти колонок. Основной текст заключен в графе «Подробная опись имения», который включает всего 23 пункта.⁴ В графе «оценка» в деньгах выведена общая сумма - 165000 рублей (в цифрах), указания на особые отметки отсутствуют.

Текст даётся в современном написании с сохранением пунктуации подлинника.

Охранительная опись недвижимого имущества, принадлежащего умершему Помещику Ивану Сергеевичу Тургеневу, составленная и. д. Судебного Пристава 1 участка Мценского Съезда Мирowych Судей С.И. Соколовым, на основании поручения Г. Мирowego Судьи 1 участка Мценского Округа, от 29 Августа 1883года за №625.

Опись начата 1 Сентября
Опись окончена 1 Сентября

1883 года

Подробная опись имения*

Описываемое имение состоит Орловской губернии, Мценского уезда, 1-го Мирового участка, 1 стана Ковергинской волости при селе Спасском, Лутовиново тож, заключающееся в земле в количестве Тысячи ста десятин, из коих распахной шестьсот десятин, под лесом, выгоном, лугами, усадьбою и дорогами пятьсот десятин. Описанная земля граничит с землями общества крестьян села Спасского, деревень Мацневой и Чапкиной и землею священноцерковно служителей села Спасского Мценского уезда и дер<евни> Голоплёк Чернского уезда. На описанной усадебной земле находятся следующие постройки

1. Деревянный одноэтажный дом крытый железом, мера его длины пятьдесят пять аршин и ширины двадцать аршин, в нем двадцать комнат с оштукатуренными стенами и оклеенными обоями; сорок окон, двадцать шесть дверей одностворчатых и двухстворчатых с медными приборами столярной работы; семь голландских печей, пол выкрашен под паркет; около дома в сад деревянная терраса.

2. Деревянный одноэтажный обложенный кирпичом флигель, крытый железом мера его длины двадцать пять аршин и ширины пятнадцать аршин, в нем девять комнат, тринадцать окон, пятнадцать дверей, пять печей, из коих одна пекарная, дощатый пол и потолок

3. Каменный сарай крытый дранью длины одиннадцать сажень и ширины пять с половиною сажень в нем двое ворот

4. Каретный сарай и конюшня деревянные под одной железной крышей длины восемь с половиною сажень и ширины пять с половиною сажень; сарай с одними воротами и с потолком; в конюшне одна дверь, дощатый пол и потолок и шесть рубленных стойл для лошадей.

5. Две жилых бревенчатых избы под одной крышей крыты дранью длины двадцать семь аршин и ширины девять аршин, в коих пять комнат, шесть окон, четыре двери, две пекарных печи, дощатый пол и потолок

6. Бревенчатый амбар с поднавесом крытый железом о трех отделениях, длины двадцать четыре аршина и ширины девять аршин, стремя две-

* Сохранены орфография и пунктуация подлинника.

рями, девятью закромами и потолком.

7. Деревянная бревенчатая новая баня крыта железом длины восемь аршин и ширины семь аршин в ней четыре окна, три двери, одна печь с баком, дощатый пол и потолок.

8. Каменный подвал крытый железом длины шесть арш<ин> ширины пять аршин с каменным рукавом и двумя дверьми.

9. Деревянная бревенчатая богадельня, крыта железом длины восемнадцать аршин и ширины десять аршин, две печи, из коих одна пекарная, три комнаты, семь окон, шесть дверей, дощатый пол и потолок.

10. Деревянное бревенчатое училище крыто тѣсом мера ее длины четырнадцать аршин и ширины семь аршин в ней шесть комнат, пять окон, пять дверей, дощатый пол и потолок

11. Кирпичная оранжерея крыта тѣсом, длина тридцать пять аршин и ширина двенадцать аршин; к ней пристроена кирпичная теплица длины двенадцать аршин и ширины девять аршин. В оранжерее тринадцать деревьев персиков в грунте и два абрикоса; в теплице пять деревянных ящиков, сорок три рамы.

Означенную опись производил со слов сторонних людей. Описанное имение находится в арендном содержании у Помещика Александра Михайловича Щепкина.⁵ Описанная земля со всеми постройками оценена каждая десятина по стопятидесяти руб<лей>, а всего Сто шестьдесят пять тысяч рублей

Опись производил и. д. Судебного Пристава 1 участка Мценского Съезда Мирowych Судей Соколов (М.П.) При описи присутствовал Заседатель Мценского Уездного Полицейского Управления Иван Константинов. При описи свидетелями находились и оценку полагали крестьяне С. Спасского Лутовиново тож Филипп Яковлев Игнатов, Петр Иванов Свинецкий⁶ и Ефим Курский, а вместо их неграмотных по их личной просьбе и за себя расписался Землевладелец Захар Федоров Балашов.⁷ При описи находился сельский Староста С<ела> Спасского Петр Сергеев Пасынков, а по неграмотству его прилагается (М.П.) При описи находился оценку полагал и описанное имение на хранение принял и копию описи получил Землевладелец дворянин Николай Александрович Щепкин.⁸ С подлинной верно: Мировой Судья В. Беер (М.П.)

С подлинною верно Начальник Отделения

С подлинного читал Бухгалтер (подпись)

Примечания

1. Автор благодарит руководство и работников фондов Орловского государственного литературного музея И.С. Тургенева за предоставленные материалы и помощь в работе с ними.
2. Описание материалов Государственного музея И.С. Тургенева. Составил А.И. Понятовский. Ч.1. Орёл, 1968. С.36.
3. Полное собр. сочинений и писем И.С. Тургенева в 28-и томах. Письма Т. 8. М.Л.: «Наука», 1964. С.461.
4. Публикуемый текст касается только строений с. Спасского.
5. Щепкин А.М. (1828-1885) - сын актера М.С. Щепкина, имение которого находилось в 2-х верстах от Спасского.
6. Свинецкий П.И. - скорее всего - крестьянин Синецкий, который, будучи в Петербурге по плотничьим делам, будет через три с половиной недели провожать И.С. Тургенева в последний земной путь. «Впереди шли бывшие крепостные крестьяне покойного писателя». (Литнаследство. Т. 76. М.: «Наука», 1967. С. 680). Синецкие, Курские, Пасынковы (ниже упомянаемые в тексте документа) - потомки этих крестьян И.С. Тургенева до сих пор живут в Спасском-Лутовиново и его окрестностях.
7. Балашов З.Ф.(1824 - ?) - «известный всему литературному кругу Захар» был долгое время камердинером И.С. Тургенева. (См. Копьёва Т.И. «З.Ф. Балашов - И.С. Тургеневу», оп 5, д. 45, ГМЗТСЛ).
8. Щепкин Н.А. (1850-1913) - управляющий имениями И.С. Тургенева с 1876 по 1883 годы. В конце августа (ст. ст. - прим. В. В.) 1883 года Н.А. Щепкин находился в своем недавно купленном имении с. Никольском-Истомине Веневского уезда Тульской губернии. Как только он узнал о смерти писателя, он поспешил к своему отцу. Оттуда он писал своей жене: «Ужасная скука в Катужицево, не знаю, когда выберусь отсюда, описывать имение еще никто не являлся. Все жду» (подчеркнуто - В. В.) (Сведения из статьи Л.Д. Сережкиной «Флигель изгнанника», Тургеневский сборник. Вып. I. М.: Русский путь. 1998. С. 139). Академическое издание дает другую датировку смерти Щепкина. В неопубликованных материалах, хранящихся в фондах ОГЛМТ, указана дата смерти сентября 1913г. (ОГЛМТ, № 2571 оф).

Г.Н. Павлова

«ЭПОХА ТУРГЕНЕВА <...> БЫЛА МНЕ ДУШЕВНО БЛИЗКА»

Среди наиболее ценных экспонатов Орловского тургеневского музея в разделе «Творческое наследие И.С. Тургенева в русском дореволюционном искусстве» особо выделяются эскизы замечательного русского художника М.В. Добужинского к спектаклям Московского Художествен-

ного театра по пьесам И.С. Тургенева. Ценность этих работ, в некоторой степени, определяется не только новаторством художника и неугасающим интересом к его творчеству в среде зрителей и коллег, но и тем, что большая часть наследия Добужинского в настоящее время находится за пределами России, рассеяна по странам Европы и США и недоступна созерцанию соотечественников.

Мстислав Валерианович Добужинский родился 2 августа 1875 года в Нижнем Новгороде в старинной дворянской семье. Его раннее детство, студенческие годы и начало творческой деятельности связаны с Петербургом, большую же часть зрелой жизни Добужинский прожил за пределами России. Одним из интереснейших представителей родословного древа художника по материнской линии был знаменитый архимандрит Фотий (в миру Петр Никитич Спасский, 1792-1838), игумен Юрьева монастыря под Новгородом, духовник Александра I, фигура неоднозначная, но бесспорно значимая в русской истории и, кроме всего прочего, отмеченная, как гласит предание, великим Пушкиным в нескольких эпиграммах, одна из которых направлена была на щедрую дарительницу монастыря графиню А.А. Орлову-Чесменскую:

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию.

А о самом Фотии поэт писал еще более жестко:

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких, -
Полу-благих, полу-святых.¹

Дед художника по материнской линии был родным племянником архимандрита, и, как писал Добужинский в своих воспоминаниях: «Рыжие волосы Фотия наследовали многие из моей родни».²

Говоря о родословии художника, небезынтересно упомянуть о свойстве Добужинских с физиологом Павловым, жена которого была родной сестрой жены дяди Добужинского.

Мать художника Елизавета Тимофеевна Софийская, оперная и ка-

мерная певица, работавшая в основном в провинциальных труппах, в 1879 году разошлась с мужем, оставив ему трехлетнего сына. Несмотря на участие матери в его воспитании, все же большее влияние на него оказал отец, от которого и был им унаследован природный талант художника. Валериан Петрович Добужинский, генерал-лейтенант, великолепно делал зарисовки с натуры и был «по призванию, в сущности, натуралистом». Он собрал ценную библиотеку по естествознанию, а их петербургскую квартиру «превратил в подобие сада с птицами и даже со зверями», центром которого был шестиведерный аквариум, в котором жили не только рыбки, но и ящерицы, и черепахи. Во время службы в Туркестане Валериан Петрович познакомился с известным естествоиспытателем, путешественником А.П. Федченко и по его примеру собрал большую коллекцию насекомых и передал ее Академии наук, получив за это диплом. История знакомства В.П. Добужинского и А.П. Федченко сохранилась в семье ученого, о чем поведал сотрудникам тургеневского музея его внук Алексей Борисович Федченко, давний друг и даритель музея.

Отец делал все, чтобы развить в сыне природную наблюдательность и интерес к чтению, естествознанию. Музыкальная одаренность мальчика поражала окружающих уже когда ему было три года. Но все это отступало перед желанием рисовать. «О том, чтобы стать художником, как-то не говорили – это само собой разумеется, так как художником я уже был, как себя помню, - с тех пор, как научился держать в руках карандаш»³ – вспоминал Добужинский.

Потом была учеба в гимназии, юридический факультет Петербургского университета, учеба в частных художественных школах России и за границей, самообразование в стенах Эрмитажа и знаменитых европейских музеев.

В 1897 году студент третьего курса университета Добужинский совершил свое первое заграничное путешествие в Германию, целью которого было побывать в художественных центрах – Мюнхене и Дрездене, посетить музеи и поучиться в какой-нибудь художественной школе. Но в первые же дни пребывания в Германии он изменил намеченный маршрут и три дня провел в старинном Гейдельберге, где «все оказалось еще очаровательнее, чем я предполагал, вспоминая Тургенева»,⁴ – писал он позднее.

Живя в Баден-Бадене, И.С. Тургенев неоднократно бывал в соседнем Гейдельберге, консультируясь с доктором и наблюдая за «дикими русскими юношами», русскими студентами, претендовавшими на роль политических эмигрантов. Это было время работы И.С. Тургенева над романом «Дым» (1863 г.), в котором отразились полученные писателем впечатления и есть несколько упоминаний о Гейдельберге, замеченных

внимательным читателем – Добужинским. В письме к отцу 30 июня 1897 года он писал: «Не думал я и не гадал, что за дивный уголок Гейдельберг. Городок небольшой, типичный немецкий. Старина на каждом шагу. Немцы молодцы, берегут ее и не портят».⁵

Пройдя серьезную профессиональную подготовку за границей, М.В. Добужинский в конце 1902 года стал полноправным членом творческого объединения «Мир искусства», с которым его прежде всего связывала общая культура, широта взглядов и культ индивидуальности художественного воплощения творческих замыслов.

В 1900-е годы Добужинский начал активно работать как театральным художником. Это был период нового витка в развитии русского театра, коснувшийся, в частности, и художественного оформления сцены, которое превращалось в один из главных элементов спектакля. Наиболее ярким носителем новых принципов сценографии в эти годы стал Московский Художественный театр во главе с К.С. Станиславским, сделавшим смелый шаг на сближение с художниками «Мира искусства», свободными от штампов, но имевшими репутацию декадентов.

20 мая 1907 года состоялось знакомство М.В. Добужинского с режиссером МХТ К.С. Станиславским, а в феврале 1909 года он получил от него предложение оформить спектакль МХТ по пьесе И.С. Тургенева «Месяц в деревне». С этого момента начался долгий и плодотворный период творчества художника в рамках классического искусства, а работы для МХТ выдвинули его в ряд самых значительных мастеров своего времени.

В оформлении этого спектакля проявилось умение Добужинского очень тонко подметить и передать атмосферу русских помещичьих усадеб первой половины XIX века. Во многом этому способствовали впечатления, полученные Добужинским в юности на родине Тургенева. Вот как он писал об этом позднее в своих воспоминаниях: «Эпоха Тургенева, особенно 1830-1840-е годы, была мне душевно близка <...> и довольно хорошо был знаком мне и помещичий быт <...>. Русскую деревню и помещичью жизнь мне пришлось узнать в моей молодости довольно поздно, детство же мое было полно самых разнообразных впечатлений от поездок по России. <...>. Первый раз я поехал в деревню, только что перейдя в 7-й класс гимназии <...>. Отец посоветовал мне по дороге остановиться в Орле, где жила его двоюродная сестра, которую и он, и моя мать знали еще в молодости.

В Орле <...> на огромной площади пахло сеном и дёгтем, под ногами были <...> гигантские булыжники, и меня поразил размах этого города: каменные солидные дома, обширные их сады, необыкновенного простора

улицы, вдоль которых вольно носились целые тучи пыли.

Моя двоюродная тетка жила в старинном деревянном особняке на одной из окраинных тихих улиц, неподалеку от самого «Дворянского гнезда», городской усадьбы Лизы Калитиной – предание еще было живо... Дом моей тетки был настоящий «барский». Внутри все было комфортабельно и солидно – темные, тяжелые портьеры, старомодная мебель, особенно блестящий паркет, повсюду растения и цветы – от всего веяло домовитой, налаженной жизнью и уютом. <...>

Мне хотелось себя настроить поэтически: романы Тургенева я сравнительно недавно прочел впервые, и они были еще мне совсем «осязательны», и я похаживал в мечтательном уединении возле «Лизиной» усадьбы, но, увы, все там было каким-то новым, и блестела только что выкрашенная крыша дома. На старый калитинский сад я мог умиляться лишь издали, видя только верхушки его деревьев, - он был окружен глухой стеной.

Время в Орле промелькнуло бесследно: там я больше никогда не был. <...>.

Будь я постарше, я бы воспользовался встречей с <тетей> Ольгой Григорьевной и расспросил бы ее про то замечательное орловское имение ее матери Витички, которое стало одно время как бы гнездом рода Добужинских». ⁶ <...>

(Судя по данным «Списка населенных мест Российской империи» 1871 года это имение Добужинских находилось в Севском уезде Орловской губернии). ⁷

«В течение ряда лет в Витички съезжалось очень много родни, бывал и мой дедушка Петр Осипович, и его сыновья, и дочери, и особенно оживленна была тамошняя жизнь в конце 1860-х годов, о чем я также много узнал от моей матери (она с моим отцом там провела и свой медовый месяц в июне 1869 года <...>).» ⁸

До работы в МХТ Добужинский никогда не видел «Месяца в деревне» на сцене, это позволило ему найти нетрадиционное решение поставленной перед ним задачи: подготовить декорации отвечающие духу пьесы, в которой бурные душевные переживания героев лишь ненадолго нарушают привычный, неторопливый уют помещичьей жизни.

Премьера спектакля «Месяц в деревне» состоялась 9 декабря 1909 года и явилась настоящим событием в истории МХТ по выразительности актерской игры и тургеневской лиричности постановки. При поднятии занавеса раздалась аплодисменты декорациям, которые были настолько реалистичны, что зрители «узнавали» изображенные места и спорили о том, какой уголок усадьбы зарисовал художник.

Главные роли в спектакле исполняли К.С. Станиславский (Ракитин), О.Л. Книппер-Чехова (Наталья Петровна) и Л.М. Коренева (Верочка), с которыми художник нашел не только общий «творческий» язык, но и подружился на долгие годы.

Самым ценным комплиментом для Добужинского было признание актеров в том, что его декорации помогли им в создании образов героев пьесы.

В мае 1910 года МХТ привез «Месяц в деревне» в Петербург. Побывавшая на спектакле М.Г. Савина сказала Добужинскому: «Как бы я хотела сыграть в Ваших декорациях».⁹

Пресса восторженно отзывалась о спектакле. 11 декабря 1909 года газета «Утро России» писала: «Руководство М.В. Добужинского художественной частью постановки “Месяц в деревне” дало чрезвычайно счастливые результаты. Благодаря ему, обычная для театра внимательность постановки соединилась на этот раз с настоящей художественной страстностью. Все образы Тургенева нашли благороднейшее внешнее воплощение, а в быте того времени было понято и показано зрителям то прекрасное, что составляет его душу».¹⁰

В 1910 году, вдохновленный удачной работой над спектаклем, Добужинский создал две серии иллюстраций к «Месяцу в деревне». Одна из них была непосредственным продолжением театральной работы (акварель, 1910 г. в собрании И.С. Зильберштейна), а вторая – ее органичным развитием: сюжеты рисунков часто отражали не только события, описанные в пьесе, но и их возможное продолжение, что послужило толчком к новому направлению развития книжной графики. Один из таких рисунков тушью, навеянный темой пьесы, хранится в музее И.С. Тургенева.

Светлые чувства, вызванные работой над тургеневской пьесой, Добужинский сохранил в своей душе навсегда и посылал К.С. Станиславскому поздравления с очередной годовщиной постановки «Месяца в деревне».

В 1912 году Добужинский также успешно оформил Тургеневский спектакль МХТ по пьесам писателя «Где тонко, там и рвется», «Нахлебник» и «Провинциалка». Им были еще подготовлены декорации и к «Вечеру в Сорренто», но эта постановка не была осуществлена.

К лучшим театральным работам Добужинского относятся, помимо тургеневских, и последующие его работы для МХТ: «Николай Ставрогин» (1913 г.) и «Село Степанчиково» (1917 г.) по Достоевскому, «Горе от ума» (1914 г.) по Грибоедову.

После революции Добужинский принял участие в организации Большого драматического театра в Петрограде. В 1922 году он стал профессо-

ром Академии Художеств. В 1924 году – переехал в Литву; позднее жил в разных странах Европы, а в 1939 году уехал в США. За границей он много работал в театрах, создал декорации к спектаклям «Борис Годунов» (1941 г., Лондон) по пьесе А.С. Пушкина, «Сорочинская ярмарка» (1942 г., Нью-Йорк) по Н.В. Гоголю, «Событие» (1941 г., Нью-Йорк) по пьесе В. Набокова, «Любовь к трем апельсинам» (1949 г., Нью-Йорк) С. Прокофьева и др.

Значительное место в творчестве М.В. Добужинского всегда занимали иллюстрации к литературным произведениям. При этом, как правило, он брался за иллюстрации по собственной инициативе, исходя из своих литературных пристрастий. Из писателей орловского края, кроме И.С. Тургенева, ему был интересен Н.С. Лесков. Он иллюстрировал лесковских «Левшу» и «Тупейного художника». В фондах музея И.С. Тургенева хранится издание книги Н.С. Лескова «Тупейный художник» с иллюстрациями М.В. Добужинского, осуществленное петербургским издательством «Аквилон» в 1922 году тиражом 1500 экземпляров. На титульном листе – дарственная надпись от издателей сыну писателя А.Н. Лескову. Кроме иллюстраций привлекает внимание благородство общего вида книги, изящные заставки и оформление заглавных букв к каждой главе. Это издание, бесспорно, является украшением коллекции редких книг музея.

На протяжении жизни судьба сводила Добужинского со многими известными представителями культуры. В круг его знакомых входили: И.Э. Грабарь, А.Н. Бенуа, Б.М. Кустодиев, М.К. Чюрленис, К.И. Чуковский, М. Горький, М.З. Шагал, В.Ф. Комиссаржевская и многие другие.

Богатое общение, высокий интеллект, участие почти во всех событиях художественной жизни России начала XX века, интересная работа за рубежом, хорошее владение литературным слогом – все это способствовало тому, что М.В. Добужинский вошел в историю культуры не только как блистательный художник, но и как автор ряда статей и интереснейших мемуаров, наполненных тонкими критическими оценками, историческими экскурсами и яркими эпизодами. К сожалению, его литературное наследие мало доступно широкому кругу читателей.

С 1920 года и до конца дней своей жизни, Добужинский писал воспоминания, мечтал об издании книги, работа над которой была своего рода лекарством от ностальгии, давившей его непосильным психологическим грузом. От тяжести этого чувства не спасала даже хорошая семья: близкая по духу жена Софья Осиповна, дети – Ростислав, Всеволод, Вера. Ностальгия проливалась и на холст; так, в частности, родилась большая серия петербургских пейзажей маслом, темперой, акварелью.

В 1957 году М.В. Добужинский умер в Нью-Йорке.

Неоконченная книга воспоминаний художника была впервые издана в России лишь в 1987 году стараниями его сыновей и при деликатном участии тонкого исследователя Г.И. Чугунова.

Эскизные работы М.В. Добужинского к спектаклям по пьесам И.С. Тургенева «Нахлебник» и «Месяц в деревне», выполненные тушью, гуашью, акварелью, были закуплены орловским музеем писателя в 1953 году у москвича Гордона, а в 1965 и 1967 годах в фонды музея поступили еще два наброска из Госмузея Татарии и музея-усадьбы Абрамцево. Среди них, на мой взгляд, особенно интересны эскиз костюма Верочки к «Месяцу в деревне» и рисунок тушью, навеянный пьесой. Моделью для художника при создании серии иллюстраций к этой пьесе послужила замечательная русская актриса, одна из основоположниц МХТ – Лидия Михайловна Коренева (1885-1982). В фондах музея хранится дореволюционная фотооткрытка: Л.М. Коренева – Верочка, запечатленная в костюме, созданном Добужинским.

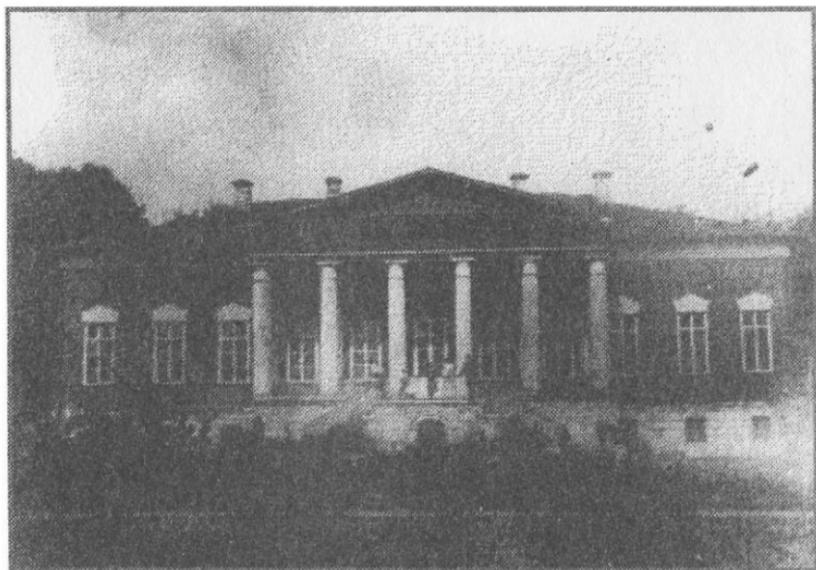
Эти эскизы являются такими же яркими жемчужинами в коллекции музея, как и хранящиеся в Орле работы М. Волошина и З. Серебряковой.

Примечания

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 334-335.
2. Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 45.
3. Там же. С. 26.
4. Там же. С. 136.
5. Там же. С. 387.
6. Там же. С. 237, 109-110, 315.
7. Списки населенных мест Российской империи. Т. XXIX. Орловская губерния. СПб., 1871.
8. Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 316.
9. Там же. С. 245.
10. Там же. С. 430.

IV

На родине Тургенева

*Главный дом усадьбы Мухановых-Тургеневых-Унковских-
Даниловых в селе Железцево Калужской губернии.
Фотография 1900-х годов (из архива А.С. Днепрова).*

РОДНАЯ УЛИЦА ИВАНА ТУРГЕНЕВА

Древние названия населенных пунктов, городских слобод, площадей, проспектов, бульваров, улиц и переулков отражают их вековую историю, их топографию и местные особенности, придающие им индивидуальный облик и неповторимый колорит. Вот почему эти названия относятся к памятникам истории и культуры, и их необходимо оберегать.

Но, по подсчету краеведа В.Г. Емельянова, автора книги «Улицы города Орла», за весь дореволюционный период в нашем городе было всего 14 переименований улиц, а за годы Советской власти – 452. Особенно «ударными» оказались 1928 и 1938 годы, когда свои названия сменили соответственно 31 и 65 улиц и переулков.

Во второй половине 1939 года на плане Орла появилось новое название у одной из старинных улиц города – имя великого русского писателя-сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина. А исконное название улицы – Борисоглебская (Соборная Борисоглебская). Она проходила мимо кладбища, на котором до 1780-х годов предавали земле жителей III части города (после их погребали на новом кладбище – Троицком). И улица, и прежнее кладбище имели одинаковое наименование – Борисоглебская, так как в 1776 году началось и через шесть лет завершилось строительство рядом с кладбищем церкви во имя святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба.

Церковь была небольшого размера с деревянной колокольной. С упразднением кладбища при ней она стала приходской, а после построения поблизости от нее здания присутственных мест – соборной. Поскольку церковь не отапливалась, в 1817 году с ее южной стороны пристроили теплый придел имени Рождества Божией Матери.

В это время на Борисоглебской улице поселились молодожены С.Н. и В.П. Тургеневы, будущие родители великого писателя. За месяц с небольшим до рождения сына Ивана Варвара Петровна подарила своему мужу приобретенный ею до этого «деревянный дом с местом, садом, флигелями и всякого рода строениями.. состоящий в г. Орле в третьей части в приходе Бориса и Глеба». Дом был угловым, находился на пересечении улиц Борисоглебской (Салтыкова-Щедрина) и Георгиевской (Тургеневской).

28 октября 1818 года в нем родился Иван Сергеевич Тургенев. Три дня спустя в метрической книге Борисоглебского собора под № 137 появилась запись: «Капитана Сергея Николаевича Тургенева жена Варвара

Петровна родила сына Ивана, восприемник генерал-майор Федор Семенович Уваров; крестил протоирей Иаков Орлов с причтом».

Недавно стало известно, что Борисоглебская церковь, сгоревшая в ночь с 2 на 3 октября 1941 года, исчезла не бесследно. Сохранился входящий в состав церковной усадьбы дом причта (улица Салтыкова-Щедрина, 35-а). Он совершенно затерялся между угловой четырехэтажной коробкой (ул. Салтыкова-Щедрина, 35), трансформаторной будкой и поликлиникой УВД (ул. Салтыкова-Щедрина, 37), построенной, как утверждают, на фундаменте бывшей церкви во имя Бориса и Глеба.

Дом причта представляет собой массивное одноэтажное кирпичное здание на высоком фундаменте с тремя окнами на главном фасаде. С одной стороны к нему примыкает внушительный шестиметровый кирпичный забор (высотой около 2, 5 м), завершающийся трехметровыми старинными железными воротами между двумя метровыми квадратными кирпичными же столбами.

Крестный отец будущего писателя Ф.С. Уваров заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов. С самого начала своей военной карьеры он зарекомендовал себя отважным офицером. Раненый пикой в Бородинском бою Уваров в 1814 году «за отбитие неприятельского орудия» получил Георгиевский орден. Во время войны с наполеоновскими полчищами он командовал полком, в котором служил и храбрый офицер Сергей Тургенев. Позже судьба забросила их в Орел, где в подчинении Федора Семеновича была первая бригада 2-й кирасирской дивизии. Понятное дело, он не мог отказать в просьбе давнишнему сослуживцу стать восприемником его сына.

С историей Борисоглебской улицы связаны и другие именитые орловцы. В каменном двухэтажном доме, недалеко от орлицкого крутого берега прошли опальные годы героя Отечественной войны генерала А.П. Ермолова. Здесь произошла его памятная встреча с великим Пушкиным. На углу Борисоглебской и Введенской (7-го Ноября) улиц располагалась усадьба академика архитектуры И.Ф. Тибо-Бринноля, многое за четверть века на посту губернского архитектора сделавшего для украшения города.

В самом начале улицы, с левой стороны сохранился флигель, в котором по приглашению купца Бакина в 1904 году останавливался знаменитый Иоанн Кронштадский. А в последнем доме на этой стороне улицы, тоже уцелевшем, жил писатель и краевед В.Н. Лясковский, автор книги «Братья Киреевские». В его доме одно время квартировал великий князь Михаил Александрович, младший брат последнего российского императора, который решением Думы был удостоен звания Почетного гражданина города Орла.

Любопытно отметить, что в этом же доме, но уже в наше время, в послевоенные годы, проживал еще один Почетный гражданин областного центра – генерал-лейтенант Г.С. Родин, командовавший в Орловско-Курской битве Уральским танковым корпусом, который освободил пять районов области.

На Борисоглебской улице в начале 1870-х годов находился и дом преподавателя Александринского института благородных девиц А.Н. Чудинова, выпустившего несколько учебных руководств по русскому языку и словесности. В конце 1871 года он обратился к бывшему тогда за границей И.С. Тургеневу с предложением сотрудничать в затеваемой орловской интеллигенцией газете. Охотно согласившись на предложение, Иван Сергеевич в январе 1872 года подчеркнул: «Каждому человеку свойственно сделать что-нибудь особенное для своего родного города».

Однако первые три года газета представляла собой еженедельный справочный листок о местных делах. Чудинов упорно добивался превращения «Орловского справочного листка» в ежедневный литературно-политический орган. Познакомившись с программой задуманной газеты, Тургенев в начале 1875 года уведомлял своего орловского адресата: «Я от всей души желаю, чтобы в родном моем городе нашлась достаточная поддержка Вашему полезному предприятию...»

Только в 1876 году Чудинов достиг своей цели, редакция газеты перешла к нему, а с 21-го номера она стала называться «Орловский вестник». В октябре того же года газета известила своих читателей о том, что И.С. Тургенев «уведомил редакцию, что им предназначен для помещения в “Орловском вестнике” отрывок из романа “Ночь”, который и будет непременно напечатан в нашей газете в декабре».

Следует подчеркнуть, что роман еще не публиковался, и автору, чтобы поместить отрывок из «Нови» в «Орловском вестнике», пришлось просить согласия у М. Стасюлевича, редактора «Вестника Европы», где он должен был быть напечатан в первых двух номерах журнала за 1877 год. «В Орле издается, - извещал Тургенев Стасюлевича, - маленький журнал под заглавием “Орловский вестник” (Вам, вероятно, известно, что Орел мой родной город). Редакция просила меня не соглашусь ли я дать ей небольшой отрывок в виде “новинки”; я отвечал, что спрошусь сперва у Вас. Полагаю, что Вы не найдете в этом ничего предосудительного...»

24 декабря 1876 года в «Орловском вестнике» были напечатаны конец второй и третья глава романа «Ночь» до его опубликования в «Вестнике Европы». Редакция газеты тогда размещалась в доме Чудинова. Письма его к Тургеневу не сохранились. Возможно, в одном из них редактор газеты сообщал своему великому земляку о том, что живет на той же Бори-

соглебской улице, где писатель «впервые познал сладость бытия».

Читатель уже обратил внимание на то, что Тургенев в приведенных выше фрагментах из его писем трижды называет Орел своим «родным городом». Иван Сергеевич вполне мог бы назвать родной и ту улицу, на которой находились невдалеке друг от друга родительский «деревянный дом с местом», где он родился, и Борисоглебский соборный храм, где принял святое крещение. Да и редакция «Орловского вестника», который писатель регулярно получал в Париже, на первых порах размещалась на ней же.

Если взглянуть на план Третьей части дореволюционного Орла, легко можно убедиться в том, что Борисоглебская улица является, говоря словами Тургенева, «одной из крайних улиц губернского города О...» Самой крайней была Верхне-Дворянская (Дворянская) улица, а Борисоглебская идет параллельно ей на квартал ближе к центру города.

Именно с самой крайней улицей издавна связывали орловцы действие романа «Дворянское гнездо». Губернский прокурор Михаил Калитин, отец главной героини романа, приобрел «красивый дом» в начале Дворянской улицы, где «при доме находился большой сад; одной стороной он выходил прямо в поле, за город». Впоследствии литературоведы установят, что в этом доме действительно жила девушка, ставшая реальным прототипом Лизы Калитиной.

Где-то поблизости от него находился «городской домик» Федора Лаврецкого, который к Калитиным чаще всего отправлялся пешком. Еще ближе он жил к приходской церкви (Борисоглебской?). Помните, как Лаврецкий однажды после обедни «посадил Лизу и бывшую с ней Леночку в карету, роздал все свои деньги нищим и тихонько побрел домой»?

Словом, автор «Дворянского гнезда» поселил главных героев неподалеку от своей родной улицы, от собственного дома. Его судьба периодически привлекала к себе внимание прессы. Так, в ноябре 1902 года «Орловский вестник», сетуя на неудовлетворительную работу губернского «комитета по сбору пожертвований на постройку памятника нашему славному земляку И.С. Тургеневу», отмечал: «Память о пребывании его здесь (т.е. в Орле. – В.В.) стирается, например, мы до сих пор не прибили хотя бы доски к дому, в котором он родился, многим ли известно, что это – дом на углу Борисоглебской и Георгиевской улиц ныне г-жи Смирновой, составляющий теперь только часть дворового и усадебного места Тургеневых, которое в начале прошлого столетия простиралось почти на весь квартал...»

В следующем году в связи с двадцатой годовщиной со дня кончины великого писателя Борисоглебская улица была переименована в Турге-

невскую. Но через пять лет по случаю 90-летия со дня рождения автора «Записок охотника» его имя присвоили улице Дворянской, ведущей к открытому в самом ее начале саду «Дворянское гнездо», в котором был установлен бюст И.С. Тургенева.

А улице Борисоглебской возвратили первоначальное название, чтобы пресечь заодно возникшие кое-где разговоры о том, что забываются имена великомучеников Бориса и Глеба. Двадцать лет спустя, в эпоху церковных гонений, она получила новое наименование в честь советского историка М.Н. Покровского, а еще через десять лет стала носить имя М.Е. Салтыкова-Щедрина, который, как и Покровский, никогда не бывал в Орле.

Дом, в котором родился Тургенев, сгорел еще в XIX веке; построенное на его месте каменное одноэтажное здание было снесено совсем недавно. Сейчас на углу улиц Салтыкова-Щедрина и Тургеневской (бывшей Георгиевской) возвышается многоэтажный корпус АО «Развитие». На боковом фасаде здания, почти на самом его углу установлена мемориальная доска с барельефом писателя и текстом, удостоверяющим, что раньше на этом месте стоял дом, в котором он увидел свет.

Большая табличка с названием улицы Салтыкова-Щедрина, закрепленная чуть выше памятной доски, кажется инородным телом. Ну как может классик русской литературы Тургенев родиться на улице, носящей имя его младшего современника, другого классика отечественной словесности? А в этом настойчиво пытается убедить название улицы, повторенное уже ниже мемориальной доски совсем неровно написанными буквами.

Профиль Тургенева на этой доске никак не вяжется с двумя фамилиями Салтыкова-Щедрина сверху и снизу он него. Иван Сергеевич родился за восемь лет до появления на свет Михаила Евграфовича Салтыкова, избравшего ставший популярным псевдоним Н. Щедрин. Поэтому на табличку с указанием улицы упорно просится ее исконное название.

Устранить историческую несправедливость следует еще по одной важной причине. В наше время идет плодотворный процесс возрождения церквей и монастырей, приспособленных в 1920-1930 годы под складские, мастерские и иные помещения. На месте же тысяч варварски уничтоженных храмов традиционно устанавливают кресты.

Но есть еще один способ сохранения памяти о наших бывших святилищах. Нужно вспомнить, что прежде названия городским площадям и улицам давали по находящимся на них церквям. В связи с этим лет десять назад в Орле снова появились Покровская, Васильевская улицы, Воскресенский переулок. На очереди - восстановление исторического названия

и улицы, на которой располагался храм во имя святых великомучеников Бориса и Глеба. Тогда коренное название старинной улицы не будет диссонировать с памятной доской в честь уроженца Орла Ивана Сергеевича Тургенева.

Е.А. Козеева

РЕАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К РАССКАЗУ И.С. ТУРГЕНЕВА «ТРИ ВСТРЕЧИ»

В рассказе И.С. Тургенева «Три встречи», опубликованном во 2-м номере «Современника» за 1852 год, одно из центральных мест занимает описание дворянской усадьбы и села Глинного. О том, что изображению дворянской усадьбы Тургенев придавал большое значение, свидетельствует один из вариантов названия рассказа «Старая усадьба». В комментарии к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева о рассказе «Три встречи» сказано: «Глинным называлось современное село Крыльцово, находящееся примерно в десяти километрах от Спасского». ¹ Представляется, однако, более вероятным, что Тургенев имел в виду село Глинское (Глинск) Мценского уезда Орловской губернии, расположенное на левом берегу р. Зуши. С большой достоверностью Тургенев воссоздает в рассказе события, происходившие в России: «Никуда я, бывало, не ездил так часто на охоту в течение лета, как в село Глинное, лежащее в двадцати верстах от моей деревни. Около этого села находятся самые, может быть, лучшие места для дичи в целом нашем уезде. Выходив все окрестные кусты и поля, я непременно к концу дня заворачивал в соседнее, почти единственное в околотке болото и уже оттуда возвращался к радушному моему хозяину глинскому старосте... От болота до Глинного не более двух верст и только на половине пути приходится перебираться через небольшой холм. На вершине этого холма лежит усадьба, состоящая из одного необитаемого дома и сада». ²

Точность и яркость художественных деталей, субъективный лирический тон повествования дают возможность предположить, что Тургенев описывал хорошо знакомые ему места. Село Глинское или Глинск находилось по соседству с Сомовым (Павлищевым), имением В.П. Тургеневой, а впоследствии Н.С. Тургенева. Камеральное описание г. Мценска и его уезда за 1832 год дает следующие сведения: «Село и деревня Глинск общего владения из дворян девицы Екатерины Федоровой дочери Юрасовой. Бригадирши Катерины Васильевны и детей ея сына Владимира и дочери Натальи Александровых детей Шеншиных. Титулярного совет-

ника Фалея Васильева сына Филипова... Титулярной советницы Катерины Евграфовой дочери Стешиной и мещанина Ивана Васильева... Лежит по обе стороны верха Глинского, в оном селе церковь деревянная во имя Успения Пресвятыя Богородицы с приделом Павла Фивейского и Ионна Кукшина, городской деревянный дом вышеописанной девицы Юрасовой с легулярным садом и плодовыми деревьями, грунт земли иловатой с песком, крестьяне состоят на пашне».³ Таким образом, село и деревня Глинск находились в общем владении, но дворянская усадьба с домом и садом принадлежали безраздельно Екатерине Федоровне Юрасовой. За нею в 1816 году значилось в Глинском 54 души «мужеска» пола и 66 душ «женска» пола.

В.П. Тургенева и Е.Ф. Юрасова были близкими соседками, имели общие владения и деловые отношения. В.П. Тургенева имела собственные участки земли, называемые «дачами», образовавшимися по специальному межеванию. Такой участок В.П. Тургенева имела в селе Оптушки Горбунцово тож совместно с Е.Ф. Юрасовой и другими владельцами. Из материалов дела «О возобновлении межевых признаков и отграничений крестьянского надела села Оптушки Горбунцово тож владения дворянки Юрасовой» известно, что «в даче» части села Оптушки Горбунцово тож часть земли принадлежит «полковнице В.П. Тургеневой».⁴ Богатые дичью места в окрестностях Глинского на Зуше были любимым местом охоты Тургенева. Не вызывает сомнений, что Тургенев знал Глинское и все семейство Юрасовых. В письме от 15 мая (6 июня) 1853 Л. Ваксело Тургенев сообщал: «<...> в конце апреля я с И.Ф. Юрасовым ездил в Апраксинские места к Десне на дупелей; мы немножко опоздали; ... однако мы поохотились весьма недурно - и места видели поистине великолепные...» Речь идет о брате Е.Ф. Юрасовой Иване Федоровиче Юрасове - декабристе, члене «Южного общества»; владельце имения Давыдово Орловской губернии (ныне Шаблыкинский р-н).

Участие Юрасова в декабристском заговоре было незначительным. Некоторое время он находился под надзором полиции, который был снят с него в 1856 году. И.Ф. Юрасов добивался перевода своих крестьян в вольные поселяне, благодаря чему в 1857 году крестьяне его села Давыдово получили личную свободу. Возможно, И.С. Тургенев посещал Давыдово Карачевского уезда Орловской губернии.

Тургенев знал также и Петра Федоровича Юрасова. В 1872 году Тургенев писал: «Если Петр Федорович Юрасов пришлет Вам свой адрес, непременно пошлите ему мои сочинения». Тургенев и братья Юрасовы были единомышленниками в важном вопросе: освобождение крестьян от крепостной зависимости. В 1858 году в журнале «Русский вестник» по-

явилась статья П.Ф. Юрасова в поддержку идей освобождения.

Петр Федорович и Иван Федорович были холосты. Третий из братьев Юрасовых Афанасий Федорович имел троих детей - Юлию, Наталию, Александра. Возможно, один из братьев Юрасовых познакомил Тургенева с сестрой Екатериной Федоровной, одиноко проживавшей в Глинском. Живописное место, в котором была расположена усадьба Юрасовой, могла привлечь внимание писателя и во время одного из охотничьих путешествий.

Материал для рассказа «Три встречи» Тургеневу, вероятно, дало летнее пребывание в России в 1850-52 годах. С июля по сентябрь 1850 года Тургенев жил в селе Тургенево вместе с братом и его женой. Он много охотился, о чем писал П. Виардо 3(15) августа 1850 г.: «С тех пор, что я здесь я много раз был на охоте... Дианка более чем когда-либо превосходна и неутомима...». Охота занимала писателя и летом 1851 года, проведенным в Спасском-Лутовиново. Охотничьи странствия были не только любимым занятием Тургенева, но давали ему возможность погружаться в «родную стихию», питавшую его творчество. На тех дорогах, которые исходил Тургенев, ему встречались села, деревни, дворянские усадьбы. Среди них было и село Глинское. Несмотря на то, что описание села Глинского в «Трех встречах» не фотография местности, а художественный образ, созвучие названий Глинское и Глинное едва ли является случайным. Возможно, какие-то реальные приметы находящегося недалеко от Спасского села Глинского нашли воплощение в рассказе «Три встречи».

Примечания

1. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Т. Сочинения. Т.4. С.602.
2. Там же. С. 217.
3. Музей истории г. Мценска.
4. ГАОО, ф. 592, 1898, д. 1779-1928.

*Л.Н. Иванова (Преснова)
А.С. Днепровский*

ЖЕЛЕЗЦЕВО

Если сегодня вам захочется почувствовать аромат старой Москвы, вдохнуть в себя каплю ее целительного, неповторимого воздуха, - войдите в одну из квартир большого дома, стоящего возле Киевского вокзала...

Ее просторные комнаты заставлены чудом уцелевшей старинной мебелью, наполнены книгами, старыми письмами и портретами людей, уже

при жизни ставших легендой России... И среди них великолепно исполненный поясной портрет, с которого смотрят на нас удивительные глаза незнакомки: это Мария Сергеевна Муханова, родственница Ивана Сергеевича Тургенева, современница Пушкина, талантливый литератор и музыкант. Ее одаренность трудно даже представить сегодня. И мы почти не знаем ее в лицо, потому что один из лучших и редких ее портретов хранится в патриархальной тишине дома покойной Евдокии Александровны Некрасовой-Унковской...

Теперь здесь живут жена ее покойного сына Александра Сергеевича Некрасова - Татьяна Михайловна - и две их дочери, внучки Евдокии Александровны, Мария и Ольга, бережно хранящие все, что могло бы поведать нам об их легендарных предках и напомнить о множестве русских имен, увековеченных нашей памятью и имевших отношение к этой семье.

«Семья Унковских, - писала мне Ольга Александровна, - была связана с морским флотом и армией. Дедушка Евдокии Александровны, Семен Яковлевич Унковский, на парусном судне совершил с молодым капитаном Михаилом Лазаревым, будущим адмиралом и создателем Черноморского флота, кругосветное плавание на Аляску. Дружба его с Лазаревым сохранялась всю жизнь.

Сын деда Иван Семенович Унковский был капитаном фрегата «Паллада», плавание которого описал Гончаров.

Отец Евдокии Александровны, Александр Семенович Унковский, участвовал в реформе армии и флота. В отставку вышел в чине генерал-адмирала.

По женской линии род Унковских был связан родством с Тургеневыми, Мухановыми <...> Мария Павловна Азанчевская, мать Евдокии Александровны, принадлежала к старинному дворянскому роду Азанчевских. Дед, Павел Матвеевич Азанчевский, женился на Ушаковой, род которой в XVII веке был связан с известным художником Симоном Ушаковым. Талант к живописи передавался по женской линии. Так, бабушка Азанчевская-Ушакова писала портреты своих родственников, в частности, написала портрет своей двоюродной сестры Ушаковой, в которую был влюблен Пушкин.

Дедушка Азанчевский П.Я. присутствовал на венчании Пушкина в церкви Вознесения с Наталией Николаевной Гончаровой, которая посещала дом Азанчевских в Петербурге.

Евдокия Александровна, моя бабушка, также унаследовала от своей бабушки Ушаковой талант к живописи. Она училась в московской школе живописи, ваения и зодчества, куда на занятия ездила на изво-

щике* вместе со своей подругой Татьяной Львовной Толстой, дочерью писателя. Учителем у нее был Сергей Коровин.

С семьей Толстых бабушку связывала до конца жизни большая дружба...

Особенно любила бабушка рисовать лошадей. В своем имении Унковских Хорошавка (находящемся в Тамбовской губернии) она создала конный завод, который славился в России своими породистыми лошадьми. До глубокой старости она уже по памяти, а иногда и с натуры, писала лошадей и пейзажи. Эти акварели хранятся в семье ее единственного сына Александра Сергеевича Некрасова-Унковского.

Кроме живописных работ, от бабушки остались мемуары, в которых она запечатлела жизнь семейств Унковских, Азанчевских, Мухановых, Тургеневых. В этих воспоминаниях встают красочные картины помещицкой усадебной жизни, различные типы и судьбы людей XIX-XX веков. Ее дневники и воспоминания, которые она писала всю свою жизнь, являются как бы летописью двух эпох: дореволюционной и советской.

Евдокия Александровна прекрасно знала русскую и западноевропейскую литературу. В совершенстве владея английским и французским языками, она читала произведения в подлиннике. Особенно она любила и прекрасно знала английских поэтов и писателей: Шекспира, Бернса, Лонгфелло, Байрона, восторгалась творчеством Диккенса, Тургенева, Гоголя, произведения которых любила читать вслух своим внукам.

Бабушка много знала различных легенд, преданий, то есть фольклор был тоже близок ей.

Путешествуя до революции по Европе, она записала свои впечатления об Англии, Италии, Германии, Австрии.

Любовь к искусству, интерес и знание литературы, философии и, наконец, собственный опыт писательской работы сблизили Е.А. с художественной и писательской средой ее времени. Она бывала на литературных собраниях была знакома с Буниным, Вяч. Ивановым, Бальмонтом, Брюсовым, Чулковым. Ближайшей ее подругой была писательница Лидия Алексеевна Авилова.

У своей двоюродной сестры Нади Азанчевской-Пелекап, жены известного скрипача Ауэра, бабушка встречалась и бывала на концертах крупнейших музыкантов своего времени, - Рубинштейна, Чайковского, Танеева...

Через свою подругу поэтессу Сену Соловьеву она познакомилась с ее

---

* Сохранена орфография подлинника.

братом философом Владимиром Соловьевым и бывала на его философских вечерах и в их доме. Евдокия Александровна посещала также собрания в известном в Москве доме философа Лопатина.

Большая дружба связывала Е.А. с Борисом Николаевичем Чичериным и его женой Александрой Алексеевной, имение которых «Караул» находилось по соседству с имением «Хорошавка» Унковских-Некрасовых недалеко от Тамбова. В этом имении жила Евдокия Александровна со своим мужем Сергеем Степановичем Некрасовым и единственным сыном Сашей.

Муж был врачом, который бесплатно лечил всех крестьян из окрестных сел и деревень в больнице, построенной на средства жены, Евдокии Александровны. Он умер в 1918-м году, оставив в Тамбове во время революции одну Евдокию Александровну с четырнадцатилетним сыном без всяких средств и без своего дома.

Бабушка прожила большую и полную драматизма жизнь. Она пережила две мировые войны и две революции. Несмотря на все бытовые невзгоды и послеоктябрьские трудности, она сохранила любовь к искусству, природе, животным и привила эту любовь своим трем внукам, воспитанию которых уделяла большое внимание.

До глубокой старости она сохраняла поэтическое восприятие жизни и интерес к ней. Это нашло отражение в ее дневниках, которые она писала до последних дней, уже лежа в постели. Ее богатая эрудиция и одаренность делали ее интереснейшим собеседником и кладезем познаний для ее любящих внуков. В нашем сознании и душе бабушка оставила неизгладимый след...»

В двадцати километрах к юго-западу от Калуги, в трех километрах от поселка Якшуново лежит небольшая, давно позабытая деревенька Железцево - с потонувшими в диких зарослях кустарника и сорняков старинным регулярным парком и громадной, давно обветшавшей и полуразрушенной церковью на его окраине. Это все, что осталось от большого и богатого в прошлом села Железцево-Хмелевое-Никольское тож, вотчины предков Ивана Сергеевича Тургенева по отцовской линии. Род Тургеньевых корнями уходит в Золотую орду. Родной дед писателя «из дворян лейб-гвардии отставной Прапорщик Николай Алексеев сын Тургенев», подавая прошение в Тульское депутатское дворянское собрание о выдаче ему грамоты на дворянство, писал: «<...> предок мой мурза - Лев Тургенев во время княжения великого князя Василия Ивановича Темного, выехал в московское государство с Золотой Орды, и крестился в царствующем граде Москве, и во святом крещении наречено ему имя Иоанн».¹

А в описании герба рода Тургеневых сообщается: «Потомки сего Льва Российскому престолу служили воеводами, стольниками и в иных чинах и жалованы были от государя поместьями царствующем граде Москве, и во святом крещении наречено ему имя Иоанн».²

Приводя же поколенную роспись своего рода, Николай Алексеевич Тургенев одновременно сообщал, что Тургеневы с самого основания рода являлись калужскими помещиками. Уже о своем прапрапрашуре Григории Никитиче Тургеневе, родном брате Петра Никитича, обличившего «вора, еретика и разстригу Гришку Отрепьева и от него мучен разными пытками и казнен смертию», писал как о калужанине: «Служил по выбору дворянином и написано по 130-му (1622 год – прим. автора) по разбору боярина Бориса Михайловича Салтыкова в Воротынском десятке <...> поместья за ним в Воротынске (Калужской губернии - прим. автора) 150 четвертей...»

Дворянское гнездо «Железцево» - это лишь одно из многочисленных калужских имений Тургеневых. «Во второй половине XVIII-го века, - сообщают «Алфавиты и описания Калужского наместничества», - девятнадцать семейств Тургеневых в шести уездах Калужской губернии владели восемьюдесятью семью густо населенными поместьями и землями: пятью селами, двенадцатью сельцами, девятью деревнями, пятьдесят одной пустошью, десятью лугами. Среди названных владений значится и село Железцево».³

Этот документ дает подробные и исчерпывающие сведения о владениях Тургеневых на Калужской земле, называя владельцев поименно. Среди них, наряду с именем прадеда писателя Алексея Романовича Тургенева, владевшего в Медынском уезде Калужской губернии сельцом Белями, деревней Озерной на реке Озеренке, пустошами Барыбиной, «что была деревня на реке Песоченке», Отхожей Юпиной на правой стороне реки Шани и другими, - сообщаются также имена и фамилии лиц, в разное время породнившихся с Тургеневыми и постепенно вступивших во владение их землями.

Среди них находим и Унковских, совладельцев соседнего с Железцевым сельца Колышева на правом берегу реки Угры «с господским домом и регулярным садом...»

Тургеневы и Унковские поделили между собой также и Железцево-Никольское и Хмелевое тож, владели совместно «сельцом Савинским на реке Кирекрее, сельцом Стыровым, деревней Сосновкой в шесть дворов, пустошами Иванчищевой на реке Росвянке с постоянным двором на большой калужской дороге, Лыченкой, Лыковой, Долгой, Кузмищевой, Со-

вьяк, Ледень Семеновской, Лычевкой, Луненской, Старобабыей».

Переходя к истории железцевских владений и усадьбы, которая была последним калужским родовым гнездом предков И.С. Тургенева, - сообщил в 1980-м году Дмитрий Дмитриевич Теннер, потомок рода писателя по линии Унковских, страстный исследователь истории своего рода, - надо отметить также сельцо Хмелевое по имени проходящего здесь оврага Хмелевого. В более позднее время, после постройки церкви, Железцево стали называть селом Никольским. Грамота на дворянство рода Тургеневых свидетельствует, что сельцо Хмелевое было пожаловано царем Михаилом Федоровичем в 122-м (1614 г.) Афанасию Дмитриевичу Тургеневу за московское осадное сидение при царе Василии Ивановиче. В 150-м году (1642 г.) сельцо Хмелевое принадлежало Осипу Федоровичу Тургеневу, прямому предку И.С. Тургенева, отцу Семена Осиповича и родному брату Якова Федоровича, шуца Петра I.

В 1752-м году Железцево становится собственностью Романа Семеновича, а затем Дмитрия Романовича Тургеневых, перейдя к ним от Матвея Тургенева <...> В 1773-м году бригадирша Анна Федоровна Тургенева построила в Железцево церковь Николая Чудотворца по чертежам, составленным Растрелли <...> После смерти А.Ф. Тургеневой Железцево перешло в собственность дочери ее Варвары Дмитриевны Тургеневой, вышедшей замуж за Сергея Ильича Муханова <...> Таким образом, Железцево находилось во владении рода Тургеневых с 1614-го года до конца XVIII-го века, то есть около двухсот лет.⁴

Одна из дочерей Варвары Дмитриевны Тургеневой и Сергея Ильича Муханова - Мария Сергеевна Муханова - автор удивительных по достоверности и художественности воспоминаний, своего рода фрагментов из истории рода Тургеневых. Именно она сообщает нам о судьбе своего двоюродного деда, он же прадед Ивана Сергеевича Тургенева, - Алексея Романовича Тургенева.

«Моя мать Варвара Дмитриевна Муханова, — пишет она, — происходит из рода Тургеневых. Родоначальник Тургеневых, Татарский хан Турга, выехал из Золотой Орды при великом князе Василии Темном, принял крещение, при котором восприемником был сам великий князь, пожаловавший крестника своего многими вотчинами в нынешней Калужской губернии. <...> Прадед Ивана Сергеевича, нашего известного писателя, и мой дед, то-есть деверь моей бабушки, Алексей Романович Тургенев, служил в пажах у императрицы Анны Иоанновны. По ревности Бирон удалил его, послав в армию, действовавшую тогда против турок, с приказа-

нием его погубить. Он попался в плен <...> Мать его, женщина набожная, ежедневно молила Бога перед образом Святителя Николая о благополучном возвращении сына, с обетом построить церковь. Однажды она молилась перед этим образом, внезапно отворяется дверь, входит давно ожидаемый сын. Она выполнила обет, построила церковь во имя Св. Николая. Церковь эта находилась после уже не в нашем имении, так как огромное состояние Тургеневых было отчасти разделено между родственниками, отчасти передано в чужие руки. При этом деревянная церковь была, за ветхостью, упразднена, а образ Св. Николая отдан в нашу тепешнюю каменную церковь».⁵

Архивные материалы подтверждают рассказ Марии Сергеевны Мухановой.

В Калужском облгосархиве выявлен документ, проливающий свет на судьбу церкви Покрова, стоявшей в пяти верстах от Железцева. Именно здесь молила Бога о благополучном возвращении сына из плена мать Алексея Романовича Тургенева. «Здесь же, - сообщает Мария Сергеевна, - Алексей Романович и брат его Дмитрий Романович погребены вместе под одним памятником, недалеко от нашего имения, в котором мы живем (Железцево - Л.И.). Ежегодно мы посещали эту могилу, исправляя всякий раз ее повреждения, так как она находится теперь в чистом поле, на упраздненном кладбище, где была прежде церковь, теперь живут, что называется, бобыли».⁶

К началу XIX-го века древние строения родовой усадьбы Тургеневых в селе Железцево обветшали, и Тургеневы-Мухановы, начиная примерно с 1820-го года каждое лето проводившие в своем родовом гнезде, выстроили здесь, неподалеку от старого, каменного, родового тургеневского, новый роскошный особняк, деревянный на каменной подклети.

В истории тургеневской усадьбы и поместья Железцево был и трагический момент, когда перед угрозой продажи с торгов оно чуть было не перешло во владение случайным лицам. Случилось это, как сообщает М.С. Муханова, в начале прошлого столетия. Но внучка Варвары Семеновны, родной сестры Романа Семеновича Тургенева, Авдотья Петровна Унковская, заложив в Калуге собственное свое имение, спасла семью Мухановых от потери имения.

Усадьбу и дом Мухановых в селе Железцево подробно описала в своих до сих пор не опубликованных записках, хранящихся в ее доме в Москве, почерпнув часть сведений из живых рассказов М.С. Мухановой,

Евдокия Александровна Унковская, в замужестве Некрасова: «Усадьба стояла высоко, - вспоминала она, - с большака Мещевского тракта, где екатерининские березы все еще стоят, охваченные воспоминаниями о пережитом оживлении широкой, ставшей в теперешние времена не нужной дороги, видны были белые колонны дома, отстоявшего от большака 1-1,5 версты. Парк, окруженный кирпичной, белой, ажурной оградой, тянулся за домом до самой церкви, и высокие старые липы придавали эстетическую задумчивость и церкви, и заросшему вокруг нее старинному кладбищу.

Находящиеся за церковной оградой опрятные дома духовенства утопали летом в зелени фруктовых садов с жужжанием пчел и запахом цветов. От усадьбы - мимо сада, церкви и домов причта длинным спуском вела дорога в деревню, уютно расположенную в зелени палисадников по отлогим скатам широкой долины, на дне которой пробирается ручей к реке Угре, протекавшей в раздолье заливных лугов верстах в трех от Железцева. Ввиду отсутствия реки вблизи усадьбы в березовых рощах, ее окружающих, были два пруда <...> Дом был превосходный, большой, поместительный, в стиле ампир, с колоннами с двух сторон, со стороны дороги и со стороны села, где великолепная *rente-douse** (пандус, пологий спуск, франц.), спускавшаяся к открытой лужайке в английском вкусе, напоминала загородный дворец в Павловске, любимой резиденции императрицы Марии Феодоровны. Огромный солнечный зал с балкона со стороны двора и глубокая, большая гостиная с выходом через пандусы в сад, составляли как бы центр дома, вокруг которого группировались остальные жилые комнаты. Кабинет Сергея Ильича (Муханова - Л.И.), бильярдная, столовая с буфетной и лакейская с одной стороны залы, с другой - больших размеров спальня и рядом с ней четыре одинаковые небольшие комнаты, как впоследствии объяснял нам дядя Яша: Сергей Ильич, строя дом, имел в виду, чтобы у каждой из дочерей была своя «небольшая, но уютная келья», комнаты для женской прислуги. Навверху, во втором этаже, комнаты, распадавшиеся как бы на отдельные два апартамента, разделенные друг от друга чердаком, находящимся над залой и гостиной, имеющих более высокие потолки, остальные комнаты. Они тоже были большие и служили для гостей - одна сторона - для мужчин, а другая - для гостей женского пола (и по всей вероятности, не раз там гащивали племянники Сергея Ильича со своими чужеземными воспитателями).

Очень незаметное низкое парадное крыльцо сбоку придавало дому

---

* Так в тексте (ред.)

какую-то огражденность от постороннего вторжения, и так как дом стоял на высоком фундаменте, то из сеней вела небольшая лестница с балюстрадой, типичная для домов 20-х годов, прямо в переднюю.

Дом строился не только под личным наблюдением Сергея Ильича, но, как характерное проявление его убеждений, все работы, выполняемые его крестьянами из села Железцево и других деревень, все оплачивались наличными деньгами, как бы исполненные вольнонаемными рабочими. Нужно понять, какое огромное впечатление в крепостнические времена этот поступок произвел на окружающих помещиков и на самих крестьян, что об этом помнили, как о беспримерном факте, еще в наше время <...>.

Сад, разбитый по образцу Павловского парка, тоже носил на себе следы особенных забот Сергея Ильича, большого любителя садоводства. Огромная лужайка перед домом в английском духе с разбросанными на ней куртинами роз, жасмина и других цветущих кустов, была окружена тенистой неширокой липовой аллеей. Высокие пихты, старые дубы, липы красивыми группами по обеим сторонам дома стояли так, чтобы не заслонять вида из окон гостиной, и с *penne-douse* на лужайку, в конце которой из-за большого массива деревьев высился стройный шпиль Железцевской церкви, построенной по плану Растрелли и напоминавшей собою те сельские храмы в зелени, что изредка мелькают в окнах вагона проездом через Австрию и южную Германию».⁷

Мария Сергеевна Муханова скончалась в конце XIX столетия. О положении и состоянии тургеневского родового гнезда Железцево после Мухановых, в период перехода усадьбы из рук в руки, так называемый переходный, оказавшийся, к сожалению, периодом запустения имения, Е.А. Некрасова-Унковская пишет в своих неопубликованных записках. Она сообщает, что в конце прошлого [XIX – ред.] века дважды побывала в Железцево и щедро делится впечатлениями от этих удивительных путешествий. Приводим текст этих ее воспоминаний:

«Ехали мы быстрой рысью, - пишет она. – Проехали деревню с господской усадьбой <...>. Снова поля, молодой еще сведенный лес, который, как мне объясняет Федор, уже принадлежит к железцевскому имению, опять леса, и мы опять въезжаем в березовую рощу. Редкие старые березы, наклонившись, о чем-то зашептались при нашем появлении. Дорога спускается к оврагу с перекинутым через него мостом с красными перилами. Поднялись в гору, слегка повернули вправо, и на широком зеленом дворе, блистая внушительными колоннами чистого русского ампира Александра I, предстал дом на фоне старых еще цветущих лип за каменной оградой сада. – Мы подъезжаем к небольшому парадному крыльцу с ле-

вой стороны дома. Слезая с лошади, передаю ее берейтору и, укоротив хвост своей амазонки, вступаю на каменные ступени крыльца. Парадная дверь передо мною раскрыта нараспашку, будто кто, поджидая меня, гостеприимно распахнул ее <...> Быстро вбежав по широким ступеням небольшой деревянной лестницы, осторожно пробираюсь по ней, потому что пол в ней разобран. Еще лежат брошенные два кия на годами запыленном зеленом сукне и шары, как подобает, висят в лузах. Какие духи в последний раз играли на нем, чинно оставив в лузах красные, белые и желтые шары?

Направо дверь в кабинет. В полутьме закрытых ставнями окон я различаю большой письменный стол, отодвинутое от него деревянное кресло. Вспоминаю, когда-то перед самым этим столом на этом самом кресле сидел Сергей Ильич. Из бильярдной вхожу в глубокую, большую гостиную. Пара голубей, что перед этим мирно ворковали, при звуке моих шагов испуганно забились в разбитые стекла высоких окон. Красивая карельской березы мебель, часть которой увезена в Колышево, беспорядочно сдвинута в одну кучу; хотя еще стоят вдоль стен несколько кресел и тут же стоит ранний клавесин. Какое-то сильно умиленное чувство все больше охватывает меня. Мне не страшно одной в этих огромных опустошенных комнатах. Напротив, что-то приветливое, бесконечно благодетельное всколыхнуло будто вокруг меня и наполняет мою душу умиленной грустью. Подхожу к высокой стеклянной двери, ведущей на террасу, выхожу на *rente-douse*. Бегом спускаюсь по ней. Ах, как хорошо! Огромная в английском вкусе лужайка расстилается перед домом, на ней еще куртинами цветут кусты шиповника, остатки одичалых железцевских роз при Мухановых, и в траве еще попадаются белые глазки маргариток. Быстро иду по заросшей травой утрамбованной дорожке направо. Огромная серебристая пихта, под ней полуразвалившаяся зеленая скамья. Дальше длинная узкая аллея. Через (нрзб. – Л.И.) три на каждой стороне еще стоят полусгнившие деревянные лавочки: это, как объяснял дядя Яша (Яков Семенович Унковский – Л.И.) для того, чтобы сестры Мухановы, гуляя по аллее, пройдя несколько шагов, могли бы сесть и отдохнуть. Дальше, дальше и деревья и все кругом полно приветливой грустной ласки. В конце сада остатки, по-видимому, большой оранжереи, но стена грунтового сарая еще цела и, прижавшись к ней, все еще растет французская слива со зреющими плодами.

Я прохожу мимо каменного здания, желтая окраска и толстые стены которого обличают постройку XVIII-го века, - по-видимому, какой-нибудь флигель прежней стоявшей на этом месте тургеневской усадьбы родителей матери Марии Сергеевны. Старые яблони, каменные ограды,

калитка, - и я подхожу к церкви, к Железцевской церкви, о которой Мария Сергеевна с гордостью всегда говорила, что построена по плану самого Растрелли. Высокий шпиль - она легкая и изящная и как-то вся стремится ввысь. Кругом церкви какая элегия сельского запущенного кладбища, старинные могилы в цветущей траве, плакучие вербы, вросшие в землю каменные плиты. Иду, читаю надписи и останавливаюсь перед одной с полустертыми словами. Что-то в ней меня особенно привлекает. Нагнувшись, читаю на памятнике в виде каменного гроба, как принято было ставить в XVIII веке: «Усни, мой милый, до радостной встречи».

Конечно, я была тогда еще очень молода и интенсивно воспринимала все впечатления, но мне показалось, что передо мной открылась страница соединенных навек любящих сердец. И я стояла, очарованная этим преданием о любви двух неизвестных, забытых навсегда людей. Кто они были? Как звали их? Долго ли ждала она радостную встречу там, за пределами земного существования? Все было стерто из памяти потомства.

А кругом меня так было хорошо, такая ничем не нарушаемая благоговейная тишина, только еще ниже будто опустила свои поникнувшие ветви плакучая ива. <...> Но тут я вспомнила, что Федор давно уже ждет меня с лошадьми и, бросая взгляд на церковь, на старые липы, быстро возвращаюсь назад и, не заходя в дом, через калитку сада подхожу к крыльцу. Лошади нетерпеливо роют землю копытом. Сажусь в седло, и мы покидаем Железцевскую усадьбу. Но я уношу с собой бесконечное чувство благоговейного восторга вместе с какой-то мягкой грустью о том, что когда-то было и прошло невозвратно. Мне кажется, я побывала в каком-то царстве, где все наполнено только миром и любовью. Хороши, знать, были эти люди, что жили в этом доме, в этой усадьбе, что на доме, на усадьбе, как аромат от засохших цветов, несмотря на годы и заброшенность, лежал все тот же отпечаток приветливой доброжелательности и мира, очарование которого осталось мне в памяти на всю жизнь...»

Следующая наша поездка <...> Мы решили ехать в Железцево. Сначала мы хотели приехать к тем двум могилам братьев Тургеневых, к которым, пока она была в силах, Мария Сергеевна всегда ездила служить панихиду, так как один из них, старший, был дед ее по матери, а младший — прадед Ивана Сергеевича Тургенева, который считался с ней в родстве.

<...> Но когда мы подъехали к деревне Бобылевке, около которой находились могилы, содержащиеся в полном порядке при Марии Сергеевне, никто из жителей не мог указать их нам, даже место, где стояла прежде дере[венская - Л.И.] церковь, они не помнили. Наконец, вызвался нам указать место дряхлый старик. Он привел нас в поле недалеко от

деревни к груде кирпичей с жалким кустиком сирени - ни ограды, ни надгробных памятников - все было уничтожено <...>⁸

Образ же Св. Николая, перед которым так горячо молилась мать о возвращении младшего сына, считавшегося давно всеми погибшим в Турецкую войну и вдруг вернувшегося домой в то самое время, когда мать на коленях по обыкновению молилась о нем - образ этот, всеми почитаемый и считавшийся чудотворным, находился в Железцевской церкви до самой революции, пока не уничтожена была и церковь, и вообще православная вера.

Из Бобылевки мы поехали в Железцево. Парадная дверь гостеприимно была распахнута, когда мы подъехали к крыльцу. И вот мы с Варей в доме. Огромный зал весь залит солнцем, воркуют голуби где-то наверху в одной из изразцовых печек в глубине комнаты. Сколько нужно было дров, чтобы протопить ее! Дальше коридор, в который выходят комнаты Елизаветы Сергеевны и Анны Сергеевны, и рядом – небольшая – Екатерины Сергеевны, а за ней Марии Сергеевны смежная со спальней родителей <...> Но комнаты все без мебели, часть ее увезли в Колышево, а другая, по-видимому, расхищена <...> Ведь дом был полная чаша, а со смертью Марии Сергеевны о нем по-видимому никто не заботился.⁹

По широкой деревянной лестнице поднимаемся наверх. В коридоре стоит огромный шкаф, раскрытый настежь, а перед ним груда истерзанных книг, выброшенных из него как ненужный хлам. Все больше французские и английские издания XVIII и начала XIX веков. К сожалению, мы не останавливаемся, чтобы хотя разобраться в них, спеша дальше. Комнаты имеют разоренный вид. Кто в них жил? Помещались, верно, учительницы и женский персонал. Но чтобы попасть в другие верхние комнаты, в мужскую половину, куда приезжали гостить двоюродные братья Мухановых со своим аббатом, как указывает Евдокия Владимировна Сухазанет, нужно было сойти вниз, так как над высочайшим потолком гостиной залы и гостиной верхний этаж не существовал <...>

В гостиной мы смотрели на запыленные кресла, представляя себе все те близкие лица, давно умершие, что сидели на них, и Варя, подошедши к клавесину, взяла несколько аккордов на нем. Что-то жалобное, как вздох, прозвучало и замерло в пустых комнатах <...>

Опять слегка толкнув, открыли мы дверь на террасу, спустились по *penite-douse* и направились через сад к церкви. Старые деревья и благоговейное молчание кругом, безлюдье. Церковь была заперта и через решетчатые окна мы силились увидеть образ Св. Николая. В полумраке блестящими блестела позолота алтаря. А кругом охраняемые Божиим храмом лежали давно уснувшие мертвецы. Мы подошли к той могиле, что гово-

рила о взаимной любви до радостной встречи».

(Продолжение в следующем выпуске)

Примечания

1. Тульский Облгосархив (ГАТО). Ф. 39, оп. 2, д. 2337, л. 1-7. «Дело тульского депутатского собрания по внесению в дворянскую родословную книгу Тульской губернии рода Тургеневых». В предлагаемом контексте материалы публикуются впервые.
2. Богданов Б.В. Тургеневы. Тургеневский сборник. Вып. 5. Л.: «Наука», 1969. С. 346.
3. Калужский облгосархив (ГАКО). «Алфавиты и описания Калужского наместничества». Т. 1 и 2. СПб., 1782. Материалы о предках И.С. Тургенева публикуются впервые.
4. Письмо Д.Д. Теннера А.С. Днепровскому хранится в частном собрании А.С. Днепровского в Калуге.
5. Из «Записок» М.С. Мухановой. Русский архив, год шестнадцатый, изд. Петром Бартевым, М.: Тип. П.А. Лебедева, 1878. С. 213-214.
6. Там же. С. 215.
7. Машинописную копию «Записок» Е.А. Некрасовой-Унковской прислал для публикации Д.Д. Теннер. Она хранится в собрании А.С. Днепровского.
8. В 1980-м году Д.Д. Теннер писал А.С. Днепровскому: «Очень неясной представляется история деревни Бобылевки. Деревушка эта находилась когда-то на месте существовавшей здесь усадьбы, церкви с кладбищем и вблизи располагавшегося здесь ранее сельца Савинского. Неизвестно, когда и почему все это оказалось стертым с лица земли, и сейчас представляет собой объект чисто археологический. Несомненно, что в этой усадьбе в первой половине XVIII века жил со своим семейством Роман Семенович Тургенев, а, возможно, и Семен Осипович, его отец. На кладбище села Савинского были похоронены прадед И.С. Тургенева Алексей Романович Тургенев и его брат Дмитрий. <...> По-видимому, в XVIII веке село Савинское называлось «деревня Савьян». Деревня с этим названием принадлежала Якову Федоровичу Тургеневу, который унаследовал ее от своего отца. В 1672 году Яков Федорович променял часть деревни Савьян своему племяннику Семену Осиповичу. Можно подумать, что с этого времени Савьян-Савинское становится средоточием жизни предков будущего писателя. По-видимому, Савьян стала называться сельцом Савинским с того времени, когда здесь была построена Тургеневыми деревянная церковь, то есть с конца второй четверти XVIII века.
Железцевская церковь является как бы связующим звеном между двумя этапами жизни тургеневской семьи – савинским и железцевским. Об этом свидетельствует семейная реликвия Тургеневых – образ Св. Нико-

лая, находившийся в железцевской церкви, и отсюда само ее название – Никольская. Перед этим образом мать Алексея Романовича молилась в своей савинской усадьбе о благополучном возвращении сына из турецкого плена. Впоследствии в Никольскую церковь был перенесен престол из деревянной Покровской церкви, построенной в Савинском в ознаменование приезда Алексея Романовича живым и невредимым.

Из документов, хранящихся в Калужском облгосархиве, следует, что в конце XVIII века Савинское принадлежало П.И. Унковскому. В дарственной надписи 1790-го года П.И. Унковский передает Савинское во владение своей дочери Авдотье Петровне, внучке Варвары Семеновны Тургеневой-Унковской.

Несколько лет тому назад мне удалось побывать в Бобылевке, и я увидел примерно то же, что и Евдокия Александровна, то есть заросшие бурьяном бугры на месте церкви.

Местоположение Бобылей очень примечательно. Это возвышенность, прорезанная долиной какой-то речки, впадавшей в Угру. Вдали за Угрой виднеется колокольня Тихоновой Пустыни. Невольно представляется, как естественно вписывалась в этот живописный ландшафт сельская церковь и усадьба. От местных жителей я узнал, что находившееся здесь раньше село называлось Савинским».

9. О Колышеве Д.Д. Теннер писал: «Мало что известно мне о деревне Колышево. Как можно видеть из текста “Свидетельства о дворянстве”, в конце XVII века Колышево, являвшееся помещьем Степана Федоровича Тургенева, стало его вотчиной. В начале XVIII столетия Колышево принадлежало Варваре Семеновне Тургеневой-Унковской и, по-видимому, являлось ее приданым. От своей матери унаследовал Колышево Петр Иванович Унковский. В конце XVIII века Колышево перешло в собственность дочери Петра Ивановича – Авдотьи Петровны <...>

Очень печальным был конец колышевской усадьбы, в которой находились немалые культурные ценности. После национализации в усадьбе квартировала какая-то воинская часть, которая привела усадебные интерьеры в совершенно неопишутый вид. Книги колышевской библиотеки были свалены на конюшне и там погибли. <...> Позднее начался процесс стихийного разрушения усадьбы, в результате которого на месте усадебных построек, парка, фруктового сада сейчас можно видеть одно лишь гладкое поле».

«МЫ С ИМЕНЕМ ТУРГЕНЕВА ВЗРОСЛЕЛИ...»^{*}
**(К истории Тургеневской средней школы
Чернского района Тульской области)**

История моей родной школы неразрывна с историей жизни моего отца, краеведа и директора Анатолия Федоровича Полякова. В своем архиве о себе он оставил следующие записи: «Моя бабушка Акулина Алексеевна была родом из Богоявленья, местечка между д. Сухотиновкой и с. Тургеневым. Замуж она вышла за дворового человека Тургеневых Полякова Тимофея Алексеевича, который ведал делами бумажной фабрики, той самой, которая упоминается в рассказе Ивана Сергеевича Тургенева “Бежин луг”. Отец мой, Поляков Федор Тимофеевич, родился в фабричном доме, который цел и поныне. Рассказы бабушки и других стариков (а они вспоминали о том, что писатель до 1850 года часто бывал в селе Тургенева,¹ бранился с матерью и братом Николаем за их жестокое обращение с крестьянами и пользовался большим уважением народа) сильно запали в детскую душу, и я еще ребенком полюбил благородного, доброго барина... А потом, когда я повзрослел, когда окончил Учительскую семинарию, поставил целью своей жизни сделать Тургеневскую школу достойной своей эпохи и памяти Ивана Сергеевича... В условиях советской действительности это оказалось возможным, тем более, что прогрессивное влияние писателя на умы граждан с. Тургенева и окружающих деревень было неоспоримым».

В своей работе «История Тургеневской средней школы» Анатолий Федорович на основании документального материала и воспоминаний учеников тургеневской школы восстанавливает картину борьбы грамотных людей за просвещение простого народа и тяги самого народа к знаниям. «Первая школа, - пишет он, - зародилась в селе Тургенева в 1875 году. Организатором ее был крестьянин Иван Антонович Кузнецов, перенявший грамоту у помещичьего коновала. Желая выучить грамоте своих сыновей, он подговорил крестьян открыть школу на свои средства. У Ивана Антоновича была большая глинобитная хата, в которой он разрешил проводить занятия. Парты, вернее, столы на “козлах”, сделали сами родители. Нашелся и учитель, достаточно грамотный и авторитетный среди крестьян мужичок Ефим Кондратьевич Осипов, также перенявший грамоту от коновала. Набралось учиться 20 мальчиков от 10 до 17 лет. Осипову установили жалованье – 2 рубля с ученика в год... Вторым после Е.К. Осипова учителем этой

---

^{*} Строка из стихотворения С. Тишиной.

школы, как свидетельствуют старожилы, стал бывший волостной писарь Василий Квинтилианович (фамилия неизвестна). Он уже получал казенное жалованье». В дальнейшем, как свидетельствует автор работы, о просвещении в селе заботились священники В.В. Говоров и И.В. Казанский. В 1863 году Говоров открывает первую церковно-приходскую школу. Казанский добивается строительства специального здания церковно-приходской школы на правом берегу небольшого ручья Азаровка. Деньги на строительство дал богатый чернский купец Чаадаев.

Затем, будучи человеком волевым, настойчивым и энергичным, Казанский добился в духовном ведомстве отпуска средств на постройку школы и привлек помещика А.А. Лаурица к участию в этом деле... Лауриц выделил для школы в хорошем месте участок земли и принял практическое участие в самой постройке здания.

В 1898 году в Тургеневе была открыта второклассная школа во вместительном здании на верху бугра Красный холм, там, где ныне находится правление колхоза им. Тургенева. Рядом со школой был построен еще дом, в котором организовали интернат на 50 учащихся, столовую и кухню... и отвели квартиру для учителей. Отдельно от школы стояла баня и дровяной сарай. Все эти постройки заняли прямоугольник площадью около одного гектара, окаймленный изгородью. Вся же школьная усадьба достигала трех гектаров.

Заведующим второклассной школой был ее организатор священник Казанский, попечителем – помещик Лауриц.

Педагогический коллектив состоял главным образом из лиц, окончивших духовную семинарию и посвятивших себя целиком педагогической деятельности. Знатком своего дела был старший учитель и преподаватель русского языка и пения Петр Николаевич Соколов, преподаватель гигиены, отечественной истории и чистописания Степан Васильевич Милов, преподаватель дидактики и методики Петр Иванович Знаменский и некоторые другие... С открытием второклассной школы с. Тургенево становится своего рода культурным центром. Сюда приезжают учиться дети не только из Чернского, но и Крапивенского района. Здесь периодически проводятся учительские курсы. О Тургеневской второклассной школе того периода с большой теплотой вспоминает Иван Васильевич Шишов, работавший в Свердловском университете: «Должен прямо и честно сознаться, что ни одна из школ, которые я потом окончил, не оставила во мне столько светлых воспоминаний, как Тургеневская второклассная школа, в которой я учился в 1906-1909 годах.

Мне кажется, что это обаяние и влияние школы можно объяснить тем благоприятным обстоятельством, что школа располагалась в с. Тургеневе,

месте исключительно красивом и интересном по историческим воспоминаниям, связанных с жизнью великого писателя земли русской И.С. Тургенева. Светлые воспоминания оставили также прекрасное отношение к школе всего населения с. Тургенева, педагогический энтузиазм и любовь к своему делу коллектива преподавателей».

К сожалению, школа Казанского стореда в 1904 году, поджег ее нерадивый ученик Жуков. После этого школа претерпела много мытарств, одно время ее перевели даже в село Большое Скуратово. О ее дальнейшей судьбе поведал в своей рукописи мой отец: «Народ ходатайствовал о постройке в Тургенева здания школы, так как тогда в пользу грамоты, особенно для мальчиков, никто уже не сомневался. В 1913 году крестьяне села Тургенева и других деревень проявили инициативу и перевезли на своих лошадях необходимое для новой школы количество красного кирпича со станции Бастыево. Сами накопили для постройки камень на фундамент. К осени 1914 года было построено типовое здание двухкомплектной церковно-приходской школы (Красной школы). В этом году было 60 учеников. Но не все окончили школу. Девочки в большинстве своем отсеивались из 2-го или 3-го класса. Родители тогда считали, что девочке нужна грамота лишь для того, чтобы уметь прочитать или написать письмо, не обращаясь ни к кому с просьбой. <...>

После революции, в 1918 году Тургеневская церковно-приходская школа была преобразована в Образцовую школу I ступени (начальную школу). Началась новая глава в истории села Тургенева, начался невиданный расцвет народного образования в самом настоящем смысле этого слова. <...> Правда, в новых условиях учителям приходилось решать все более трудные задачи. Им самим необходимо было разрабатывать программы, готовить учебные материалы. Старые учебники не годились, а новых не было. Писать стало не на чем, использовались для этого обрывки газет... В этот период к трудностям организационного порядка прибавились материальные лишения. Зарплату учителя получали в весьма крупном размере – миллионами, но деньги обесценивались ежедневно... Позднее выдача зарплаты деньгами совсем прекратилась, учителей перевели на хлебное довольствие за счет родителей обучавшихся детей. Население района Тургеневской школы переживало сильный голод и не могло дать хлеб учителям. <...>

Чтобы не закрыли школу, - пишет Анатолий Федорович, - я остался в ней работать один. Занятия проходили в две смены. Несмотря на трудности, ребята ходили в школу аккуратно, учили уроки добросовестно.

С 1923 года положение школы изменилось, учителям стали давать зарплату твердой валютой. Поправили парты, отапливали помещение не гнилой соломой, а дровами. Последующие годы в истории Тургеневской школы

стали годами ее подъема и укрепления материальной базы». Из года в год увеличивалось количество учащихся: если в 1925-26 учебном году в школе было 120 учеников при двух учителях (это были мои родители – Анатолий Федорович Поляков и Анна Михайловна Полякова), то в 1929-30 учебном году училось уже 168 детей, а учителей стало четверо.

Рост числа учащихся поставил вопрос о расширении школьного здания. Большой дом, зимний флигель, был капитально отремонтирован, в нем оборудовали два хороших класса и квартиры для учителей. С тех пор этот дом получил название Белая школа.

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции Тургеневская школа стала центром методической работы четырех волостей: Тургеневской, Троицко-Бачуринской Бредихинской и Синдеевской. В Тургенеve организовали первое РОНО. Школа распространяла передовой опыт через открытые уроки. Устанавливалась тесная связь с родителями, налаживалось детское самоуправление, заработали пионерская и комсомольская организации. «Славную память оставили о себе, - вспоминает автор работы, - такие учителя как Ф.Б. Рогачев, В.В. Волков, В.В. Дагаев, А.Я. Королев. Молодые, энергичные, они поистине горели на работе. Многие участвовали в работе драматического кружка, выступали перед населением с докладами, проводили читку газет и художественной литературы, были постоянными участниками всех пленумов сельсовета. 1936-й год вошел в историю школы введением всеобщего начального обучения. В 1930-1931 учебном году в селе Тургенеve насчитывалось уже 176 школьников.

С 1931-го года комплексное обучение в стране сменяется обучением политехническим, систематическим изучением основ наук. С сентября 1932 года Тургеневская школа называлась уже неполной средней. Вставал снова вопрос о строительстве нового здания. Мечта тургеневцев начала осуществляться. В 1932 году заложили фундамент. 9 ноября 1934 года, в 116-ю годовщину со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева, школу торжественно открыли. Открытие школы вылилось в настоящее ликование. Собралось около 700 гостей. Пришли колхозники, строители, представители других организаций, учителя других школ. «Многочисленные участники этого исключительного события и поныне вспоминают тот торжественный день, - пишет Анатолий Федорович. - Школьники были полны гордости от сознания того, что они сами всеми силами помогали стройке: подносили и подавали мастерам кирпич, смывали и засыпали потолки, готовили раствор и по конвейеру подавали его на потолок. Сами дети планировали территорию около школы, оформляли клумбы».

Колхоз помог накрыть столы с угощением. Их поставили прямо на улице около школы. Моя мама вспоминает с улыбкой такой эпизод: народ

буквально валил со всех сторон на праздник. И вот от Бежина луга спешит, спотыкаясь, старушка, а в руках крепко держит деревянную ложку.

- Здравствуй, Михална! – здороваешься она. – И я дома не усидела! Похлебаю кашки за счастье ребячье...

Анатолий Федорович выступил с торжественной речью: «Каждый ученик нашей школы, – говорил он, волнуясь, – должен гордиться тем, что живет в прекрасных тургеневских местах. Мы должны быть достойны светлой памяти нашего земляка – великого писателя Ивана Сергеевича Тургенева, страстно мечтавшего о просвещении Родины своей. Вы, ребята, не суеверные мальчишки с Бежина луга. Вы получили возможность учиться в просторной и светлой школе. Это ли не счастье?... Так будьте же умными, добрыми, любите всегда свою Родину, охраняйте прелести нашей природы».

С этого времени Тургеневская школа гремела в районе. На открывшейся в том же году детской технической сельскохозяйственной станции дети проводили все свободное от работы время, работали в кружках авиамodelистов, юных натуралистов, радиокружке, на опытном участке, в саду и на пасеке. В специальном здании станции (бывшая сторожка, которая с открытием новой школы стала свободна) была создана постоянная выставка экспонатов со школьного участка, выставка работ кружков, здесь были сосредоточены гербарии, аквариумы, террариумы, живой уголок.

С открытием новой школы заметно улучшилась и учебно-воспитательная работа. Плохо работать в такой школе было невозможно. Чистота, тепло и уют, богатый выбор учебно-методических пособий, столярная мастерская, техническая станция, сады – вся обстановка вызывала у детей желание учиться лучше, дорожить честью школы...» Успеваемость выросла до 95%. В результате обследования Мособлоно выносит решение о реорганизации неполной средней Тургеневской школы в среднюю школу. Это была большая радость для населения и учительства. «Да и как было не радоваться! – восклицает Анатолий Федорович. – Дети колхозников получили возможность иметь среднее образование!» В школе теперь училось 448 детей, специальные средства школы из года в год увеличивались, поэтому ее можно было обеспечить всем необходимым, даже мягкой мебелью. Физический и химический кабинеты имели в своих шкафах все приборы и химикаты, необходимые для прохождения учебной программы; имелись также в достаточном количестве пособия по естествознанию, математике, истории, литературе, географии и другим предметам. Столярная мастерская школы располагала 15-ю столярными верстаками и 15-ю комплектами столярных инструментов. Библиотека насчитывала 10 тысяч томов книг. Школа имела 40 струнных инструментов (домры, балалайки, мандолины, гитары) и пианино. Это позволило организовать большой струнный оркестр. Руко-

водила оркестром любимая всеми детьми старшая пионервожатая Валентина Матвеевна Мокрова. Был прекрасно организован лыжный спорт.

В 1937-38 учебном году уже начитывалось 550 учащихся.

С ростом культурных запросов в порядок дня был поставлен вопрос об организации в селе Тургенево очага культуры памяти Ивана Сергеевича Тургенева. Намечалось, например, построить школьное здание на 240 человек с целью перевода школы на односменное занятие и освобождения некоторых комнат в имеющихся школьных зданиях под кабинеты, интернат для учащихся, восьмиквартирный дом для учителей, Дом социалистической культуры, гидроэлектростанцию на реке Снежедь, здания больницы, детских яслей и детского сада.

Предполагалось также организовать филиал Тургеневского музея и насаждение парка.

Война разрушила все планы тургеневцев. Почти все мужчины ушли на фронт. Учительницы вместе с учениками спешно убирали урожай, работали на очистке и исправлении дорог, рыли окопы, вместе с колхозниками грузили зерно со складов на станции Чернь для отправки в тыл. 24 комсомольца школы отправились на оборонные работы в Калининскую область и получили благодарность от командования инженерных войск. Начало учебного года было отнесено на 1 октября, но и в первые дни октября учащиеся вместе с колхозниками продолжали убирать картофель на колхозных полях, а восьмого октября началась эвакуация района. Школу эвакуировать не успели, и все ее ценное оборудование общей стоимостью 150 тысяч рублей погибло во время оккупации. Захватчики-варвары хотели взорвать школу, но группа смельчаков-комсомольцев (Иван Сахаров, Дмитрий Шестаков, Георгий Прохоров и Альберт Кондрашов) организовала обстрел территории школы и подступов к ней. Испугавшись партизанских действий, немцы отступили.

Однако школа была сильно разрушена: ни рам оконных, ни дверей, ни инвентаря, ни кренкой крыши... Едва только тургенеовцы принялись за восстановление школы, как пришлось эвакуироваться. В 1942 году в школе расположился госпиталь. Учителя В.И. Жадушкина и П.А. Кочеткова стали работать в нем медсестрами. Потом А.И. Жадушкина добровольно ушла на фронт и пробыла в армии до февраля 1946 года.

Поредел и изменился коллектив учителей и их питомцев. Ведь почти два года школа не работала... В августе 1943 года населению с. Тургенева разрешено было вернуться в родные места.

Начать учебный год в прежних школьных зданиях было невозможно, занятия начались в двух домах колхозников на Красных холмах и в сельском совете. В прежнюю школу вернулись в декабре того же года (учащиеся, учителя и колхозники по возможности подремонтировали помещение). «Вновь стены родной школы, - пишет Анатолий Федорович, - огласились криком, шумом, весе-

лым смехом наших дорогих детишек, так много перенесших за время войны!.. Не было в этом году лишь десятого класса, так как многие десятиклассники были на войне, другие устроились на работу, третьи - на различные курсы.

После шестилетней вынужденной разлуки с семьей, в феврале 1944 года, мне посчастливилось получить от командира армейской части двухнедельный отпуск... С замирающим сердцем подходил я на рассвете к своим родным местам. В Хозикове я не увидел большого сада с громадными тополями, защищавшими его со всех сторон. Не узнал я и Тургеневского парка: на месте сада не оказалось ни одной яблони, сильно поредели сосны и ели.

Днем я увидел, как изменилось село Тургенево, этот живописнейший уголок Чернского района. Разрушенными оказались водяная мельница и плотина, обмелела речка Снежедь, змейкой извинаяющаяся по тургеневским местам и огибающая усадьбы школы и колхоза. Поредели дворы в Тургеневе, Хозикове и других населенных пунктах. Хмуро и уныло выглядели домики колхозников.

Много горьких воспоминаний о пережитом пришлось мне выслушать от земляков. Я видел горькие слезы вдов и детей, потерявших отцов, но во всех этих полных горя и страданий рассказах ясно слышалось и другое: священная ненависть к врагу, решимость сделать все для окончательного разгрома его...

Школьное здание, кое-как приспособленное для занятий, в 1945 году еще сохраняло следы разрушений. Окна, заложенные кирпичом, покосившиеся, полустгнившие полы, грубо и наскоро сделанные парты (вернее, столы), единственный школьный шкаф, где лежало несколько книжек школьной библиотеки и кое-какие учебные пособия - все напоминало о пережитом...

Предстояло очень много работы, чтобы довести эту единственную в Черском районе школу до уровня довоенного и создать материальные условия для ее дальнейшего развития.

И уже в 1946 году на восстановление школы отпускаются некоторые средства, однако их не хватало, и сроки восстановления школы затянулись... С 1946 по 1954 годы школой руководили четыре директора и несколько завучей. В таких условиях нельзя было по-настоящему сплотить коллектив учителей и учащихся, направить его усилия на борьбу с трудностями».

Анатолий Федорович с болью ощущал потерю прежнего престижа Тургеневской школы, которой он отдавал всего себя. Ему пришлось мужественно пройти сквозь унижение, оскорбление его гражданского достоинства.

В 1938 году его арестовали как врага народа, и поэтому он служил в армии в штрафном батальоне, строил понтонные мосты для переправы наших войск, несколько раз заслуживал награды, как это отмечено в его личном деле, но ни одной награды не получил из-за судимости. В начале 50-х годов прежнего директора прекрасной школы реабилитировали «за отсутствием состава преступления». Вскоре после этого его вновь назначили директором Тургеневской шко-

лы. Завучем тогда была исключительно трудолюбивая и тактичная учитель истории Н.И. Вагулина.

«... к началу 1957-58 учебного года, - пишет автор истории школы, - школа значительно изменила свой внешний и внутренний вид. Основное здание было капитально отремонтировано, здание, где в былые времена размещалась второклассная и церковно-приходская школа, - восстановлено, школа пополнилась оборудованием и наглядными пособиями». Оживляется вновь просветительская работа учителей с колхозниками. Они проводят беседы, доклады, читают лекции. Прочитывалось до сотни лекций. В 50-е годы учащиеся насадили много лесополос, которые сейчас очень украшают поля и дороги окрестностей села Тургенева. В парниках на пришкольном опытном участке вновь, как и в старые времена, высаживается много видов рассады. Отлично организована опытная работа под руководством Алексея Васильевича Просветова, который позже был удостоен звания Заслуженный учитель. Школа украшается прекрасными клумбами. Урожай, выращенный учащимися, используется для питания детей в мужском и женском интернатах.

Учителя добросовестно работают над качеством уроков. Старшие учителя передают молодым учителям свой опыт, преданность педагогической работе. В школе вновь прекрасный коллектив. Как много интересного дали детям учителя литературы: Полина Афанасьевна Кочеткова, Тамара Михайловна Французова, Нина Тихоновна Абрамычева, Эльвира Ильинична Александрова. Тщательное изучение творчества Ивана Сергеевича, прекрасные уроки, походы на Бежин луг с инсценировками и ночными кострами, литературные вечера, многочисленные спектакли по классическим и современным пьесам, экскурсии по литературным местам России, и многое другое – это дело их, безотказных тружеников, замечательных воспитателей, настоящих друзей детворы. Многолетний завуч и учитель литературы Александра Константиновна Печникова была постоянным суфлером у школьных театралов. На спектакли школы всегда собиралось все село, часто драматический коллектив выезжал на концерты-конкурсы в Чернь и завоевывал там призовые места. Директор школы, любитель художественной самодеятельности, сам был непосредственным участником и часто режиссером этих постановок.

Истинным энтузиастом своего дела был математик Александр Яковлевич Стариков. Сколько олимпиад и математических вечеров провел он! К тому же лихой плясун. Он вместе с Марией Петровной Прохоровой восхищал ребят своей непринужденной веселостью в моменты отдыха в школе. На уроках же и Мария Петровна и он были предельно строги. «У них даже муха на занятиях не пролетит», - говорили о них в школе.

Учитель физики Анастасия Михайловна Демушкина помимо уроков много времени отдавала работе Красных следопытов. Десятки фамилий

солдат и офицеров, погибших в Великую Отечественную войну и похороненных в братской могиле близ школы, отыскиали учащиеся вместе с Анастасией Михайловной. Будучи человеком очень мобильным, она провела много экскурсий по родному краю. Прежний краеведческий музей (детище Марии Ивановны и Федора Федоровича), созданный при школе, хранил не один десяток писем на имя Анастасии Михайловны Епищевой.

Ни о ком из учителей Тургеневской средней школы нельзя было сказать плохо. Здесь продолжали жить традиции солидарности в воспитании настоящих граждан любимой Родины. Прививалась унаследованная любовь к педагогическому труду. Недаром многие выпускники избрали себе тот же нелегкий благородный путь. Тургеневские воспитанники-учителя разъехались по всей стране, оставаясь везде тургеневцами.

Мне самой посчастливилось несколько лет после окончания МГУ работать учительницей русского языка в моей родной школе. Никогда больше в жизни мне не встречались люди, влюбленные в свою работу так, как тургеневцы.

В настоящее время нет уже той славной Тургеневской средней школы... Словно ушедшее из жизни старшее поколение педагогов унесло с собой все лучшее... Почти ничего не осталось от экспонатов прежнего музея. Само здание бумажной фабрики, где он размещался, подверглось варварскому искажению, в силу многих, в том числе и денежных, обстоятельств... Сохранился масштабный план зимнего флигеля фабрики, начерченный еще молодым Анатолием Федоровичем, который боялся, что со временем мемориальное здание исчезнет, как и дом Тургеневых, сгоревший в 1919 году (на фундаменте этого дома позже и была построена средняя школа).

Последнее время хищнически уничтожается парк и сад, которые свято оберегало Общество охраны природы, которое возглавлял А.Ф. Поляков, будучи уже пенсионером.

Вся надежда на Государственный музей И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове, который вновь отреставрировал зимний флигель, обозначив в нем комнату, где гостил и трудился над рассказами «Певцы» и «Бежин луг» писатель. Приводится в порядок вся усадьба Тургеневых. Может быть и Тургеневскую школу ждут новые светлые перемены...

Примечание

1. И.С. Тургенев в 1847-1850 годах постоянно жил за границей и приехал в село Тургенево лишь в конце лета 1850-го года.

V

С думой о Тургеневе

*Л.Н. Назарова и Н.П. Пузин на Бежином луге. 1987 год.
Фотография О.Н. Попова.*

ВСТРЕЧИ В СПАССКОМ

В Орле во время Тургеневской конференции 1955 года я познакомилась с заслуженным работником РСФСР, обладателем многих орденов и наград Николаем Павловичем Пузиным. Помню, как он сам подошел ко мне и представился научным сотрудником музея-усадьбы Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. На нем была черная рубашка-косоворотка, но не из ситца, а из какой-то плотной материи. Лицо его излучало приветливость и доброжелательность. Мне он сразу очень понравился.

Договорились, что вечером встретимся в фойе гостиницы «Орел», где мы остановились тогда. Но потом оказалось, что Николая Павловича пригласили к себе в номер Михаил Павлович Алексеев и его жена Нина Владимировна...

После конференции все ее участники, в том числе и сотрудники Пушкинского Дома (супруги Алексеевы, Н. В. Измайлов, В. В. Данилов, А. И. Батюто и я), а также профессор Велчев (Болгария), доцент Натадзе (Грузия) и студенты-иностранцы филологического факультета Ленинградского университета, отправились в Спасское-Лутовиново.

Вспоминаю, как мы побывали тогда в музее «Флигель изгнанника», в котором размещена была экспозиция, посвященная периоду ссылки И. С. Тургенева в Спасское-Лутовиново (1852-1853). Экскурсию (очень живо) провела для нас научный сотрудник Нина Трофимовна Павлова, рано ушедшая из жизни... Мы с Н.П. Пузиным впоследствии, приезжая в Спасское-Лутовиново, часто навещали ее могилу на местном кладбище.

А в тот первый мой приезд в тургеневские места Н. П. Пузин сообщил мне, что он всегда свой отпуск проводит в Спасском-Лутовинове, которое очень любит, что он бывал здесь постоянно еще в детские годы. Мы прошли и по чудесному саду, окружавшему «Флигель изгнанника» (мемориальный музей-усадьба тогда еще не был восстановлен). На лугу, неподалеку от музея «Флигель изгнанника», были устроены клумбы и стоял бюст И. С. Тургенева работы скульптора Домогацкого. На меня самое сильное впечатление произвел высокий дуб, посаженный самим писателем.

Сейчас меня вдруг одолело сомнение... А поехал ли Н.П. Пузин тогда вместе с нами из Орла в Спасское? Может быть, не ездил? Вот о том, что после следующей, совместной с музеем И.С. Тургенева в Орле Тургеневской конференции 1958 года, он, вместе с М.П. Алексеевым, зарубежны-

ми и нашими учеными, научными сотрудниками Тургеневской группы (Е. И. Кийко, А.И. Батюто, Т.П. Головановой, К.Ф. Бикбулатовой, Е.М. Хмелевской и мною) туда съездил, - это уже я помню совершенно отчетливо. И в воспоминаниях о М.П. Алексееве я описываю, как Михаила Павловича (с группой зарубежных ученых) местные представители «органов» не пустили за ограду тургеневского сада, очевидно, из-за боязни, что иностранцы могут зайти к колхозникам соседнего Петровского... Сцену мы наблюдали вместе с Николаем Павловичем Пузиным, который сопровождал меня по саду.

Это было, конечно, уже продолжение моего знакомства с Н.П. Пузиным. Все-таки впервые мы встретились в Орле в 1955 году, как я уже упомянула выше.

Дружба же наша началась в начале 1960-х годов и продолжается, к счастью, до сих пор, ибо Николай Павлович - совершенно уникальный - образованный, умный, добрый, талантливый во всем человек. Он любит и знает не только все, что связано с жизнью и творчеством Л. Н. Толстого. Являясь поклонником Спасского-Луговина, Николай Павлович блестяще знает творчество Тургенева и, конечно, не только его... Именно в 1963 году, когда я со своей приятельницей Е.Э. Шимкевич, приехав в Спасское, поселилась в «богадельне», где всегда останавливался Николай Павлович во время своих очередных отпусков, мы с ним сошлись ближе и, смею думать, смогли оценить по достоинству этого во многих отношениях замечательного человека и дружески полюбили его.

Великолепный знаток не только Спасского-Луговина, но и его окрестностей, Н.П. Пузин охотно проводил с нами обеими (часто к нам присоединялся еще московский режиссер С.Л. Штейн, близкий его друг) походы на Кобылий верх, в Пчелкин лес, в Мацнев лес, к протасовским березам.

Когда же приехал из Москвы художник Борис Валентинович Щербаков, хороший знакомый Н.П. Пузина, то он на своей машине возил нас и в более дальние окрестности Спасского-Луговина, тоже очень живописные. Б.В. Щербаков еще до посещения тургеневских мест создал альбом, посвященный Ясной Поляне, по которой его вожатым и консультантом был, конечно, Николай Павлович. Этот художник был интересным человеком, ибо, несомненно, обладал еще и литературными способностями, любил русскую литературу. Нередко он сам писал вступительные статьи к публикациям своих живописных работ. У меня сохранился, например, набор открыток Спасского-Луговина (1968 г.) с такой дарственной надписью: «Дорогой Людмиле Николаевне на память о днях, проведенных в Спасском. Борис Щербаков. 27 июня 1968 г.». А на первом

выпуске набора открыток «Пушкинский заповедник» (всего Б. В. Щербаков издал три выпуска своих работ, посвященных этому заповеднику) есть такая надпись: «Дорогая Людмила Николаевна! Примите сердечные поздравления с праздником, лучшие пожелания и большой-большой привет от Щербаковых. 7 февраля 1972 г.». К набору же открыток с работ Щербакова, посвященных Ясной Поляне, вступительную заметку написал Николай Павлович Пузин, вот почему они хранятся у меня с его дарственной надписью: «Дорогому другу Людмиле Николаевне с любовью от преданного ее почитателя Николая Пузина. 27 февраля <1968 г.>». Бориса Валентиновича Щербакова привлекала мысль: «связать воедино образы русской природы, созданные великими русскими писателями, с живописным их изображением, попытаться в зримых, конкретных образах передать именно те мотивы, которые вдохновляли писателей, ту природу, среди которой они жили и работали».¹

В 1966 году Союз художников РСФСР организовал в Москве персональную выставку произведений Б.В. Щербакова «По памятным литературным местам», на которой было представлено около 250 работ, посвященных Ясной Поляне, Спасскому-Лутовинову и Михайловскому.

А в Ленинграде к 50-летию со дня рождения Б.В. Щербакова Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и Дворец культуры им. С.М. Кирова устроили 17 декабря 1966 года литературный вечер «Русский пейзаж в литературе и живописи». Вступительное слово было сказано мною. Б.В. Щербаков рассказал о своей работе над пейзажами из серии «Литературные памятные места». Выступали также мастера художественного слова, и был произведен осмотр выставки работ художника. Вечер и выставка состоялись в Доме культуры на Васильевском острове (обо всем этом свидетельствует и пригласительный билет, который сохранился в моем личном архиве). Николаю Павловичу я, конечно, тогда обо всем этом сообщила, и он был очень рад.

Значительно позднее я побывала в мастерской Б.В. Щербакова в Москве, где он показал мне множество работ, посвященных лермонтовским памятным местам.

В 1960-х годах, в связи с приближающимся тургеневским юбилеем 1968 года (150-летием со дня рождения писателя) в летние месяцы приезжали в Спасское многие представители артистического мира. Я уже упоминала о том, как руководимый режиссером С.Л. Штейном Народный театр Дома культуры Московского завода им. Лихачева приезжал в Спасское-Лутовиново. Мы с Николаем Павловичем были приглашены на репетицию трех актов спектакля «Месяц в деревне», по пьесе Тургенева. Помню, что оба остались довольны, хотя сделали (особенно Н.П. Пу-

зин) ряд критических замечаний.

Как-то из Москвы же приехал молодой кинорежиссер Ярослав Филиппов со своим сценарием документального фильма об И.С. Тургеневе. Показал его нам. И я, и Н.П. Пузин довольно изрядно покритиковали этот киносценарий. Я. Филиппов обещал учесть наши замечания, что и выполнил - я позднее смотрела в Ленинграде его тургеневский кинофильм. Так как Ярослав приехал на своей машине, то он уговорил Николая Павловича и меня поехать с ним в Клейменово, где мы посетили могилу А.А. Фета и его жены в могильном склепе Покровской церкви (храм был занят тогда под какое-то складское помещение, около него стояли грузовики... Теперь, правда, он полностью отреставрирован).

Приезжал в Спасское-Лутовиново и тогдашний директор Орловского музея И.С. Тургенева (Спасское было в ту пору его филиалом) Леонид Николаевич Афонин с женой Ираидой Анатольевной Ситниковой и прелестной дочкой Надей. Они приезжали, как утверждал Леонид Николаевич, «по грибы». И я, и Николай Павлович, бывая в Орле в летние месяцы, посещали Крестительское кладбище, где был похоронен его отец. А потом заходили в гостеприимный дом Афониных-Ситниковых на Садово-Пушкарной улице.

Приезжали в Спасское и в 1960-е, и позднее друзья Л.Н. Афонина - Александра Митрофановна Неделина и ее дочь Женя, студентка Орловского педагогического института. Ее опекал Леонид Николаевич и, очевидно, под его влиянием, она занималась не только И.С. Тургеневым, но и Л.Н. Андреевым. Еще студенткой Женя Неделина печаталась в орловских газетах (одна из последних ее статей - а Женя скончалась очень-очень рано - под названием «Хранитель вечного», посвященная Н.П. Пузину, - сейчас лежит передо мной. Она была помещена в «Орловской правде» 2 апреля 1991 года).

Женя Неделина возила также экскурсионные автобусные группы из Орла в Спасское-Лутовиново. И пока ее экскурсанты знакомились с музеем и садом, она заходила к нам в «богadelню» и рассказывала мне и Николаю Павловичу все орловские новости. Я никогда не вела дневников, но почему-то, находясь в Спасском в 1981 году, сделала три дневниковые записи. Привожу полностью один текст, записанный мною 25 июля 1981 года: «Приезжала Женя - дочь Александры Митрофановны (друзья и дальние родственники Афониных-Ситниковых). Женя сдала успешно государственные экзамены и защитила дипломную работу о Л.Н. Андрееве. Очень она повзрослела (я ее давно не видела) и похорошела. Сообщила Николаю Павловичу, что архиепископ Орловский и Курский Глеб получил орден Дружбы народов за сбор средств в Фонд мира (другие

священники награждены почетными грамотами). Происходило это в музее Тургенева, где имеется лекционный зал. По словам Жени (позднее их подтвердил и Александр Иванович Понятовский), экскурсии в музей священнослужителей бывают не менее двух раз в год. Однажды в музее для них демонстрировался какой-то английский фильм (о Вселенском Соборе) и переводчицей была сотрудница музея Е.М. Шинкова».

Александра Митрофановна Неделина тоже не раз приезжала в Спасское-Лутовиново, а в Орле она всегда посещала все Тургеневские конференции. Как-то Елена Гавриловна Андреева по телефону прочитала мне письмо Александры Митрофановны, которая очень любила Николая Павловича. В этом письме она сообщает, между прочим, что часто выступает в Орле по радио и телевидению (ее приглашают как знатока храмов и орловской старины). В конце 2001 года А.М. Неделина скончалась.

В 1968 году мы с Н.П. Пузиным опубликовали в журнале «Огонек» небольшую статью («фуфоську», как он говорил) под названием «В отчем краю» (о Спасском-Лутовинове) (№ 46, ноябрь, с. 16). Позднее мы еще два раза выступали как соавторы. Один раз напечатана была наша статья «Два приезда Л.Н. Толстого в Спасское-Лутовиново» в «Спасском вестнике» (1993, №2. С. 17-51), и в тульском историко-публицистическом альманахе «Воскресение» (1998, № 3. С. 75-80) - статья «Борис Зайцев и Тульский край».

Я уже вспоминала не раз о прогулках с Н.П. Пузиным по окрестностям Спасского. Один раз вместе со мной и моей сестрой Златой Николаевной Назаровой, которая тоже была очень дружна с Николаем Павловичем и неоднократно жила со мной в «богадельне», Николай Павлович и Сергей Львович Штейн ездили на Бежин луг, который тогда переживал не лучшие времена: по соседству с ним находилась действующая каменоломня...

С большим удовольствием вспоминаю пеший поход на берега реки Зуши, что протекает довольно далеко от Спасского. Мы, т. е. Николай Павлович, я, Марина Петровна Романкова (врач-хирург), ее муж - Вольдемар Альфредович Леоско (доктор медицинских наук) - ленинградцы - с огромным интересом прослушали по пути рассказ Н. П. Пузина о его знакомстве и переписке с замечательным человеком - одновременно врачом-хирургом Валентином Феликсовичем Воин-Ясенецким и... архиепископом Лукой. Он был автором книги «Очерки гнойной хирургии», практикующим хирургом, спасшим во время Великой Отечественной войны огромное количество воинов Красной Армии. За это В.Ф. Воин-Ясенецкий был награжден сталинской премией, хотя он не переставал

исполнять духовную службу. Часто, отслужив обедню, он спешил в военный госпиталь, где собственноручно производил операции.

Позднее Н.П. Пузин написал статью об архиепископе Луке и опубликовал шесть его писем.² Но еще до публикации однажды в «богадельне» дал мне прочитать эту свою работу. Привожу отрывки из двух писем В. Ф. Воин-Ясенецкого к Н. П. Пузину 1942 и 1943 годов. «8 ноября 1942 г. Николаю Павловичу мир и благословение <...> Не могу часто писать Вам, т. к. работы очень много, и нередко устаю до упада. Кроме большой лечебной работы, читаю по понедельникам врачам всех госпиталей курс лекций по гнойной хирургии, а к ним надо готовиться». А вот отрывок из письма от 16 августа 1943 года: «Николаю Павловичу мир и благословение. Большая и неотложная новость. 2/VIII я получил телеграмму из Москвы. Всеславянский комитет просит написать статью для заграничной славянской печати о моей общественной деятельности во время Отечественной войны в качестве Красноярского архиепископа и хирурга госпиталей Красной Армии».

Не раз приезжали в Спасское-Лутовиново и жили тоже в «богадельне» супруги Гороховы, Максим Маркович и его жена Инна Матвеевна с дочерью Машей. Николай Павлович был очень дружен с этой семьей. Максим Маркович - научный сотрудник музея Л.Н. Толстого в Москве, а Инна Матвеевна работала тогда в музее А.И. Герцена. Конечно, у Н.П. Пузина было с ними много общих интересов. Тем более что М.М. Горохов оказывал, как музейный работник, какие-то существенные консультации дирекции музея Спасского-Лутовинова. Помню наши вечерние прогулки по саду с участием Гороховых, а также выступления их в беседах с научными сотрудниками Спасского. В этих беседах принимал участие и Р.Ю. Данилевский, научный сотрудник Пушкинского Дома (он тоже не раз жил в «богадельне» с женой) и я. Не помню, о чем рассказывали Гороховы - вероятно, о своих московских музеях, Р.Ю. Данилевский - о «Лермонтовской энциклопедии». Что же касается меня, то я сделала сообщение о книге Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенева» (Париж, 1949) и о своей переписке с этим писателем. Н.П. Пузин, насколько я помню, ни разу не выступал, но был всегда внимательным слушателем.

Научные сотрудники Спасского в ответ устроили нам прекрасный вечер в мемориальном музее 5 августа 1989 года. В сумерках, при зажженных свечах... В каждой из комнат один или два сотрудника читали перед нами отрывки из произведений Тургенева! Читали выразительно, эмоционально, а мы переходили из одной комнаты в другую. Очень мы были тронуты этим чудесным вечером при свечах, когда как бы оживала обстановка тургеневского дома. Инициатором всего была хранитель мемори-

ального музея В.П. Волчихина.

На липовом кругу Спасского сада Орловский драматический театр в августе того же года показал спектакль-водевиль А.И. Писарева «Хлопотун» (постановщик Б.Н. Голубицкий). Спектакль шел с музыкальным сопровождением и в костюмах, доставил большое эстетическое удовольствие всем зрителям.

Это начинание возрождало традиции театральных постановок в Спасском-Лутовинове, когда здесь существовал крепостной театр у Варвары Петровны Тургеневой, матери писателя. В газете «Орловская правда» (13 августа 1989 года) была помещена заметка «Возрождение традиций», подписанная Н. Вулих, Л. Назаровой, Н. Пузиным, М. Гороховым, где мы высказали свои впечатления от спектакля.

Приезжал в Спасское-Лутовиново Илья Владимирович Толстой, профессор Московского университета, с женой Светланой Владиславовной и племянником. Помню, они разыскали нас с Николаем Павловичем в саду. А потом мы все сидели под ракитой (которой уже нет!), близ «богадельни», и пили чай из самовара, который привезли с собой Толстые.

Между прочим, Н.П. Пузин был ответственным редактором книги И.В. Толстого о «Ясной Поляне», роскошно изданной, с прекрасными иллюстрациями. Николай Павлович подарил мне ее со своим автографом.

Когда не было приезжих, Николай Павлович и я по утрам в его комнате пили чай и слушали радио. Часто мы приглашали к столу заведующую «богадельней» Нину Алексеевну Седову, приветливую и добрую нашу хозяйку. Дружба Н.П. Пузина с Н.А. Седовой продолжается и по сей день. Муж ее, Николай Васильевич, тоже один из технических сотрудников музея, умер несколько лет тому назад. Еще при его жизни мы с Николаем Павловичем по праздникам бывали у них в гостях. И еженедельно посещали их баню...

Надо еще отметить, что у Николая Павловича было всегда много добрых знакомых среди не только научных сотрудников музея, но и технического персонала. Например, он любил беседовать с Н.К. Чернышевой, исполнявшей обязанности конюха, которая была влюблена в свою лошадку, с П.И. Козловой, смотрительницей мемориального музея. Со всеми он любил поговорить, и в Спасском-Лутовинове его знают и любят все жители! А ведь там жили и живут потомки тургеневских героев...

В 1972 году я приехала в Спасское-Лутовиново с научным сотрудником Тургеневской группы Пушкинского Дома Ниной Федотовной Будановой. При ней как раз приезжали туда же Леонид Николаевич Афонин с женой, и мы все, с Николаем Павловичем и тогдашним заведующим Спасского Владимиром Борисовичем Борисовым, ходили в Петровское

и к Авдюхиному пруду, описанному Тургеневым в романе «Рудин». Потом сфотографировались на фоне дворовых построек Спасского (в том числе бывшей бани) и за чаепитием под ракитой.

Нина Федотовна очень подружилась тогда с Николаем Павловичем. Они много говорили о Ф.М. Достоевском, об Оптиной пустыни, о творчестве Тургенева. Она стала автором книги о романе «Новь» (1983), позднее - серьезного труда о Тургеневе и Достоевском (1987). Переписку с Н.П. Пузиным Нина Федотовна не прерывает до сих пор.

Во время ее приезда в Спасское мемориальный дом-музей только восстанавливался - у меня сохранились две фотографии 1970-1972 годов, присланные Александром Ивановичем Понятовским, на которых запечатлен процесс строительства. Одну из них я привожу в воспоминаниях об А.И. Понятовском.

Н.П. Пузин много рассказывал нам с Ниной Федотовной о саде Спасского-Лутовинова, о последней владелице - наследнице Тургенева Ольге Васильевне Шеншиной (по мужу Галаховой, жене вице-губернатора Орла). О.В. Шеншина являлась родной племянницей А.А. Фета и была крестной матерью Н.П. Пузина. Николай Павлович рассказывал также о том, что в 1905 году, когда горели кругом усадьбы, супруги Галаховы перевезли обстановку тургеневского дома из Спасского в Орел. Благодаря им, удалось, таким образом, начать теперь восстановление сгоревшего дома в Спасском, и позднее в него должны были передать мебель из Орла (что и было осуществлено в 1976 году).

Рассказывал Николай Павлович также о старшем сыне Л. Н. Толстого Сергее Львовиче, с которым он много общался, был близок и написал вступительную статью к его книге воспоминаний «Очерки былого», выдержавшей четыре издания. Третье издание (1965) Н.П. Пузин подарил мне со своим автографом. Он был дружен также с С. Толстой-Есениной, очень жалел ее...

В 1981 году в Орле вышел биобиблиографический словарь «Писатели Орловского края». В нем помещены мои статьи о Б.К. Зайцеве и Н.П. Пузине. Одним из редакторов этой книги была Ксения Дмитриевна Муратова, тоже гостившая в Спасском-Лутовинове. Помню, что она зашла как-то утром к нам, и мы вместе пили чай (под ракитой!). Ксения Дмитриевна рассказала нам с Николаем Павловичем много интересного о писателях начала XX века. Мы с большим вниманием ее слушали. В другой раз я одна гуляла по саду с Ксенией Дмитриевной. Она была уроженкой города Болхова, в который мы однажды ездили на экскурсию, устроенную директором Спасского-Лутовинова. Уроженка Болхова, Ксения Дмитриевна много рассказывала мне во время нашей прогулки об этом

маленьком городке Орловской области.

Возвращаясь теперь несколько назад, я хочу сказать, что пишу только о том, что сама видела или слышала. Поэтому я не касаюсь вопроса о необычайно плодотворной деятельности Н.П. Пузина в музее-усадьбе Л.Н. Толстого. Об этом существует огромная литература (в том числе и воспоминания).

Я была в Ясной Поляне два раза. Первый раз очень давно, очевидно, в начале 1960-х годов. Тогда я мало знала Николая Павловича, но, прослушав его экскурсию по мемориальному музею Л.Н. Толстого, закончившуюся у могилы писателя, была совершенно потрясена, подобно моим спутницам - Е.И. Кийко и Т.П. Головановой.

Второй раз я побывала там 25-27 мая 1985 года.³ Я приехала в Ясную Поляну по приглашению Н.П. Пузина со своей сестрой Златой. Мы три дня пользовались гостеприимством Николая Павловича и его жены Анастасии Кузьминишны. Конечно, Николай Павлович сходил с нами в мемориальный музей и на могилу Л. Толстого, затем в сад, который, впрочем, показался мне гораздо менее привлекательным, нежели сад Спасско-го-Лутовинова. Но посещение Ясной Поляны в целом произвело на меня и сестру сильное впечатление, как и общение с дорогим другом, Н.П. Пузиным.

Хочу в заключение сказать еще о том, что существовал документальный фильм «Ясная Поляна» из серии «Литературное наследство». Он демонстрировался по телевидению и состоял из двух серий. В фильме участвовала внучка Толстого - Татьяна Альбертини-Сухотина, правнуки - Илья Толстой и Марта Альбертини. Ведущим фильма был Николай Павлович Пузин. С. Сатыренко, режиссер фильма, говорил, что после показа фильма было получено множество писем от разных лиц. Во многих из них содержались просьбы о повторном показе. В статье режиссера, помещенной в газете «Говорит и показывает Москва» [1981, №42, октября 12-18 (Ленинградский выпуск)] помещен фрагмент и моего отзыва, который я послала в Москву после премьеры. Привожу этот свой текст: «... От множества других фильмов, посвященных Ясной Поляне, этот фильм отличается строгостью и документальностью. Очень удачно смонтированы в него кадры из сохранившихся старых кинолент с изображением живого писателя (Толстой верхом; Толстой, занятый пилкой дров; Толстой с женой, с крестьянами, с внучкой Таней Сухотиной), показаны и похороны Толстого. Звучит в фильме голос великого русского писателя - он диктует письмо к Н. Давыдову о сборе материалов для своей публицистической статьи «Не могу молчать». Представляют интерес также введенные в телефильм «Ясная Поляна» кадры, в которых изображен

Н.Н. Гусев - секретарь и биограф писателя, ученый, который внес большой вклад в современную науку о Толстом. Прошлое в телефильме все время переплетается с настоящим. Мы видим кадры, посвященные замечательному музею: рассказывается история его отдельных экспонатов (портреты, фотографии, предметы обстановки), его книжного богатства (библиотека Ясной Поляны собиралась "всем миром", как говорил друг и последователь Л. Толстого врач Д. Маковицкий).

Остается пожелать, чтобы интересный и волнующий телефильм "Ясная Поляна" был еще не один раз показан по телевидению».

Теперь я снова возвращаюсь к пребываниям Н.П. Пузина и моем в Спасском-Лутовинове. Хочу еще вспомнить о том, что в годы 1963-1989, в музее-усадьбе И.С. Тургенева работали высококвалифицированные, преданные своему делу научные сотрудники. Нам с Николаем Павловичем приходилось общаться с многими из них, например, с Б.В. Богдановым - автором многих статей, книг, путеводителей по тургеневским местам. Его и Е.В. Проца содержательные и глубокие экскурсии по мемориальному музею, по усадьбе всегда производили большое впечатление на всех, кто их слушал. Помню и Р.М. Алексину, а позднее Л.А. Богданову в должности ученого секретаря дирекции музея. Кстати, Л.А. Богданова, некоторое время заведовавшая библиотекой музея, постоянно пополняла ее новыми изданиями, выписывала газеты и журналы, словом, была прекрасным библиотечным работником.

Хочу еще сказать о том, что с Н.П. Пузиным я постоянно встречалась на Тургеневских конференциях в Орле, которые проводились местным Педагогическим институтом совместно с музеем И.С. Тургенева. Вспоминаю и конференцию 1970 года, посвященную 100-летию со дня рождения И.А. Бунина. Одно из заседаний проходило в Орловском театре им. И.С. Тургенева. Мы с Н.П. Пузиным сидели в одном из первых рядов, с нами был известный исследователь творчества Бунина Александр Кузьмич Бабореко. Так как я должна была в этот вечер прочитать свой доклад «Парижские встречи с далеким и недавним прошлым» (написанный совместно с Т.П. Головановой),⁴ то мне потом пришлось перейти на сцену и сесть в президиум. Над моей головой висел огромный портрет И.А. Бунина, а рядом сидел Л.Н. Афонин.

В общем, когда я бывала в Орле, то всегда там встречалась с Н.П. Пузиным, ведь нас связывали общие интересы, прежде всего, в области литературы, искусства, истории и, конечно, воспоминания о милом Спасском-Лутовинове. Обедали мы часто вместе в одной из столовых или даже в ресторане, что было вполне по карману научному сотруднику в те времена...

Ну, а как же было зимой? Мы переписывались, общались по телефону. Николай Павлович не любит больших городов, но все же он раза два за эти годы нашей дружбы приезжал в Ленинград. Один раз вместе со своим тогдашним другом он посетил кладбище в Комарове, где у того был похоронен кто-то из близких. В этот свой приезд в наш город Николай Павлович побывал у меня на проспекте Тореза, чему мы с сестрой Златой были бесконечно рады. На вокзал мы ехали на такси вечером по освещенному городу, который мне так хотелось показать другу.

Но самое главное заключается, конечно, в том, что Н.П. Пузин написал две интересные статьи для наших «Тургеневских сборников» - слутников Полного собрания сочинений и писем И.С. Тургенева. Статья его «Тургенев и М.Н. Толстая» появилась во втором выпуске этого сборника (1966), посвященном М.П. Алексееву, в связи с 70-летием со дня его рождения, а статья «Тургенев и Н.Н. Толстой» - в пятом выпуске (1969).

Когда вышла в свет наша «Библиография литературы о И.С. Тургеневе. 1918-1967» (Л., 1970), Н.П. Пузин отозвался на нее рецензией «Тургеневская библиография» («Коммунар», Тула, № 279 от 28 ноября 1971 года).

Наконец, Николай Павлович - участник «Тургеневской энциклопедии», которая готовится в Пушкинском Доме. Он не только написал для этого труда несколько интересных статей, освещающих отношения Тургенева с кругом Л.Н. Толстого, но и привлек к участию других сотрудников музея-усадьбы «Ясная Поляна». О большом вкладе сотрудников Ясной Поляны в «Тургеневскую энциклопедию» мне рассказала и ученый секретарь ее Н.П. Генералова (теперь она - доктор филологических наук).

Н.П. Пузин неоднократно печатался в журнале «Русская литература» [статьи «Письмо Л.Н. Толстого об И.С. Тургеневе» - 1961, № 4; «Т.А. Кузьминская об А.А. Фете» (публикация - 1968, № 2 и др.)].

10 декабря 1970 года в Институте русской литературы состоялось заседание, посвященное 150-летию со дня рождения А.А. Фета. На этом заседании выступали с докладами Л.М. Лотман, Б.Я. Бухштаб, Н.И. Пруцков и Н.П. Пузин. Николай Павлович делал доклад на тему «Новые страницы рукописного наследия Фета». Я присутствовала на этом заседании и хорошо помню, с каким большим интересом выслушан был доклад Н.П. Пузина, дальнего родственника поэта (мать Николая Павловича была из рода Кологривовых, а прабабушка была из рода Шеншиных, и они с мужем погребены в общем некрополе Шеншиных в Клейменове под старой церковью⁵), чья племянница, как я уже упоминала, была его крестной матерью. К заседанию была открыта выставка, посвященная А.А. Фету.

Кстати, я вспомнила тогда, что заведующий фондами музея Тургене-

ва милый и очень добрый Александр Иванович Понятовский как-то рассказал мне, что Николай Павлович передал в музей материалы, связанные с жизнью и творчеством А.А. Фета, и в течение нескольких лет был членом Ученого совета музеев.

И еще хорошо помню, как для меня и моей сестры провела экскурсию по Музею писателей-орловцев Лидия Валентиновна Иванова. Особенно эмоционально рассказывала она об А.А. Фете, которому посвящена первая комната этого музея. Мы были в полном восторге от экскурсии и горячо благодарили Лидию Валентиновну.

Недавно я нашла у себя старую тетрадь, в которой оказались три страницы... из моего дневника 1981 года. Из него видно, что 24 июля приезжала в Спасское из Орла заведующая Орловским музеем И.С. Тургенева Людмила Анатольевна Балыкова. Она много и интересно рассказывала о Буживале, о симпозиуме «Тургенев и Франция», о своих встречах (С.М. Толстой, Е.Г. Эткинд, донской казак Огнев - из третьего поколения эмигрантов). В маленьком театре в Париже Людмила Анатольевна смотрела пьесу Тургенева «Нахлебник», в Комеди Франсэз - трагедию Корнеля. Очень хорошо она описала свои впечатления в статье «Буживальские встречи».

Среди тех, с кем встречалась Л.А. Балыкова, был Н.В. Вырубов, внук того Вырубова, с которым был знаком Тургенев (сохранилось несколько писем к нему, напечатанных в нашем издании). Г.Н. Вырубов не только провожал гроб с телом Тургенева в Париже, но и произнес речь на Северном вокзале, перед отправкой праха писателя на родину. Автограф этой речи сохранился у Н.В. Вырубова, и он обещал прислать ксерокопию его в Орел. Побывал Н.В. Вырубов и сам в Советском Союзе и даже приезжал в Орел.

Понравился Людмиле Анатольевне немецкий тургеневед Петер Бранг, хорошо говоривший по-русски. С докладом на симпозиуме он не выступал.

Вечером к нам в «богадельню» зашел Б.В. Богданов, тоже побывавший в Буживале, и мы, то есть я, Н.П. Пузин и Л.А. Балыкова слушали рассказ о его впечатлениях. Все мы согласились с тем, что надо устроить в Буживале временную выставку.

У меня бережно хранятся многие литературные работы Н.П. Пузина с его дарственными надписями.

Сейчас мы изредка переписываемся. У Николая Павловича давно уже тяжело болела жена - Анастасия Кузьминична (она скончалась в начале 2002 года), да и у самого него есть проблемы со здоровьем (в частности, со зрением), вот почему ему трудно писать письма. И все-таки иногда он

звонит мне по телефону или присылает открытки. От всей души желаю ему здоровья! И благодарю Бога за то, что у меня есть такой чудесный друг, с которым я общаюсь в течение уже более сорока лет...

Санкт-Петербург, 29 июня 2001 г. - июнь 2002 г.

Примечания

1. См.: Борис Щербаков. Спасское-Лутовиново. «Советский художник». Москва, 1969. С. 11 (ст. Н. Пияшева).
2. См.: Слово. 1991. №3. С. 47-49 (Письма архиепископа Луки к Н.П. Пузину. Публикация, предисловие - «Мир и благословение» - и примеч. Н. П. Пузина).
3. Н.П. Пузин подарил мне позднее фотографию: академик Д.С. Лихачев на Куликовом поле сфотографировал Николая Павловича с его внуком Денисом 7 сентября 1980 г. В верхней части фотографии написано: «Спасибо Вам, дорогой друг Людмила Николаевна, за все, и, что были у нас в Ясной в 1985 г. 25-27 мая».
4. Позднее был опубликован в «Бунинском сборнике» (Орел, 1974. С. 295-306).
5. См.: Джакаев Сергей. Потомок Фета и друг Толстых // Известия, 1998, 17 сентября.

Е.И. Ключкова

ТЕМА «И.С. ТУРГЕНЕВ И ГЕРМАНИЯ» В РАБОТЕ ПАРТНЕРСКОГО КЛУБА «ОРЕЛ – ОФФЕНБАХ»

Жизнь писателя связана с несколькими европейскими государствами, в частности, с Германией. Называя ее «своим вторым Отечеством», И.С. Тургенев отдавал должное этой стране, которая способствовала его становлению «западником» в самом прогрессивном смысле этого слова.

И.С. Тургенев провел в Германии в общей сложности около 10 лет, изучая философию в Берлинском университете, организуя свои постановки в различных театрах, восхищаясь шедеврами известнейших немецких музеев. Одна из музейных экспозиций произвела на него такое неизгладимое впечатление, что Тургенев написал статью о Пергамском алтаре в Берлине.

Несколько известных повестей написаны И.С. Тургеневым в Германии, и их действие развивается на немецкой земле. К ним можно отнести повесть «Ася», одну из самых поэтичных в его творчестве. Очень живо предстает перед глазами это чудное местечко, описанное И.С. Тургеневым в мельчайших деталях, где случайно знакомятся главные герои. «Хол-

мы, башни, вековые липы, крутой мост» на берегу «светлой речки, притока Рейна» - этот таинственный пейзаж окружает и обволакивает читателя и переносит его в мир, где жили Фауст и Гретхен.

И.С. Тургенев заслужил славу и как переводчик произведений классиков с немецкого языка. Это заключительная, одна из самых сильных по своей трагичности сцен из «Фауста» Гете. Это и его баллада «Перед судом», стихотворение Г. Гейне «Стоит погода злая» и ряд других значительных переводов. Широкой общественности может быть неизвестен тот факт, что И.С. Тургенев сочинил целую пьесу на немецком языке. Это «Сценарий (для Брамса)», написанный в дни теплых и дружественных отношений между И.С. Тургеневым и И. Брамсом - пианистом и дирижером, представителем музыкального романтизма, продолжившим классические традиции Бетховена и Шуберта.

И.С. Тургенев, известный писатель, творческим наследием которого гордится весь мир, всей душой, даже будучи далеко от Родины, был привязан к родному краю, своему дому и саду, городу, где он родился. На орловской земле его память запечатлена в памятниках, названиях улиц, школ и театров. Но и немецкая земля помнит великого орловца: немецкий Баден-Баден украшает не только «Вилла Тургенева», но и скромный бюст, установленный несколько лет тому назад.

Основанный в Орле партнерский клуб «Орел – Оффенбах» большое внимание уделяет пропаганде германских связей великого русского писателя, блистательному диалогу русской и немецкой культур, которому столько способствовал И.С. Тургенев. Мы посвятили отдельный вечер теме «Тургенев и Германия». Совместно с Государственным литературным музеем И.С. Тургенева 27 марта 2003 года провели торжественное заседание клуба, посвященное Дню памяти одного из учителей Тургенева – И.-В. Гёте. В торжествах приняли участие студенты и преподаватели Орловского государственного университета, научные сотрудники музея И.С. Тургенева, артисты Орловской областной филармонии. Сюрпризом для гостей стали переводы стихотворений Гёте, выполненные доцентом кафедры немецкого языка ОГУ А.М. Кокиным.

Тему «Тургенев и Германия» продолжает Е. Пиманова. Ее статью «Тургеневский “Фауст” на немецком языке» из газеты «Поколение» от 28 мая 2002 года мы приводим полностью.

«Современная молодежь ни за что не хочет оказаться в тисках среднего класса, и вообще ни в каких иных, даже если они гарантируют определенные блага. В любом случае рамки – этот скука и ограниченность. В совместных литературных проектах ОГУ и учащихся колледжа из Баден-Олдесло (Германия) нет скучного содержания. Они снимают проблемы

языкового общения, дают опыт работы в соавторстве и, по большому счету, предоставляют возможность для раскрытия творческого потенциала».

Яблоко не падало, но идея родилась

Предложение о сотрудничестве поступило с немецкой стороны. От хороших дел не бегут как черт от ладана. Идею в Орле приняли. Родилась она не от внезапного ньютоновского озарения - подобные формы сотрудничества пришли когда-то из США. Преподаватель Роман Протцак из Бад-Олдесло посчитал некоторые мысли вполне подходящими для совместной работы. Их причесали, одели, и началась творческая лепка. Самым первым ее результатом стал экскурс в историю. Проект так и назывался «Изучаем историю». «В рамках проекта мы рассматривали каждое столетие с двух сторон, немецкой и российской, - говорит Г. В. Скрипкина, доцент кафедры немецкого языка. - Брели для анализа наиболее важные для нас исторические события. Например, 33-й год - приход Гитлера к власти. Затем послевоенная Германия, студенческое революционное движение 60-х, увлечение наркотиками в 70-х годах и так далее. Кульминацией стала встреча с Гюнтером Грассом, лауреатом Нобелевской премии в области исторической литературы...»

Что представляет собой новый проект? Во-первых, он носит характер не только исторический. Его основа - литературная и касается творчества Тургенева и Гёте. Для анализа бралось произведение «Фауст» как литературный труд обоих великих писателей. Во-вторых, в этом проекте дан простор для совместной работы в интернациональных группах. И, в-третьих, он предусматривает как исторический, так и новый современный аспект для сравнения и создания концептуальных рабочих решений. Говоря проще, студент может рассматривать произведение в различных временных границах. К тому же, ребята имеют языковую практику да еще учатся говорить в соавторстве. Признаемся себе, порой нет ничего лучше плеча друга.

Процесс пошел...

Немцы считают Тургенева половиной своим. Неудивительно. Много лет он провел в Германии, гоняясь за тенью очаровательной Полины. Произведения русского писателя там знают и любят. Л.А. Балыкова, заведующая музеем Тургенева, предложила использовать в совместном проекте страницы из творчества писателя. На выбор было предложено шесть тем: «Образы любви в произведениях Тургенева», «Влияние воспитания на любовь в тургеневском “Фаусте”», «Чувство долга и стремление к лич-

ному счастью», «Причины возникновения “Фауста”», «Образ Базарова в романе “Отцы и дети”»; «Параллели между “Фаустом” Гёте и “Фаустом” Тургенева».

Ребята получили для заполнения по две карточки. В одной из них предлагался выбор темы. В другой надо было ответить на вопросы, касающиеся сотрудничества в целом. Например, каких результатов можно ждать от совместного проекта? Итоги ответов по карточкам подводились в конце акции. По выбранным темам сформировались рабочие интернациональные группы по четыре-шесть человек. Получилась такая международная начинка у проектного пирога.

В чем трагедия?

Защита проектов проходила в музее Тургенева на немецком языке. У каждой темы был свой символ и экспозиционный лист со схемой-анализом по данному вопросу. Мне показалось небезынтесным прокомментировать одну из них – «Влияние воспитания на любовь в тургеневском “Фаусте”». На развернутом перед зрителями плакате были отображены основные моменты произведения. Дополнительно к теме рабочая группа предложила провести сравнительную характеристику между «Фаустом» и современностью. В центре листа - изображение бутона цветка, символизирующего образ главной героини - Веры. Нарисованный над цветком колпак представлял мать Веры, ограничивающую свою дочь в чувствах и желаниях. По ходу сценария раскрывается навстречу любви душа Веры. Параллельно этому начинает распускаться цветок. Полное его раскрытие - это момент объяснения Веры в любви к Павлу. Незадолго до смерти героини цветок закрывается, лепестки облетают. В эпилоге ребята зачитывают записи из дневника главной героини. Трагедия произведения заключается не только в запрете любить. Основной мотив - эгоизм окружающих.

Свет, пропущенный через призму

На защите проекта ребятам можно было предложить любой вопрос. Их задавали прямо из зала все желающие. Например: «В какой степени вы хотели бы быть свободными от влияния родителей?» Ну все, подумалось мне, сейчас секс и наркотики вылезут на поверхность - говори себе, что хочешь, никто ругать и не подумает. Но ответы вполне соответствовали мудрости «золотой середины»: «В опеке мы не сможем раскрыться», «Хочется самостоятельности на уровне взаимного доверия», «Все зависит от сложившихся отношений между детьми и родителями». Не напоминает ли эта ситуация известных «Отцов и детей»? Налицо вековой

парадокс: как похожи наши проблемы на проблемы «Отцов и детей».

В задачу проекта не входили занудные вопросы в цепочке экзаменатор-студент. Каждый имел право отвечать или не отвечать. Но основой для ответа всегда служило философское видение проблемы и ее осмысление по-своему, совершенно индивидуально. Основным критерием к ответу служила личная оценка событий. Представьте себе свет, пропущенный через призму. Сколько цветовых преломлений, столько различных позиций... В этом смысле проект стал настоящей художественной палитрой, на которой красочно изображена дорога к сотрудничеству.

Л.Д. Серова

О ПОЭТИЧЕСКИХ ВЕЧЕРАХ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ГОСТИНОЙ МУЗЕЯ И.С. ТУРГЕНЕВА В 2002 ГОДУ

За последние годы мы не раз погружались в мир классической отечественной и зарубежной поэзии, в сокровенный мир значительных поэтов ушедших поколений и наших современников, эстетические, этические и нравственные идеалы которых для нас бесценны. В настоящем году первый вечер в музее прошел в рамках выставки, открытой в день именин И.С. Тургенева 20 января. В небольшой комнате были размещены сотни экспонатов, в том числе вещи семьи Лобановых, наиболее преданных семье Тургенева людей. Эти экспонаты создавали представление о быте и традициях дома, где бережно хранилась память о писателе. Были представлены привезенные из Москвы документы, принадлежавшие Ржевским, которые находились в родственной связи с семьей Пушкина. Выступавшими на вечере были проведены краеведческие и литературоведческие изыскания относительно поиска прообраза Лизы Калитиной - героини романа Тургенева «Дворянское гнездо», о чем мы узнали из выступления научного сотрудника Л.В. Ивановой. Литературовед Г.А. Тюрин поделился своими размышлениями о восприятии творчества Тургенева последующими поколениями и нашими современниками, рассказал о его влиянии на творчество И. Каллиникова, о предполагаемом издании антологии стихов, посвященных «Дворянскому гнезду». Член Тургеневского общества К.А. Седойкина прочитала стихи Бальмонта о Лизе Калитиной и рассказала о его приезде в дом № 1 по Верхне-Дворянской улице, который мы называем домом Лизы Калитиной... Вечеру, который был назван «В окрестностях Дворянского гнезда», соответствовало музыкальное сопровождение из произведений Бетховена, Чайковского, орловского композитора И. Хрисаниди, исполнившей свое сочинение - фантазию

«Дворянское гнездо».

Вечер явился вкладом в осмысление значения Дворянского гнезда как удивительного явления в истории русской культуры XIX-XX веков.

Свои стихи, посвященные Лизе Калитиной, в продолжение темы предыдущего вечера, прочитала выпускница ОГУ А. Попова при встрече с орловскими поэтами в рамках рубрики поэтической программы литературной гостиной «Устная библиотека поэтов». Присутствующая на вечере публика могла познакомиться с выставкой художественной фотографии под названием «На тысячу верст кругом Россия - родной край» (цитата из И.С. Тургенева), где были представлены работы учеников Валентины Павловой. Перед искусственной в поэзии публикой выступили настоящие мастера слова Н. Перовский, В. Еремин, молодая поэтесса А. Попова. Выступление каждого из поэтов предвлялось кратким анализом их творчества, сделанным опытным литературоведом Г.А. Тюриным. Наряду с самобытностью выступавших поэтов была отмечена связь их поэзии с лучшими классическими образцами.

В этом году вся мировая общественность отмечала 200-летие со дня рождения великого прозаика и поэта Франции Виктора Гюго. В стенах музея И.С. Тургенева состоялось торжество, посвященное его юбилею, устроителями которого были Тургеневское общество и ассоциация «Французский дом». Преподаватели и питомцы орловского музыкального училища и школы им. В.С. Калинникова, профессора и студенты ОГУ, Государственный Академический драматический театр им. Тургенева, орловские поэты были активными участниками вечера. Фильм, посвященный жизни великого поэта, присланный французскими друзьями, был также своеобразным участником торжества.

Разные лики Гюго-прозаика, общественного деятеля и художника, рисунки которого сравнивали с работами Гойи, предстали в сообщении Т.М. Кривиной. О Гюго-драматурге, истории постановки его драм в театре им. Тургенева, о готовящейся пьесе «Анжело - тиран Падуанский» поведал присутствующим Заслуженный деятель искусств России, художественный руководитель орловского драмтеатра Б.Н. Голубицкий, о «русском» Гюго, его совместной деятельности с нашим земляком И.С. Тургеневым, который назвал Гюго «рыцарем пера», рассказала Л.А. Балыкова. Слушатели с восторгом приняли монолог Трибуле из драмы Гюго «Король забавляется» в исполнении заслуженного артиста России А. Магдалинина, который представил собравшимся настоящий гвоздь с той знаменитой сцены Театра французской комедии, где ставились пьесы Гюго. Все названные выступления и многие другие сменялись исполнением музыкальных произведений Бетховена, Шумана, Листа, Брамса, Веккер-

лена.

29 июля 2002 года исполнилось 180 лет Аполлону Григорьеву - современнику Некрасова, Белинского, Полонского, Фета, Майкова и других выдающихся литераторов XIX века. Григорьев - критик, который, по мнению Блока, при определенных условиях мог бы иметь больше власти, чем Белинский; прозаик, произведения которого создают представление о талантливом художнике, включавшем в свой метод и стиль достижения великих предшественников, но всегда остававшийся оригинальным; поэт-романтик, отразивший свою судьбу с такой полнотой, что все главные полосы его жизни отпечатались в них ярко и смело.

На вечере, посвященном этому событию, собравшиеся услышали о реальных фактах из биографии юбиляра, о его произведениях, носящих автобиографический характер, включая критические статьи. Отмечалось недостаточное внимание литературной общественности к человеку с огромными дарованиями, его восторженное восприятие романов И.С. Тургенева. В очерке «Великий трагик» он упрекал себя, что не написал о трагическом в искусстве и жизни - тему, не доведенную до конца тургеневским Рудиным. Но эта тема звучит во всех жанрах его творчества. По словам Блока: «Душа Григорьева связана с глубинами, хоть и не столь прочно и не столь очевидно, как душа Достоевского и В. Соловьева. В ней отсветы мировой души». Трогательно, проникновенно прозвучали романы Григорьева «Цыганская венгерка» в исполнении П. Егупова и «О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная» в исполнении Р. Рахманова.

«Я вполне сын своей эпохи», - сказал о себе Аполлон Григорьев.

110-летие со дня рождения Марины Цветаевой было отмечено литературно-художественной композицией в духе «серебряного века». Молодые исполнители Анна Попова, Андрей Елисеев и Елена Яворская воспроизвели основные вехи биографии Цветаевой, ее творческие и духовные отношения с великими современниками: Белым, Пастернаком, Рильке, земную любовь к Родзевичу и неразрывную связь с мужем.

***

Вадим Еремин

С работы

Л.А.

Глубина бесконечного сада
Поражает глухой тишиной.
Приближение листопада
Ощущаешь усталой спиной.

Отстаешь от попутчиков, чтобы
Не надолго покой обрести,
И душа вылезает из робы,
На глазах начинает расти.

Для судьбы твоей значат немного,
Проступает зари полоса.
И, как будто из мира иного,
Приглушенно звучат голоса.

Предчувствие осени

Грядет великий листопад,
А следом - белый свет.
И ты всему живому брат,
А мертвому - сосед.

Природы нет как таковой,
А есть твоя судьба.
И с непокрытой головой
Застыл ты навсегда.

Твои сомнения плывут,
Последний луч погас.
Когда от неба оторвут,
Живи в который раз.

***

Опять забродили небесные своды,
Опять вдалеке кутерьма.
Безумие птиц неизвестной породы
Опять меня сводит с ума.

Природа не знает ни в чем оборота,
То давит, то требует ввысь.
Чем ближе подходишь,
Тем выше ворота
И тем притягательней близь.

Опять натянулись небесные струны,
Опять встrepенулись луга.
А солнце дежурит в районе лагуны,
Поджав золотые рога.

В лесу

Лес ленивый окутался паром,
Ни грибов, ни кореньев, и всё ж
Мухоморы, подобные фарам,
Ослепляют. Да что с них возьмешь!

Словно оттиски, сложены листья,
Шевельни - и отыщешь тропу.
И молчанье исполнено смысла,
И боишься ступить на стопу.

Узнаешь дорогие растения,
Возвращаешься к людям. И вдруг
Пред тобой возникают виденья:
Бежин пар,
Бежин снег,
Бежин луг...

Март

Солнце по снегу стелется блеском,
сильным и резким в зеркале лужи.
Мокнет дорога, а в перелесках
с ночи забыто чуточку стужи.
В чересполосице грязи и снега
конь, отощавший на зимней диете,
тащится краем дороги; телега
шатко и валко едет и едет.
Сонный осинник в зябкой низине.
Голой березы почерну прочерк.
Воздух пропитан сладким и синим,
и золотым, и печальным, и прочим...
Что-то вершится. Скрытно и втайне.
Звякнув, ледышка свалится с ветки:
то ли устала, то ли задел кто...
Ветка взметнется, вздрогнет - и станет.
В своре грачиной, вскруженной мартом,
каждый горланец хочет быть первым.
Оперный ворон, мрачный, как Германн,
перья встолорцив, требует: «карррту!»...

Скудный мой край, где все ладно и кстати –
лога продольность, тихость лесная.
Горло остудит и перехватит –
боль или счастье? право, не знаю.
То ли простужен, то ли пристыжен.
Я на природе бываю нечасто.
Крошится, крошится в корочке наста
путаный след, безнадежно простывший.

К вечеру тени вычертят грани,
карты проталин в поле разметят.
Над перелеском выплывет ранний
полупрозрачный мартовский месяц.

Пастораль

О, летняя идиллия!
Все - за город! скорей,
туда, где мак и лилии,
репей и лук-порей.

Там бродят за околицей
и ягоды едят;
там соловей заходится,
и комары зудят.

Из леса эхо дразнится,
ручей бежит резвей.
И стрекозе без разницы,
чем занят муравей.

О, дачная экзотика!
Короткая гроза.
Бредут под пестрым зонтиком
старуха и коза.

Сверкнуло... прогремело – и
вновь небеса тихи, -
но кошка ошалелая
забилась в лопухи.

Пахнёт прохладной прелостью
тропа через овраг...
О, Боже! Сколько прелести
во всём, что просто так.

Осень

Дление тени, тление листьев,
неизъяснимый таинственный трепет.
Осень в России. Время проститься.
Плачьте, прощайтесь... Время не терпит.

Бог испытует ли нас в эту пору?
И на четыре стороны света
по окоёму столько простору!
столько свободы! ... да выхода нету.

Долгие дали - голод для глаза.
Вид на окрестности - не оторваться.
Освобожденье пространства от массы, -
вот описание осени вкратце.

Но не по сути. Метанье метафор,
с птичьей поспешностью сбившихся в стаю.
Дрожь упования. Ужас утраты...
(Все, что угодно - строчка пустая).

Чахлая озимь. Стежки-дорожки.
Брошенный трактор. Ворон на страже.
Пустонь разрытых кладбищ картошки -
вот состоянье души и пейзажа.

Медленный луч в мираже паутинки.
Воздух пропитан печалью и мёдом.
Лёт летаргический божьей скотинки -
тихого ангела - мимо, пролётом.

Русская пагуба - тяга к побегу.
Сердце заходится сладостной болью.
Хочется вечности, свежести, снега...
Ангел летучий, ты не за мной ли?

Ветер, тоскуя, пажити лижет.
Что еще живо, - взыскует спасенья.
Небо всех ниже и Бог людям ближе
в бедной России в вечер осенний.

Тропка терпения в поле потери.
Духа толика в пригоршне праха.
У очевидца осенних мистерий
мужества чуточку больше, чем страха.

К ночи никто не выходит из дома.
Осень. Сиротство зверей и растений.
Острые звезды. Холодной истомой
тление листьев, дление тени.

День чудесный

Воздух наполнен веселым мерцаньем,
снежная пыль облетает ладони...
Лучшее нам не дано в обладанье,
но предоставлено для созерцанья.

Для (*продлевая*) мгновение взгляда,
воображенье находит опору
в образе: снег – совершенье обряда
сеанса чуда: искры как споры

звезд путеводных; удел очевидца –
быть потрясенным счастливым ознобом:
благословен божий дар удивиться
нежным пылинкам, снежным сугробам.

Вот я иду, увлеченный сугубо
странными играми – салочки? Прятки? –
словно ко лбу прикасаются губы
девочки? перышки ангела? (*вряд ли...*)

В полуулыбке растерянно щерясь,
в полувесомости сущего грузно
я прохожу сквозь сияние (*через!*) –
то жизнерадостный, то смертегрустный –

ибо проходит сияние (*мимо!*),
и не свершается, что мы хотели...
Вот и февраль, завершающий зиму,
завтра развалится вялой метелью.

Николай Перовский

Бежин луг

Я не бывал на Бежином лугу,
но он со школьных лет запал мне в душу,
я, как своё родное берегу
ночной костёр и «бяшу» и Павлушу.

Мне тоже доводилось на заре,
когда играют сполохи в затонах,
картошки, испеченные в золе,
как угли, перекачивать в ладонях.

По лугу разносилось «хруп» да «хруп» -
(овсяница не мёртвая зелёнка!)
пофыркиванье влажных конских губ
и топкий в травах топот жеребёнка.

... И я смакую мысленно и вслух,
я озарён зарницею мгновенной –
есть у меня в запасе Бежин луг,
как первое свиданье, сокровенный...

Памяти Евгения Носова

Судьбой проверенные связи
былых и нынешних времён:
штыри и кольца коновязи
и журавля скрипучий склон.

И конюх, черпающий воду
разбухшим серым черпаком
и наполняющий колоду
привычным дедовским плеском.

Мужик в застиранной рубаше,
в кирзовых жматых сапогах,
его размеренные взмахи,
цыгарка – вспышками впотьмах.

И в сбруе, словно в портунее,
в наклоне выпятив крестец,
с лебяжьей вытянутой шеей
его каурый жеребец...

Леонид Потапов

На Дворянском гнезде

Мне хочется порой хоть на мгновенье,
Отбросив колебанья и сомненья,
Земному притяженью вопреки,
С той ветхой колокольни у реки,

Что много лет заброшенной стояла
У самой кромки крепостного вала,
Взлететь над городской суетой –
И ощутить блаженство и покой...

Изгиб реки. Крутой высокий берег,
Столетних ив полуденная тень.
И с кручи видно, как могучий жерех
Стоит в воде. И будничная лень
Висит над речкой, берегом и парком.
На лестнице необъяснимо жарко
И выбита девятая ступень.
Отсюда, от Дворянского гнезда,
Весь старый город словно на ладони.
Дома стоят, как корабли в затоне.
По улицам июльская лебеда
Заполонила взгорки и канавы,
А после ливней, как с вулкана лава,
Несется к речке мутная вода.
Зеленый ров. Зеленый берег.
Пушкарных неширокий веер
С Посадскими наперекрест.
Вдали блестит на солнце крест
Над старым белостенным храмом,
Над шумом, суетой и гамом,
И слышен колокол окрест.

Прогулки по Дворянским улицам

По улицам, как по аллеям,
Сквозь ржавую румяность крон,
Мне с каждым годом все милее
Туда, где ясней наклон
Над старым, брошенным оврагом
Так будничен и величав,
Туда, неслышным тихим шагом,
Где был когда-то наш причал.
Где златокудрые ракиты
Мели нетронутый простор.
Где под скалой, плющом увитой,
Случился тот давнишний спор...

И в день, когда звенящим солнцем
Пронизан каждый лепесток,
А солнце в изумрудных кольцах,
И в дымке сладостный восток,
И полнолуние в разгаре,
И сброшен желтый тлен оков,
И даже слышится Лесков
В осеннем пламенном угаре.
Так хочется порой чего-то
Изведать средь пустых аллей.
Воспоминанья прежних дней –
И боль, и радость, и забота.

Людмила Серова

Ока

Над рекою склоненная ива
Охраняет прохладу воды
И своим отраженьем красивым
Украшает ее до звезды.

А река непрерывным потоком
Омывает извивы корней
И с листвою о чем-то высоком
Говорит в полновесии дней...

Есть в согласии тихой природы
Благодарности вечная суть.
Вот и тянет сюда мимоходом
На гармонию мира взглянуть.

* * *

Ни цветов, ни гудения пчел,
Ни листвы облетевшего сада.
Ранний снег, как скупой новосел,
Скрыл, что надо ему и не надо.

Постараюсь и я до поры

Позабыть, что тревожило сердце.
От природы ли - старшей сестры,
Все адажио наши и скерцо?

А когда голубая весна
Распакует свои чемоданы,
Я откроюсь ей, чтобы она
Залечила незримые раны.

Зимнее утро

Утро. Оживают голоса.
Белым цветом улица богата.
На дороге снега полоса
Шинами узорными примята.

Все деревья донизу в снегу.
Трудно отличить каштан от клена.
И стоят они, забыв пургу,
Близнецами в шубах однотонных.

А душа, где отцвела весна,
Полнится безмерным белым светом.
И всему, чем дорожит она,
Ровным откликается приветом.

Конец зимы

Покидая медленно поля,
Снег в низинах смотрит облаками.
Между ними, ширясь, островками
Проступает влажная земля.
Солнце, сквозь туман просунув лик,
По стволу лучом нисходит длинным.
Галки устремляются к вершинам,
На земле оставив вздорный крик.
На скамейках, выросших из снега,
Кроткие влюбленные сидят.
О любви их позы говорят
И в глазах божественная нега.

Самолет нам указывает даль
Ту, что за пределами земного. -
Все к соединению готово –
Мы перешагнули за февраль.

Весной

Голубей голубого забора
Неоглядный небесный простор.
Кружевная оконная штора
На стене повторяет узор.

Из-за хлебной под деревом крошки
Не дерутся с утра воробьи.
На бегущей за город дорожке
Все упорнее взгляды мои.

Сердце светлой живет переменой.
Не печалят сухие листья.
Под всеобщей весенней антенной
Все отчетливей дух красоты.

* * *

В небе с проблеском весенним
Тихо плавает дымок.
Ходит галка по антенне
Павой вдоль и поперек.

Смотрит циркулем саженым
Кран подъемный в высоту.
Пешеход на вид блаженный
Вспомнил давнюю мечту.

А просвет все ярче, шире –
Гонит скуку и хандру...
Луч у тени в зыбком мире
Снова выиграл игру.

СТРАНИЦА ИЗ ПОВЕСТИ ОБ И.С. ТУРГЕНЕВЕ
«ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО»
Лирические миниатюры

У реки

Солнце то скрывалось, то снова выходило из-за туч. На берегу почти пустынно. Несколько рыбаков в сонной тишине над неподвижными удочками. Город в двух шагах, но шума его почти не слышно. Только с правого крутого берега доносится гул завода. Но и этот звук привычен, не разрушает глубокого покоя.

Ветер поднялся и погнал мелкую быструю волну против течения. Строчками стихов зарябило и гладь души моей.

Ветер воду гнал вспять,
Чешуёй серебрилась река,
И не мог я понять,
Повернула иль встала Ока...

Над рябью у прибрежных трав маленькими, тугими, словно набитыми грузом вертолетами, висят стрекозы, то лениво неподвижные, то срывающиеся в сторону с быстротою тени. Вдоль реки сквозь ветер, мельтеша крыльями, точно веслами, пролетают, вытянувшись в ниточку, две утки-чирка. Тяжело проплывают грачи, иногда плюхая в воздушных воронках. Легким крылом режут воздух стрижи.

26.06.1997

Летнее утро

После ночного дождя все свежее, чистое, отмытое от зноя и пыли. Солнце светлое, детски ласковое, словно заново ожившее после крещения. Опрятные, притихшие улицы, густая, яркая зелень, несуетные люди, идущие куда-то по своим делам. Всем хватает места: ни споров, ни ссор. Неспешно и мирно, погруженная в свои думы, трусит по дорожке собака, тоже пристойная, чистая –

дителя этого крестильного утра, наполненного духом чистоты и света.

Смотришь на все как будто новыми глазами. Как прекрасен мир, жизнь! Почему не замечал этого раньше? Редко открываются очи наши, смутно мы видим. Так мало дано нам вместить. И хочется просить только о том, чтобы чаще открывалась душа свету красоты и дольше длились эти мгновения счастья.

27.06.1999

**Государственный литературный музей И.С. Тургенева
Тургеневское общество в Орле
Тургеневский ежегодник 2002 года**

Составители и редакторы Л.А. Балыкова,
Л.В. Дмитриухина
Компьютерный набор Е.М. Шинкова
Компьютерная вёрстка К.А. Сальников

ООО Издательский Дом «ОРЛИК»

Лицензия ИД №00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Формат 60 x 84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печатных листов 12. Заказ № 960 от 09.09.2003 Тираж 200 экз.

